

2020
№2

KAZAKHSTAN

Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі
Ғылым комитетінің Р. Б. Сүлейменов атындағы
Шығыстану институты жанындағы Тарихи материалдарды
зерттеу бойынша республикалық ақпараттық орталығы

Республиканский информационный центр по изучению
исторических материалов при Институте востоковедения
им. Р. Б. Сулейменова Комитета науки Министерства
образования и науки Республики Казахстан

SHYGYS

МАЗМҰНЫ ✦ СОДЕРЖАНИЕ ✦ CONTENT

ИСТОРИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ

Г. С. ЖҮГЕНБАЕВА

Ұлы дала тарихының автохтонды дереккөздері 3

Н. М. ОСПАНОВ

Исторические связи Тюркского каганата
со средневековыми корейскими государствами..... 13

Б. Т. ЖАНАЕВ, И. М. САМИГУЛИН

Н. А. Середа и его труд о казахском восстании
1869–1870 гг..... 22

Б. ҚҰДАЙБЕРГЕНҰЛЫ

Қабыш Исаұлы Бердалин – Алаш азаматы 94

Г. А. ШОТАНОВА

«Дореволюционный мор» в Казахской степи 101

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ ВОСТОЧНЫХ И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ ВЕЛИКОЙ СТЕПИ

Б. ДҮЙСЕВ

Қазаннан табылған «Қажынама» («Архив – 2025»
бағдарламасы аясында Қазан қаласына жасалған ғылыми
экспедиция материалдары негізінде) 107

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

М. М. КОЗЫБАЕВА

Международная научно-теоретическая онлайн-конференция
«Роль и значение Улуса Джучи (Золотой Орды) в историко-

культурном пространстве Великой степи», посвященная 750-летию Золотой Орды.....	113
Международная научно-практическая конференция «Многовекторность Центральной Азии: взгляд изнутри»	116
«Ұлы Даланың тарихы мен мәдениеті» ғылыми бағдарламасын жүзеге асыру аясында «Қазақ хандығына қатысты Ресей империясының саясатын зерттеу мәселелері (XVIII – XIX ғ. жартысы)» атты республикалық дөңгелек үстел	117
«Ұлы Даланың тарихы мен мәдениеті» ғылыми бағдарламасын жүзеге асыру аясында «XVIII ғ. – XX ғасырдың басындағы Қазақстандағы ұлт-азаттық қозғалыстар тарихының пікірталас мәселелері» атты дөңгелек үстел	119
НОВЫЕ ИЗДАНИЯ	121

Редакционная коллегия:

*Абусейтова М. Х. – председатель
(Казахстан)*

Алимгазинов К. Ш. (Казахстан)
Алимова Д. А. (Узбекистан)
Анне-Мари Вильмено (Бельгия)
Байтанаев Б. А. (Казахстан)
Дербисали А. В. (Казахстан)
Джин Нода (Япония)
Додхудоева Л. Н. (Таджикистан)
Жанаев Б. Т. (Казахстан)
Жумагулов К. Т. (Казахстан)
Зайцев И. В. (Россия)
Кабульдинов З. Е. (Казахстан)
Кусаинова Т. Ж. (Казахстан)
Масимханулы Д. (Казахстан)
Оразбаева А. И. (Казахстан)
Попова И. Ф. (Россия)
Самашев З. С. (Казахстан)
Самигулин И. М. (Казахстан)
Смагулов Т. Н. (Казахстан)
Сулейменов О. О. (Казахстан)
Султангалиева Г. С. (Казахстан)
Табынбаева З. С. (Казахстан)
Токо Фудзимото (Япония)
Турдалиева Ч. Д. (Кыргызстан)
Ужкенов Е. М. (Казахстан)
*Урсула Симс Уильямс
(Великобритания)*
Уяма Томохико (Япония)
Францис Ришар (Франция)
Шаймарданова Н. Ж. (Казахстан)

Редакторы:

В. Корешкова, К. Смадилова
Корректор Н. Садыкова
Компьютерная верстка
В. Корешковой
Дизайнер К. Карпун

Адрес редакции:
г. Алматы,

Издательство «Шығыс пен Батыс».
050009, г. Алматы,
пр. Абая, 143, оф. 220.
Тел.: 394-40-45, 394-42-32

Журнал зарегистрирован
Министерством информации
Республики Казахстан
в 2004 г. Свидетельство № 4881-Ж.
Перерегистрирован Министерством
информации Республики Казахстан
в 2020 г. Свидетельство
№ KZ76VPY00027373

Подписано в печать 4.09.2020.
Формат 70 × 100^{1/16}. Уч.-изд. л. 10,7.
Усл. п. л. 8,0 + вкл. 0,5.
Тираж 250 экз.

ИСТОРИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ

Г. С. ЖУГЕНБАЕВА

ҰЛЫ ДАЛА ТАРИХЫНЫҢ АВТОХТОНДЫ ДЕРЕККӨЗДЕРІ

Заманауи ғылыми танымда Ұлы даланың көшпенділер әлемі бірегей, дара өркениет тұрғысында салиқалы ұстанымда қарастырыла бастады. Еуразиялық географиялық кеңістіктің байырғы көне тұрғындары адамзат тарихының даму үрдісінен қалыспай, эволюциялық табиғи ырғақтағы төлтума құндылықтар жүйесін қалыптастырды. Сан ғасырлық тарихында мемлекет құру дәстүрінің өзгеше үлгісін, мәдениеті мен шаруашылық жүргізу дағдысын ұрпағына тарихи жадында ауызша жеткізіп, биік руханиятты табыстаған түркі халықтары ортақ этномәдени құндылықтарын жеткізе алды. Тарихи дамудың түрлі кезеңдерінде орын алған сыртқы басқыншылықтар мен билік үшін қантөгіс тартыстарға қарамастан көшпенділік өмір салтына бейімделген түркілердің діл болмысының тереңдігі өткен тарихына деген аманатынан көрінеді. Түркі сына жазуларында безбенделіп қалған тарихи жадыға деген құрмет түркілер тарихының барлық кезеңдерінде сақталып қалды.

Әсіресе төлтума жазба мәдениеті түрлі тарихи себептерге байланысты тұрақты сипат алмаған және географиялық табиғи ортаның әсерінен көшпенділік өмір салтына басымдық берген халықтардың ауызша дәстүрдегі биік руханияты жан-жақты зерттеулерге тартылып, өз мәртебесіне көтерілері уақыт еншісінде.

Бұл орайда, Қазақстанның тұңғыш Президенті – Елбасы Н. Ә. Назарбаевтың «Ұлы даланың жеті қыры» [1] атты бағдарламалық еңбегінің терең маңызын атап айтқан орынды. Көшпенділердің дәстүрлі қоғамы қағанаттар мен хандықтар, ордаларға негізделген «Мәңгілік ел» болу ұстанымынан айнымай, өркениеттіліктің ерекше атрибутын жасап берді. Мұны төменде көшпенді социумның фольклорлық мәдениеті мен ономастикалық мұрасын жергілікті тарихи дереккөздері тұрғысында қарастыру барысында дәлелдеуге ұмтылды.

Бұл мәселе белгілі тарихшы ғалым, профессор М. Қ. Әбусейітованың жетекшілігімен жүргізілетін «Ұлы даланың тарихы және мәдениеті» [2] атты ғылыми жұмыс аясында арнайы зерттеуге алынып, тиісті қорытындыларға ие болды.

Ұлы даланың тарихына қатысты мәселелерді қарастыруда өркениеттік әдістің онды тұстары бар. Әмбебап сипатымен тарихи құбылыстарды зерттеуде нәтижелері мол бұл ғылыми әдіс жайында М. Вебер, А. Тойнби, О. Шпенглер және «Анналар» тарихи журналының төңірегіне ұйымдасқан тарихшылар (Ф. Бродель, Ж. Ле Гофф), Н. Я. Данилевский, К. Н. Леонтьев, П. А. Сорокин [3] т. б. еңбектенді.

Өркениеттік әдістің ұтымдылығы (оның әдістерін кез-келген ел тарихына пайдалану, өзгешелікке, ерекшелікке мән беру, онымен санасу тарихты көп қырлы, процестер ағымында түсінуге мүмкіндік беруі, адамзат тарихының біртұтастығын қабылдау) басым.

Өркениеттер бірі-бірімен салыстырылғанда ғана тұтас жүйе. Бұл зерттеуде тарихи-салыстырмалы әдісті кеңінен пайдалануға жол ашады. Нәтижесінде елдің, халықтың, белгілі бір аймақтың тарихы өзімен өзі тұйықталған жағдайда емес, басқа елдердің, халықтардың, өркениеттердің тарихымен салыстырыла, бағалана қарастырылады.

Бұл тарихи процестерді тереңірек тануға қолайлы, олардың өзіндік ерекшеліктерін түсіндіріп береді. Өркениеттің дамуының белгілі бір өлшемдерін анықтау тарихшыларға әрбір елдің, халықтың, өлкенің жетістіктерін анықтауға, әлемдік өркениетке қосқан үлесін талдауға серпін туғызады. Өркениеттік әдіс тарихи процесте адамзаттың рухани-адамгершілік және интеллектуалдық факторларына баса көңіл аудартады. Бұл тұғырда өркениетті бағалауда дін, мәдениет, діл жетекші рөл атқарады.

Дала өркениетінің іргелі мәселелерін зерттеуде бұл бағытты Ш. Ш. Уәлиханов, М. Көпейұлы, Ш. Құдайбердиев, Алаш зиялылары, Е. Бекмаханов, Ә. Х. Марғұлан [4] алдыңғы орынға қойды. Сондықтан тарихты зерттеудің өркениеттік әдісі қазақ топырағанын да кездеседі деп айтуға сенім бар.

Қазіргі қазақ тарихшылары – М. Қозыбаев, А. Оразбаева т. б. ғалымдар еуразиялық көшпенділер өркениетін кеңінен зерттеуге, зерделеуге өркениеттік әдістің қолайлылығын жоққа шығармайды [5]. Түркі өркениеті турасында Л. Н. Гумилевтің көзқарасының теориялық-методологиялық тұрғыдан маңызы зор [6]. Мәселені деректанулық талдауда неміс методологы Иоганн Густав Дройзен (1808–1884) концепциясы жемісті екенін айта кеткен жөн. Неміс методологының ұғымында, қоғамның өмір сүруі мен дамуының ішкі механизмдерін анықтауда әлеуметтік психологияны ескеру керек. Бұл қазіргі феноменологиялық әдіске табан тірейді, өткеннің адамын түсінуге тырысу және сол арқылы тарихи құбылыстарға интерпретация жасауға қайырылу. XX ғасырдың соңы мен XXI ғасырдың басында тарих ғылымында адамды сан қырынан, барлық әлемімен түсіндіруге тырысуға бағытталған тарихи антропология ілімі орнықты. Орыс ғалымы А. С. Лаппо-Данилевскийдің гносеологиялық жүйе ілімін ескеру керек. Оның тарихи деректі «адам психикасының жемісі» деген ұстанымы, тарихи ақпаратты жеткізушіге деген ерекше көзқарасты туғызып, тарихшы-деректанушылардың зерттеу процесіне, өткен туралы деректер кешеніне, оған деген зерттеуші қарым-қатынасының өзгеруіне әкелді. Тарихи феноменологияның гносеологиялық принциптері барынша толығырақ А. С. Лаппо-Данилевский ілімінде қарастырылса, тарихтағы антропологиялық бетбұрыстың концептуалды бағыты осы И. Г. Дройзеннің еншісіне тиеді. Тарихты зерттеудің өркениеттік әдісінің бұл айтылғандарға жақындығы көрініп тұр. Тарихи сананың ұлттық қалыбын жасап шығару және өткенді ұлттың тарихи мінез-құлықтарының автохтонды моделі арқылы талдау, сөйтіп қоғамның өзінің құндылықтарын бағалай алуы, оның әлемдік тарихтағы және мәдениеттегі орнын анықтауы екенін ескеру қажет. Ғалымның отандық деректанудың жаңа

сапалық бағытын айқындаудағы жазба және дәстүрлі ауызша тарих туралы көз-қарасы құнды көрінеді. Түйіндеп айтқанда, жазба және ауызша дәстүрдің мүлдем екі басқа болмысы түсіндіріледі. Оларға ортақ нәрсе – екеуі де қабылдау әлемінің туындысы, ұрпақтан-ұрпаққа не болғанын және қалай болғанын жеткізеді. Алайда жазба дәстүр ауызшаның алдында жүреді. Оның маңызы дүниетанымды сақтап қалғанында, сөйтіп кейінгіні өзгертпеуінде. Ал дәстүрлі ауызша тарихтың барынша оңайлануы «барлық қабылдауларды барынша қарапайым, айқын, өрнектей түсіндіруінде» жатса керек. Бұл оның артықшылығы дер едік. Барлығы да алдымен ауызша өмір сүреді, жазбаша тек сыртқы түр ғана. Автордың пікірінше, ауызша және жазбаша дәстүрдің өзара принципті айырмашылығы жоқ. Бұдан жүз немесе мың жыл бұрынғының бәрі ауызша дәстүрде өмір сүріп, кейін жазбаша нұсқа арқылы ғана жетті. Тарихтың әдісі ретінде И. Г. Дройзен зерттеудегі басты жетекші орынды деректануға береді. Ол деректерді тура және жанама деп бөліп тастауға қарсы, «жанама» дерек, зерттеу мәселемізге арналмағандықтан ғана «артықтау» болып көрінеді [7]. Тарихтанудағы «тұс-тұстан, орнымен сұрақ қоя алатын» деректанудың аса маңызды рөлін ХІХ ғасырда-ақ көрсетіп, өзінің өміршендігін осы күні дәлелдеп берген И. Г. Дройзеннің ілімі, африкалық ауызша дәстүрді зерттеуде фольклорға терең мән берген Ян Вансинаның концепциясы [8] назарда болды. Жұмыста пәнаралық әдіс қолданылды. Зерттеуде жалпы ғылыми танымның: тарихи және қисындық, анализ бен синтез, индукция мен дедукция; жеке тарих ғылымының: тарихилық, объективтілік, мәтінтанулық, ділгірлік әдісі, кезеңдеу, проблемалық-хронологиялық, салыстырмалы-тарихи, терминологиялық, синхрондық және диахрондық әдістері пайдаланылды.

Автохтонды тарихи деректемелердің дәстүрлі қоғамды сан қырынан танып, оң нәтижелі зерттеулер жүргізуге қосатын үлесі мол. Әсіресе фольклорлық деректер мен халық ономастикасы мәліметтері – көшпенді социумның саяси, этникалық және этномәдени құбылыстары мен дәстүрлі құндылықтарын зерттеуде таптырмас дереккөздері. Ұлы даланың байырғы тұрғындары қазақ халқының бай, аса күрделі бетбұрысты кезеңдерге толы тарихи даму жолын өзі қалыптастырып, дамытқан төлтума мұралары арқылы танудың маңызын төмендетуге болмайды.

Халықтың рухани мұраларына кеңестік кезең тұсындағы саяси-идеологиялық қысымдар ауызша фольклор туындылары мен халық ономастикасы мәліметтерін тарихи өткенді зерттеуге пайдалануға жол бермеді. Алайда, отандық фольклортану және әдебиеттану ғылымы жойқын қудалауларға ұшырағанына қарамастан халықтың рухани әлеуетін сақтап қалуға зор күш жұмсады [9]. Соның арқасында бүгінгі таңда тың методологиялық ізденістер негізінде тарихымызды сан қырынан танып-білуге, пайымдауға мүмкіндік туып отыр.

Көшпенді қазақ социумының әр кезеңдердегі дамуы халықтың тарихи жадында ономастикалық мәндегі квинтэссенциялармен түйінделіп қалды. Мәселен, «Алаш, Алаш болғанда, Алаша хан болғанда»; «Алашыма ұран салармын»; «Қасым ханның қасқа жолы»; «Есім ханның ескі жолы»; «Хан Тұрсынды ант ұрсын!»; «Ақтабан шұбырынды, Алқакөл сұлама»; «Күлтөбенің басында күнде кеңес»; «Әз Тәукенің қой үстіне бозторғай жұмыртқалаған заманы», «Құба қалмақ», «Шаңды жорық», «Зар заман» [10] т. б. Олардың қайсыбірі тарихнамалық дерек ретінде Доспамбет

жырау, Шалкиіз жырау, Қазтуған жырау, Жиёмбет жырау, Марғасқа жырау, Ақтамберді жырау, Тәтіқара ақын, Үмбетей жырау, Бұқар жырау, Көтеш ақын, Шал ақын, Дулат Бабатайұлы, Шортанбай Қанайұлы, Мұрат Мөңкеұлы сияқты т. б. ақын-жыраулар шығармаларында кездеседі [11].

Ұлы даланың шығармашылық өкілдері ақын-жыраулардың туындылары мен міндет-мақсаты аса ауқымдылығымен қатар, салмақты да еді. Олардың ең басты парызы – тыңдаушы аудиторияның деңгейіне қарай, сол заманның күрделі оқиғалары мен құбылыстарын нақтылы дәйектер бойынша, өткен кезеңдермен қамтып, тұтас ұжымдық тарихи сананы қалыптастыру. Әдебиеттану ғылымында ақын-жыраулар туралы еңбектер біршама. «Ақын-жыраулар» деген тақырыпқа Е. Ысмаилов [12], Е. Тұрсынов [13], Қ. Сыдықов [14], Ә. Қоңыратбаев [15], Р. Бердібаев [16], т. б. көрнекті ғалымдар зерттеулерін арнады. Мәселен, Е. Ысмаиловтың «Ақындар» деп аталатын еңбегіне назар аударайық.

«Қазақтың көне ауыз әдебиеті нұсқаларында жырау, ақындықтың ең көне түрі болғанға ұқсайды. Өйткені, қазақтың батырлар жырында алғашқы ақынның аттары: Сыпыра жырау, Шалкиіз жыраулар. Ал XVIII ғасырда Бұқар жырау, Тәтіқара жырау, Үмбетей жыраулар аталады. Біздің дәуірімізде жырау атымен аталып келген Мұрын жырау. Жырау – ақын; өлең, жыр, толғау шығарып айтады. Жырауда суырыпсалмалық, шешендік қасиет бар. Жырау деген сөздің төркіні – жыр (иыр) жырлау дегеннен шыққандығы сөзсіз» [12, 39–40 бб.] деп, жырау атанудың ұғымы мен мәнісін түсіндіреді. Ақын-жыраулардың мұралары тарихи дереккөздік және тарихнамалық сипатын көрсетіп бере алады. Мұнымен қоса туындылардың өздері халықтың тарихи зердесі – дәстүрлі ауызша тарихқа сүйеніп, оның қорытылған квинтэссенциясын пайдаланады. Бұл көшпелілердегі тарихи сананың тереңдігін және жалғаспалылығын көрсететін фактілердің бірі.

Сондай-ақ шежірелер халықтың тарихи жады міндетін тікелей атқарды. Оның өз ерекшелігі, нақтылы міндеті болғанымен, тұтастай алғанда көшпенділердің тарихи зердесі осы шежірелерде айқындалып, бекітілді. Шежірелік рухани мұраларға кеңінен ғылыми баға берудің, оны синкретті тарихи деректеме ретінде орнықтырудың мезгілі келгенін ескерген жөн.

Шежіре ең алдымен дәстүрлі қоғамның ауызша өмір сүрген рухани ескерткіші. Ол осы қоғамда екі функцияны атқарды. Бірі – тарихи сананың міндетіндегі рөлі. Мұндай жағдайда шежіре ұжымдық тарихи білім сипатына ие болды. Анықтап айтқанда, шежіренің адамзаттың жаратылуынан бастап, жеке адам, ру-тайпа, халықтың шығу тегі (түркі тектілердің шежіресі) және өз ішіндегі әлеуметтік жіктерінің (мәселен, төре, төлеңгіт, қожа, сунақ шежірелері) бәрін қамти отырып, белгілі бір халықтың өзін «шығаруы», сол арқылы өзінің өткенін анықтауға талпынысы. Сондай-ақ шежіренің алдыңғы орынға адамның іс-әрекетін емес, оны жасаушы адамның өзін қойып, персондалуы оның тарихи білім ретінде, адамзаттың өткен өмірін зерделеудің табиғи эволюциялық дамуы болып есептеледі. Тарихи білім – шежіре тарихи өткенді дәстүрлі қоғамдағы дүниетаным (мифологиялық және діни сенім бойынша) тұрғысынан пайымдауға ұмтылды. Мұндай қоғамдардағы ғылыми ойлаудың нышандары ілкітарихилық тұрғыда еді [17].

Шежіренің ілкі атаны мифтендіруі және дінмен байланыстыра түсіндіруі қоғам жетілуінің белгілі бір деңгейі, тарихи ой-сананың эволюциялық дамудағы ерте кезеңдері еді. Адамзат қауымы индустриялық қоғамға жетіп, оның дәстүрлі тарихи білімдері ғылыми танымға көтерілгенге дейін әлі қаншама уақыт керек еді. Шежіре екінші функциясында қолданбалық мағынаға ие болды. Бұл оның жеті атаға дейінгі ата-текті қатаң қадағалау арқылы ұрпақтар арасындағы генетикалық ауытқуды болдырмауға күш салушы міндеті. Соңғы кезге дейін шежіренің қазақтардың өмірінде үлкен мәнге ие болуының бір сыры осында жатыр. Шежіренің осы екі қырын терең таразылап алмай, оған деген қоғамдық-ғылыми өмірдегі көзқарасты бір бағытқа қою мәселесі қашықтай бермек.

Әрине, мұның бәрі шежіретанудың жүйелі ғылыми бағыты қалыптасқанға дейінгі кезеңдерінің белгісі болары сөзсіз. Шежірелік мұралар жан-жақты, тарихи деректанулық тұрғыдан жүргізілген зерттеу нысанына айналғанда ғана, өзінің ұлттық тарихнамадағы және қазақ халқының тарихындағы орнына қойылады. Бұл ойымызды белгілі шежіретанушы ғалым А. Сейдімбектің пікірімен жалғастырайық: «...Қазақ шежірелерінің толымды нұсқалары Қазақстан Республикасы Орталық Ғылыми кітапханасына, Ұлттық кітапханаға, Мемлекеттік Орталық мұрағатына жинақталған. Бір ғана Орталық Ғылыми кітапхана қорында 20 мыңдай қолжазба болса, М. О. Әуезов атындағы Әдебиет және Өнер институтының қолжазба қорында 6 мың беттей шежіре бар. Бұлардың ішінде деректік мәні назар аударарлық шежірелер де кездеседі. Әсіресе, «Қазақтың хандары туралы», «Қазақтың өткен батырлары туралы», «Қазақтың өткен билері туралы», «Қазақтың шежірелері», «Үш жүздің шежіресі», «Ұлы жүздің шежіресі» деп келетін тақырыптағы қолжазбалардың тарихи дерегі мол».

Ғылыми шежіретанудың зор маңызын дәлелдей келе, белгілі ғалым мынадай қорытынды жасайды: «Қазақтың шежірелік мұрасына қатысты пайымдаулардың түйіні мынаған саяды: Қазақстан тарихын жазу барысында Еуразия көшпелілері туралы, оның ішінде түркі тілдес халықтар жайында жазылған байырғы және ортағасырлық еңбектердің баршасы тілі мен діліне қарамастан қаперде болып, ғылыми сараптан өткен деректер рухани айналымға түсуге тиіс. Еңбектері шежірелік сипатта жазылған, әсіресе Алтын Орда ұлысынан бергі кезеңді тілге тиек еткен төл авторлардың еңбектері Қазақстан тарихы үшін аса құнды дереккөзі. Қазақтың фольклорлық мол мұрасындағы (тарихи өлең-жырлар, аңыз әңгімелер, шежірелік баяндар, мақал-мәтелдер, т. б.) деректерді өмір шындығымен шеңдестіре отырып, Қазақстан тарихының мазмұнын байытатын қыруар мағлұмат сүзіп алуға болады. Қазақ хандығы құрылып, қазақ этнонимі орнығып, қазақ ру-тайпалары жаңадан жасақталған кезден бергі уақыт аясында ғұмыр кешкен адамдардың бәрі дерлік шежірелік түзілімге іліккен. Әйгілі тұлғалардың бәрінің дерлік өмір дерегі туралы шежіре баяндары бар. Бұл әлем халықтарының тарихында кездесе бермейтін бірегей рухани феномен. Яғни, қазақ халқының азаматтық тарихын жазу барысында шежіре түпнұсқа дереккөзі ретінде айырықша мән беруді қажет етеді» [18].

Шежіре өзінің дәйектерін эпоним, этноним, антропоним түріндегі генеалогиялық кестесін негіздеуге ол жайындағы түрлі аңыздарды пайдаланып дәлелдейтіні белгілі. Ал осы аңыздары шежіренің халықтың тарихи зердесін қалыптастырушы

міндетін айқындаушы белгісі. Квинтэссенциясы айқын даланың ауызша тарихы ауызша және жазба шежіреге қатар түскен. Бұл жағдайда ол дербес дәстүрлі тарихи білім – шежіренің тарихнамалық дерегі қызметін атқаруға кіріседі.

Көшпенділердің тарихи зердесі саналатын дәстүрлі ауызша тарихтың нағыз үлгілері XVI–XX ғғ. жазылған шежірелерде ұшырасады. Өтеміш қажының «Шыңғыс-намасы» [19]; Әбілғазының «Түркі шежіресі» [20]; Қадырғали Жалайырдың «Жылнамалар жинағы» [21]; Ш. Ш. Уәлихановтың «Қырғыз шежіресі» [22] және Ш. Құдайбердіұлының «Түрік, қырғыз-қазақ хәм хандар шежіресі» [23]; Мәшһүр Жүсіп Көпейұлының «Қазақ шежіресі» [24]; Құрбанғали Халидтің «Тауарих хамсасы (Бес тарихы)» [25]; Х. Досмұхамедұлының «Аламаньында» [26], М. Тынышбаевтың «Материалы к истории киргиз-казакского народа» [10] және шежірелерге арналған кейінгі зерттеулерде [27] кездеседі.

Шежіре Ұлы дала көшпенді тұрғындарының дәстүрлі ауызша тарихы жоғары деңгейде дамығандығын дәлелдейтін фактіні көрсетеді. Бұл – халықтың жазба дәстүрге мойынсұнбаған кезеңінде өзі, өткені жайында таным-түсінігімен, парасатпайымымен тарихын жадында сақтау жолындағы амал-әрекеттері, әдіс-тәсілдері. Мұнда тұтасымен халықтың іс-әрекет тарихы мен дәстүрлі тарихи дүниетанымы толықтай көрініс тауып, жымдасып, келістіріліп «тоқсан ауыз сөздің тобықтай түйініне» айналған. Оларды зерттеу, тану, тарихымызды түгендеуге қатыстыру бүгінгі отандық тарих ғылымының, деректану саласының аса абыройлы және кәсіби міндеті.

Бұл пікірлерімізді ономастикалық және фольклорлық мәліметтері аса мол кезең Қазақ хандығы кезеңіне қатысты ізденістерімізбен дәйектейік.

XVI ғасыр соңы мен XVII ғасыр басындағы Қазақ хандығы күрделі саяси-әлеуметтік оқиғалармен өмір сүрді. 1598 ж. Тәуекел ханнан соң Қазақ хандығын билеген Есім ханның халық жадында «Еңсегей бойлы ер Есім», «Есім ханның ескі жолы», «Хан Тұрсынды ант ұрсын!» тарихи тұспалды деректермен сақталғандығы мәлім [10, 32-б.]. Ташкент, Түркістан, Сауран, Әндіжанға билігін жүргізген қазақтар Аштарханилармен тақ таласына түсті. Сондай-ақ Есім ханның билігі тұсында Тұрсын, Абылай, Ханзада сұлтандар сепаратистік іс-әрекеттерімен көрінді. Бұл кезеңді XVII ғасырлық автор Махмұд ибн Уәли «Бахр әл-Асрар» еңбегінде сипаттағаны белгілі [28]. Оның мәліметтеріне сүйеніп, Есім хан билігін, қазақ-ортаазиялық қарым-қатынастарды, әсіресе Тұрсын ханмен Есім хан арасындағы күресті кезінде В. П. Юдин, М. Қ. Әбусейітова сынды ғалымдар зерттеп жазды [28, 240–255-бб.]. Есім мен Тұрсын хандардың арасындағы қақтығыс себептері, Есімнің Тұрсынды өлтіруі, оның қол астындағы қатаған руын қыруы, қырғыз Көкім бидің көмегі және оған Есім ханның Ташкентте «Көкімнің көк күмбезі» атты мұнара салғаны туралы деректер талданады [28, 427–428-бб.].

Бұл мәліметтерді, одан да ертерек XX ғасырдың 20 жылдары халық ономастикасы мен фольклорлық мәліметтер арқылы жан-жақты ашып, байыпты зерттеу жүргізген қазақ ғалымы – М. Тынышбаев [10, 32-б.]. Ол сол кездің өзінде-ақ ұлттық тарихты зерттеп, тануда автохтонды деректемелердің зор деректік әлеуетін танып, нақтылы зерттеулерімен дәлелдеп береді. Ғалым еңбектерінде халық аңыздары ұлттық тарихи дерек және дереккөздері, әрі тарихнамалық дерек болып қатысқан.

Халық жадында «Хан Тұрсынды ант ұрсын!» кейде «Ей, Қатағанның ханы Тұрсын!» деген квинтэссенциялармен сақталған XVII ғасырда өмір сүрген Есім хан мен Тұрсын хан арасындағы қақтығыс М. Тынышбаев еңбегінде осы бағытта зерттелді.

Автор кезеңге қатысты ауызша және жазба шежіредегі дәстүрлі ауызша тарих туындыларын және ресми жазба деректерді салыстырмалы-салғастырмалы әдістермен пайдаланып, мәселенің анықталуына бірнеше дәйектер келтіреді. Соның нәтижесінде, күрделі саяси қақтығыстармен соғыстарға толы кезеңдегі халық тарихы ашыла түскен.

Аталған кезеңді зерттеудегі басты жазба деректердің бірі – Әбілғазы Баһадүр ханның «Түркі шежіресінде», «...екі жылдан кейін Есім Тұрсынды шауып, оны өлтіріп, қатағандарды қырғанын» жазғанымен, оның себебін хорезмдік тарихшы көрсетпейтін. Сондықтан зерттеуші екі хан арасындағы қақтығысты халық аңыздарынан іздейді: «Бұл жайында Бөген өзені бойында тұратын, Шушка-бұлақ елдімекені жанында, ошақты руынан шыққан Базек ақсақал 1923 жылы бізге мынадай аңыз айтқан еді: «Ержүрек Есім хан, шығысқа қалмақтарға қарсы соғысқа аттанып тұрып, Түркістанға өзіне кіші хан Тұрсынды (Ташкентті басқарып, қатаған және қаңлы руларына әмірін жүргізген) шақырып алады. Есім оған барлық халықты басқаруды және өзінің отбасын тікелей қамқорлығына алуды тапсырады. Тұрсын мұның бәрін орындауға «ант береді». Есім соғысқа аттанады, ал Тұрсын Ташкентке оралады.

Есім 2 жыл жорықта болып, қалмақтарды шауып, үйіне қайтады, жолшыбай әскерлерді туған ауылдарына қалдырады. Күйік тауына (Әулиеатадан батысқа қарай 40 шақырым) жеткенде, ол Тұрсын ханның бұзауларын бағып, жылап жүрген кемпірді көреді. Қария «ержүрек баласы Есім қайтып оралып, ханшаны бақташыға айналдырған Тұрсыннан өшін алады» деп жоқтау айтып жүріпті. Есім оның өз анасы екенін біледі; оны күйік кернейді, содан бұл жер «Күйік» атанған. Арыс өзеніне жете бере, қазір «Құтырған» (Арыс және Боралдай өзендері арасында) атанған жерге келгенде, ол Тұрсын күйзелткен өз ауылының орнын табады. Есімнің отбасы мүшелері Тұрсынның малын бағып жүр еді. Бойын қатты ашу-ыза кернеп «құтырған» Есім тез арада әскер жиып Тұрсынға аттанды; ал әлгі жер «Құтырған» атанады. Есім Тұрсынның қол астындағы қатағандарды шауып, Тұрсынды – «Хан Тұрсынды ант ұрсын!» деп өз қолымен өлтіреді» [10, 157–159 бб.].

Ташкент уезіндегі шанышқылы руларының аңызы бойынша, бір кездері олардың ханы Тұрсын болғаны, оны Есім өлтіргені сақталған. М. Тынышбаев Щербина экспедициясы мәліметтеріне сүйеніп «қаракесек руына қатысты ескертпеден» жоғарыдағы Базектің Есім ханның жорығы туралы аңызын дәлелдейтін мынадай деректі көрсетеді: «Қатаған халқына жасаған бір жорықтан кейін қолға түскен бойжеткен-қыздарды өзара бөлісіп алады; Шаншар – Нұрбикені, Қарпық – Дәулетбикені, Байбөрі – Оразбикені, ал Тобықты руы – Қоңырбикені. Бұл қыздар «қатаған» халқының көсемінің қыздары болған. Шәкәрім Құдайбердиевтің 9-шы атасы Сары Қоңырбикеге қосылған екен [10, 158 б.]. Зерттеуші мұнымен шектелмей, қырғыз халқының Есім ханның қалмақтарға жорығы туралы тарихи аңызынан мәлімет келтіреді. Ыстықкөлдің оңтүстік-батыс жағалауының тумасы Ешеналы Арабаевтың (қырғыздың белгілі зиялысы – Г. Ж.) жеткізуінше, Есім жорыққа бара

жатқанда, оған Ыстықкөл қырғыздары асыл тұқымды жылқылардан тарту жасайды. Кейін жеңіспен еліне оралған Есім жүйрік ат сыйлаған Арабаевтың 9-шы атасы Түгелбайға қатаған руынан шыққан белгілі адамның қызын береді. Одан тараған ұрпақ анасының руымен «қатаған» деп аталып кетеді. Қырғыз зиялысы Ешеналы Арабаев газетке мақалаларына «қатаған» деген бүркеншік есімін жазды [10, 159-б.].

Қазақ ғалымының ұлт тарихын зерттеп, пайымдаудағы салиқалы ұстанымы тарихымыздың күрделі кезеңі жайында білімімізді нығайтумен қатар, автохтонды деректердің деректемелік қабілетін жете дәйектеп, дәлелдеп беруіне жол ашты. Саяси күрестер, Есім хан мен Тұрсын арасындағы қақтығыстар, сондай-ақ этникалық тарих мәселелері көтерілді. Жазба деректеме, Әбілғазы «Шежіресіндегі» бұлдыр мәліметі бар жорықтың себеп-салдарын М. Тынышбаев халық ономастикасы және ауызша фольклор туындылары дәйектерімен анықтап, толыққанды талдаумен көрсетіп берді. Есім ханның жорық жырауы Марғасқа жыраудың:

Ей, Қатағанның хан Тұрсын,
Кім арамды ант ұрсын!
Жазықсыз елді еңіретіп,
Жер тәңірсіп жатырсың.
Хан емессің қасқырсың,
Қара албасты басқырсың.
Алтын тақта жатсаң да,
Ажалы жеткен пақырсың!
Еңсегей бойлы Ер Есім
Есігіңе келіп тұр:
Алғалы тұр жаныңды,
Шашқалы тұр қаныңды!» [29] –

деп аталатын жырының тарихи астары осылай туған еді. Халық өзінің тарихи өткенінің бетбұрысты, ерекше ауыр кезеңдерін түрлі тарихи деректемелерге қалдырып, ұрпаққа аманаттаған. Ономастикалық деректерге, фольклорлық мұраларға көшпенді қоғамның болмысын сипаттап, зерттеулер жүргізуде алдымен мән берудің маңызын осыдан байқауға болады.

Халық ономастикасы отандық деректану ғылымында жалпы тарих ғылымында зерттелуі жұтаң мәселелердің қатарында. Тарих ғылымында қосалқы тарихи пәндер атауын иеленген бұл мәселелер қазақ тарихын зерттеуге аз қатысады. Мұның объективті және субъективті себептері көп. Дегенмен, ұлттық тарихымызды түгендеуге, тың методологиялық ізденістерге бұрылған кезеңде бұл олқылықтардың жолын кесуге болады деп үміттенеміз. Ұлы даланың байырғы тұрғындарының ұрпақтары қазақ халқының тарихы туралы зерттеулер жазба дереккөздерімен қатар, автохтонды дерек түрлерімен толығуға тиіс.

Тұтастай алғанда, фольклорлық және ономастикалық деректер дәстүрлі қазақ мемлекеттілігінің кезеңдерін анықтауға, оның саяси-элеуметтік, экономикалық, мәдени даму үрдістерін тарихи уақыт аясында қарастыруға мол жәрдем бере алады. Әлі де басымдыққа ие шет тілдік жазба деректемелер арқылы Ұлы даланың көшпенді өмір салтын ұстанған халықтары жасаған қоғамның ішкі жан-дүниесі толық ашыла бермейтіні анық. Шеттілдік жазба деректерді қазақ тарихының

осынау аса күрделі, маңызды кезеңінің мойындалған деректерінде қабылдау уақыты баяғыда басталды. Тарих ғылымының деректану саласының қарқынды дамуы тарихи деректердегі ақпараттарды алудың сан түрлі әдіс-тәсілдерін енгізе бастады. Тарихи деректерді пайдалану барысында кешенді деректанулық талдаулармен қатар, тарих ғылымының пәнаралық сипатын ескеріп, басқа ғылым салаларының әдіс-тәсілдерін тиімді пайдалана білу – Ұлы даланың бірегей тарихи даму кезеңдерін анықтап, шын мәнісіндегі ұлт тарихын түгендеуге, қастерлеуге жол ашқызады.

Әдебиеттер

1. Назарбаев Н. Ұлы даланың жеті қыры // Егемен Қазақстан. – 2018. – 21 қараша.
2. Ұлы даланың тарихы мен мәдениеті. Р. Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институты. Жоба жетекшісі: М. Қ. Әбусейітова. 2018–2010 жж.
3. Ретина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю. История исторического знания. – М.: Дрофа, 2004. – 288 с.; Тойнби А. Дж. Постижение истории. – М.: Прогресс, 1990. – 730 с.; Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. – М.: Мысль, 1993. – 320 с.; Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. – Петроград: РГА, 1923. – 278 с.; Коломийцев В. Ф. Методология истории. От источника к исследованию. – М.: РОССПЭН, 2001. – 191 с.
4. Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в 5 т. – Алма-Ата: КСЭ, 1985; Көпейұлы М. Қазақ шежіресі. – Алма-Ата: Жалын, 1993. – 76 б.; Құдайбердіұлы Ш. Түрік, қырғыз-қазақ һәм хандар шежіресі. – Алма-Ата: Қазақстан, 1991. – 80 б.; Досмұхамедұлы Х. Аламан. – Алма-Ата: Ана тілі, 1991. – 176 б.; Дулатұлы М. Шығармалары. – Алма-Ата: Жалын, 1991. – 324 б.; Тынышпаев М. Великие бедствия. Ақтабан-Шубырынды. – Алма-Ата: Жалын, 1991. – 152 с.; Бекмаханов Е. Қазақстан ХІХ ғасырдың 20–40 жылдарында. – Алма-Ата: Санат, 1994. – 416 б.; Марғұлан Ә. Ежелгі жыр, аңыздар. – Алма-Ата: Жазушы, 1985. – 368 б.
5. Қозыбаев М. Қазақ тарихы – Дала өркениетінің құрамды бөлігі // Отан тарихы. – 1998. – № 1. – 9–28-б.; Оразбаева А. И. Цивилизация кочевников евразийских степей. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – 310 с.
6. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. – 496 с.
7. Ретина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю. История исторического знания. – М.: Дрофа, 2004. – 288 с.; Дройзен И. Г. Историка: лекции об энциклопедии и методологии истории. – СПб.: Владимир Даль, 2004. – 579 с.
8. Vansina Jan. Oral Tradition as History. – Madison: The University of Wisconsin Press, 1985. – 256 p.
9. Жүгенбаева Г. Дәстүрлі ауызша тарих: теориялық-методологиялық және деректемелік аспектілері. – Алматы: ҚазККА, 2009. – 66–68-бб.
10. Тынышпаев М. История казахского народа. – Алма-Ата: Қазақ университеті, 1993.
11. Жеті ғасыр жырлайды. ХІV ғасырдан ХХ ғасырдың бас кезіне дейінгі қазақ ақын-жырауларының шығармалары. Т. I // Құраст. Е. Дүйсенбайұлы. Екі томдық. Алматы: Жазушы, 2004. – 38 б.
12. Исмаилов Е. Ақындар. – Алма-Ата: ҚМКӘБ, 1956. – 340 б.

13. *Тұрсынов Е.* Қазақ ауыз әдебиетін жасаушылардың байырғы өкілдері. – Алма-Ата: Ғылым, 1976. – 196 б.
14. *Сыдықов Қ.* Ақын-жыраулар. – Алма-Ата: Ғылым, 1974. – 240 б.
15. *Қоңыратбаев Ә.* Эпос және оның айтушылары. – Алма-Ата: Қазақстан, 1975. – 40 б.
16. *Бердібаев Р.* Жыршылық дәстүр. – Алма-Ата: Қазақстан, 1980. – 64 б.
17. *Алтысбес М.* Қазақ шежірелері – тарихи дерек ретінде: тарих ғыл. докт. автореф.: 07.00.09. – Алматы, 2007. – 57 б.; *Сейдімбек А.* Қазақтың ауызша тарихы. Шежірелік деректерді пайымдау. – Астана: Фолиант, 2008. – 728 б.
18. *Сейдімбек А.* Шежіре – елтану мектебі // Егемен Қазақстан. – 2006. – 29 қараша.
19. Утемиш-хаджи. Чингиз-наме // Факсимиле, перевод, транскрипция, текстологические примечания, исследование В. П. Юдина. Комментарии и указатели М. Х. Абусейтовой. – Алма-Ата: Ғылым, 1992. – 296 с.
20. *Әбілғазы баһадүр хан.* Түрік шежіресі. – Алма-Ата: Ана тілі, 1991. – 208 б.
21. *Қадырғали Жалайыр.* Шежірелер жинағы. – Алматы: Қазақстан, 1997. – 128 б.
22. *Валиханов Ч. Ч.* Собрание сочинений в пяти томах. – Алма-Ата: КСЭ, 1985.
23. *Құдайбердіұлы Ш.* Түрік, қырғыз-қазақ һәм хандар шежіресі. – Алма-Ата: Қазақстан, 1991. – 80 б.
24. *Көпейұлы М.* Қазақ шежіресі. – Алма-Ата: Жалын, 1993. – 76 б.
25. *Құрбанғали Халид.* Тауарих Хамса. – Алма-Ата: Қазақстан, 1992. – 304 б.
26. *Досмұхамедұлы Х.* Аламан. – Алма-Ата: Ана тілі, 1991. – 176 б.
27. *Сейдімбек А.* Қазақтың ауызша тарихы. Шежірелік деректерді пайымдау. – Астана: Фолиант, 2008. – 728 б.; *Алтысбек М.* История Казахстана в казахском шежіре. Место шежіре в изучении истории: Тарих ғыл. канд. дисс.: 07.00.02. – Караганда, 1999. – 207 б.
28. *Абусейтова М. Х., Баранова Ю. Г.* Письменные источники по истории и культуре Казахстана и Центральной Азии в XIII–XVIII вв. – Алматы: Дайк-Пресс, 2001. – 426 с.
29. Жеті ғасыр жырлайды. XIV ғасырдан XX ғасырдың бас кезіне дейінгі қазақ ақын-жырауларының шығармалары // Құраст. Е. Дүйсенбайұлы. Екі томдық. I-т. – Алматы: Жазушы, 2004. – 43 б.

Ономастические материалы, содержащие автохтонные исторические источники по истории казахского народа, передают многоаспектную информацию о кочевом социуме. Автор, сравнивая их по данным фольклорных сведений, делает вывод об их значимости как источников при изучении ряда вопросов истории.

Onomastic materials, which contain autochthonous historical sources on the history of the Kazakh people, contain multifaceted information about the nomadic society. The author, comparing them according to folklore data, concludes about their importance as historical sources in the study of a number of issues on the history of the Great Steppe.

ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ТЮРКСКОГО КАГАНАТА СО СРЕДНЕВЕКОВЫМИ КОРЕЙСКИМИ ГОСУДАРСТВАМИ

Одомашнивание лошади кочевниками дало им возможность освоить и контролировать огромную территорию Великой степи, а также контактировать, совершать обмены и принимать участие в исторических процессах соседних регионов. На это указывают наскальные рисунки, археологические находки и письменные источники на территории Корейского полуострова, которые свидетельствуют о том, что тюрки и их предки контактировали с древними и средневековыми корейскими государствами.

Русскоязычная историография. Исторические связи и контакты народов Великой степи и Корейского полуострова были установлены в древний период. Советский кореевед Р. Ш. Джарылгасинова в своей работе «Древние когурёсцы» указывает на наличие древних связей предков когурёсцев с кочевыми народами Центральной Азии. Продвижение кочевников с равнинных территорий расселения пуёсцев в горные области северной части Корейского полуострова, а затем к долинам Чхончхонган и Тэдонган повлияло, например, на усовершенствование атрибуции конской упряжи. Р. Ш. Джарылгасинова предполагает, что когурёсцы и родственные им народы внесли вклад в развитие конструкции жесткого седла со стременем [1].

Предположение Р. Ш. Джарылгасиновой об исторических связях Великой степи развил советский археолог А. П. Деревянко. Изучая роль мохэских племен в этногенезе тунгусо-маньчжурских племен, он утверждает, что археологические данные, летописные источники, этнографические параллели свидетельствуют о том, что мохэ вступали в контакты с племенами соседних территорий: тюрками, корейцами, китайцами. Племена мохэ внесли существенный вклад в этногенез древнекорейских княжеств Когурё и Бохай (кор. Пархэ). В южнокорейской историографии широкое распространение получило название союза племен мохэ (на корейском – мальгаль) [2, с. 318].

Помимо этого, в последнее время исторические контакты и взаимопроникновение кочевой культуры народов Евразии и Корейского полуострова корейцы объясняют алтайской теорией своего происхождения. Мионг Сун Ок считает, что в формировании Древнего Чосона (2333 г. – 108 г. до н. э.) приняли участие следующие племена: е, мэк, хань, хунну, монголы, гогурью, донгъе, окчо, донгхо, пуё, горан (кидани), йодин, суксин. Данная гипотеза основана на том, что эти племена относятся к алтайскому культурному ареалу [3].

По южнокорейской версии, около 4000 г. до н. э. палеоазиатские племена мигрировали из области Северной Сибири в районы Маньчжурии и Корейского полуострова. Часть племен, кочевавших в пределах Алтайских гор и на севере Монголии, двинулись через сибирскую реку Лену в сторону Маньчжурии и Корейского полуострова. В процессе слияния палеоазиатских и алтайских племен

образовалась корейская народность. При этом автор подчеркивает, что корейские племена имели преобладающее значение по сравнению со смешанными тюркскими или монголо-тунгусскими племенами [3].

Южнокорейский историк Но Тэ-дон предполагает, что одной из главных причин вторжения китайской династии Хань в Древний Чосон в 108 году до н. э. было блокирование связей между хунну (匈奴) и Древним Чосоном. Свой тезис об исторических контактах он подкрепляет тем, что останки хунну были обнаружены в гробнице Согамни возле Пхеньяна и других местах. Помимо этого, также были эпизодические связи между Когурё и ветвями народа хунну, такими, как Юйвэнь (宇文部) [4, с. 361].

Интерес южнокорейских ученых к алтайской теории происхождения корейского этноса во многом объясняется их стремлением подвергнуть сомнению китайскую версию о происхождении первого древнекорейского государства Чосон, которое, по китайской версии, основал китайский вельможа Инь Киджа.

Таким образом, предполагаемое алтайское происхождение корейцев, влияние хунну и тюрков через мохэские племена на корейские ранние государственные образования, заимствование техники изготовления наконечников стрел и погребальных элементов у тюрков отдельными корейскими племенами заложило основу для взаимодействия между тюрками и корейцами в VI и VII вв.

Отечественные и советские/российские тюркологи отмечают, что в период расцвета Тюркский каганат на востоке достигал Корейского полуострова. Советский тюрколог Л. Н. Гумилев, пишет, что на востоке Жужани вступили в союз с Кореей (Гао-Гюйли), чтобы совместно разгромить одно из маньчжурских племен – дидугань и ослабить позиции дома Вэй в Маньчжурии. Под Гао-Гюйли подразумевается древнекорейское государство В тот период Когурё, которое в соответствии с китайской фонетикой звучит как «Гао-Гюйли», охватывало северные территории Корейского полуострова и занимало обширные территории Маньчжурии. Поэтому есть вероятность, что у когурёсцев с тюркютами были установлены контакты через жужаней, которым тюркюты поставляли железные изделия [5, с. 19].

К сожалению, упоминание о контактах между Тюркским каганатом и населением Корейского полуострова в материалах русскоязычных тюркологов носит лишь частичный характер и ограничивается общими заключениями о том, что влияние Тюркского каганата выходило далеко за пределы Центральной Азии и доходило до средневековых корейских государств [5, с. 19].

Наряду с работами тюркологов большой интерес представляют труды советских корееведов. В советском издании истории Кореи 1960 года в контексте противостояния средневекового корейского государства Когурё и китайской династии Суй в 598 году упоминается о стремлении первого установить дипломатические отношения с некими торками для организации альянса против династии Суй. Под «торками» подразумевается Тюркский каганат или тюрки. Использование слова «торк» может объясняться тем, что в северокорейском языке в силу фонетических особенностей слово «тюрк» было сильно изменено [6, с. 20]. Видимо, в 1960-х годах в упомянутой работе не принимали участие тюркологи. В том же издании авторы пишут, что Когурё направило 10-тысячный отряд кон-

ницы из мальгалей (мохэ) против суйских войск в Ляоси. Можно предположить, что кочевые маньчжуро-тунгусские племена мальгалей, ареал обитания которых охватывал частично северную часть Корейского полуострова и часть Маньчжурии, сыграли важную роль в установлении контактов и дипломатических связей между тюрками и корейцами.

Российский кореевед С. О. Курбанов в своем труде «История Кореи: с древности до начала XXI века», отмечает, что Силла сразу установила дружественные отношения с китайской династией Суй, в то время как Когурё и Пэкче в союзе с тюркскими племенами противостояли Суй [7, с. 101].

Южнокорейский историк Ли Ги Бэк в своей книге «История Кореи: новая трактовка» рассматривает геополитическую обстановку в середине VI века не только на Корейском полуострове, но и в сопредельных странах. Он акцентирует внимание на том, что в 589 году династия Суй объединила Китай. Помимо этого, он обращает внимание на то, что одновременно в северных степях происходит усиление племен, которые представляют серьезную угрозу для династии Суй. Далее Ли Ги Бэк пишет, что Когурё стремилось в союзе с туцзюэ противостоять Суй, а Пэкче, имевшее союзные отношения с Когурё, устанавливало связь с японцами [8, с. 75]. Под словом «туцзюэ» имеется в виду слово «тюрк». Интересно, что переводчики с корейского языка (сеульский стандартный корейский язык) на русский использовали китайский вариант «туцзюэ», в то время как на корейском языке слово звучит как «тольгуоль» (кор. 돌궐, китайские иероглифы 突厥), или «дольгуоль». Следует отметить, что на эти особенности важно обращать внимание при анализе источников.

В работе российского корееведа В. М. Тихонова «История Кореи: с древнейших времен до 1867 года» приводится более ранний период взаимоотношений тюрков и когурёсцев. Проанализировав сложившуюся геополитическую ситуацию в Северо-Восточной Азии, он пишет, что ослабление Когурё было обусловлено внешними факторами. К ним Тихонов относит начавшуюся в 530 году гражданскую войну расколовшегося на две части северокитайского государства Вэй. Война Западного и Восточного Вэй отрицательно сказывалась на безопасности когурёских границ. С появлением в 552 году на международной арене Тюркского каганата, ставшего одним из доминирующих игроков в Великой степи, тюрки вместе со своими маньчжурскими союзниками (кидань и мохэ) до 583 года периодически совершают набеги на Когурё [9, с. 113].

В 612 году правитель династии Суй Ян-ди, собрав войско в 1130 тысяч человек, напал на Когурё. Проводя военную кампанию, суйские полководцы не смогли прийти к согласованным действиям друг с другом, и поэтому потерпели неудачу при взятии крепости Едон (Ляодун). При переправе через реку Сальса на измотанный 300-тысячный суйский экспедиционный отряд со всех сторон нападали когурёские войска. В связи с этим из всей суйской армии на Ляодун вернулось всего 2700 человек [9, с. 133].

Данный фактор повлиял на рост недовольства внутри империи, которое пошатнуло власть императора Ян-Ди. Следует отметить, что в русскоязычных материалах по истории Кореи не освещаются попытки подкупа в китайском императорском дворе для походов в Корею и отсутствие китайского населения

на Ляодуне для дальнейшего продвижения на восток. Также в русскоязычной корейской историографии не придается значения китайскому сосредоточению сил вокруг Лобнора при союзе с тюрками. Ослабление суйской империи было выгодно тюркам.

В более позднее время контакты тюрков с Корейским полуостровом связаны с корейским средневековым государством Пархэ (кит. Бохай). Южнокорейский историк Хан Ёнью в своей книге «История Кореи: новый взгляд» объясняет сближение Пархэ с тюрками (туцюэ) на севере, а затем с Японией на юге в первой половине VIII века тем, что Китай проводил политику «разделяй и властвуй», натравливая Силла на Пархэ в 732–733 гг. [10, с. 124].

Систематизация и анализ материалов на русском языке показывает, что тюрки и Тюркский каганат взаимодействовали с Корейским полуостровом. Однако в русскоязычных материалах одни и те же события освещаются и трактуются либо одинаково, либо противоречат друг другу. Работы, которые были написаны после распада СССР, в некоторых случаях содержат новый фактологический материал. Это объясняется развитием южнокорейской исторической науки и более свободным доступом ученых постсоветского пространства и Южной Кореи к трудам друг для друга.

Следует отметить, что в южнокорейских книгах, переведенных на русский язык, всегда отмечается противостояние Когурё с Суйским, а затем и Танским Китаем, но при этом не всегда упоминается роль Тюркского каганата.

Кроме того, важно обратить внимание на то, что источники, написанные исключительно тюркологами/корееведами/китаеведами, могут содержать специфические для данного источника фонетические искажения топонимов и названий племен.

Южнокорейская историография. В книге «История трех государств» (корейское название «Самгук саги») приводится пример контактов между ранним средневековым корейским государством Когурё и Тюркским каганатом. В разделе «Анналы Когурё» описываются первые зафиксированные контакты между Тюркским каганатом и Когурё в 551 году н. э., в седьмой год правления Янгвон вана. Вот маленький отрывок из «Самгук саги» об этой встрече:

«В девятый месяц Тюркский каганат вторгся и окружил Шинсонг. После поражения в битве они выдвинулись и атаковали Пэкамнсонг. Монарх отправил своего генерала Кохыля с десятью тысячами, чтобы контратаковать армию Тюркского каганата. Количество убитых и плененных превышало 1000 человек» [11, с. 171–172].

Южнокорейский историк Но Тэ-дон приходит к выводу о том, что датировка единственного упоминания в «Самгук саги» о контактах между Когурё и Тюркским каганатом является ошибочной, поскольку во втором месяце 552 года Тюркский каганат напал на Жужаньский каганат (유연), расположенный в современной Внутренней Монголии в северной части округа Чжанбэй к северу от Чжанцзякоу в современной провинции Хэбэй [4, с. 361].

Другой южнокорейский историк Канг Сон в своей статье «Война Тюркского каганата с Когурё» подтверждает доводы Но Тэ-дона об ошибочности датировки в «Самгук саги» первых контактов тюрков с когурёсцами. Он считает, что

в Великой степи произошло изменение баланса сил, и господствующие положение должны были занять набирающие силу тюрки. В предстоящей войне с Жужаньским каганатом за гегемонию в степи тюркам необходимо было отрезать жужаней от возможной военной и экономической помощи их союзника – Когурё. Согласно Но Тэ-Дону, Когурё долгое время имело гармоничные отношения с жужанями, но при это он не уточняет, когда именно были установлены эти отношения. Канг Сон пишет о том, что прежде чем вторгнуться в Когурё, тюрки разбили племя теле (на корейском 철록 – джольлык) [12, с. 160].

По причине раскола правящего класса и потери бассейна реки Ханган Когурё не могла вмешаться в проблему Жужаньского каганата и отправить ему свою военную помощь. Канг Сонг отмечает, что гибель Жужаньского каганата была вопросом времени. Когурё прилагало усилия для того чтобы минимизировать свои потери от перестройки международного порядка. В 552 году в январе правитель китайской династии Северной Ци Вэньшихуаньди ударил по татабам и затем продвинулся в сторону города Ёнгджу, после чего потребовал возвращения беглецов Северной Вэй, которые вошли в Когурё. Вначале Когурё отказалось выполнять это требование, но потом они договорились вернуть беглецов, и Когурё отправило пять тысяч солдат. Этот поступок Когурё Канг Сон связывает с тем, что у них появилась необходимость соединения сил с Северной Ци, которая столкнулась с угрозой распространения экспансии тюрков [12, с. 161].

Южнокорейский историк Но Тэ-дон отмечает, что отношения между Когурё и Тюркским каганатом в основном велись в этот период. Об этом свидетельствуют надписи на двух каменных памятниках Тюркского каганата, установленных в Кошо-Цайдаме, расположенных на берегах реки Орхон на Монгольской равнине [4, с. 362]. Южнокорейский историк Ким Бён Хо отмечает, что на 4-й и 5-й строках стелы Бильге кагана есть запись о том, что представители страны Бокли посетили похороны основателей Тюркского каганата Бумына и Истеми каганов [13, с. 18]. Первым объяснил сходство в звучании стран «Бокли» и «Когурё» японский ученый Иваса Сейчиро. Согласно интерпретации Иваса Сейчиро, произошла замена звуков «b» и «m»: «Bö (k)» («M: *miak») и «-kli» от «Bökli», и «chu-li» (иероглиф читается как гурё) от Когурё – это «Мэкгурё» в сочетании с названием страны Когурё. Что касается страны, то японский ученый подчеркнул, что страна или этническое название «Мэкгурё» не использовалась в исторических материалах, в то время как Когурё был известен как «Мэк» у тюрков. Соответственно, страну «Bökli» переводили как «страна Мэк» или же «Bök eli (ili)» [13, с. 36]. Кроме того, поскольку надписи продолжают, после смерти двух лидеров, отмечаемых в каменных памятниках реки Орхон, Тюркский каганат ослабел и был вынужден подчиниться Табгачскому каганату. Была предпринята миссия для нападения на «Бёкли кагана, место, где солнце встает впереди [на востоке]». Этот рассказ согласуется с историческими фактами о том, как Тюркский каганат был вынужден подчиниться китайской династии Суй и Тан. Впоследствии тюркские воины вошли в войска Суй и Тан, мобилизованные для военных действий против Когурё [4, с. 363].

Южнокорейский историк Джанг Чанг Ын в статье «Борьба за бассейн реки Ханган и битва за крепость Квангсансонг в середине VI века» отмечает, что со-

противление Когурё было ослаблено, потому что страна находилась в разгаре внутривосточных конфликтов. Помимо этого, Когурё находилось под давлением Северной Ци и тюрков. События происходят в середине VI века. Силла в 550 году заняла крепость Досалсон и крепость Кымхёнсон. Крепость была до этого занята Когурё и Пэкче. Это подготовило почву для области Гуквон. Джанг Чанг Ын пишет, что в марте 550 либо в марте 551 года Силла продвинулась в область Гуквона, взяв в клещи маршрут Чупунгёнг и Хвангёнг [14, с. 11].

Ким Джи Ёнг пишет, что тюрки, пользуясь беспорядками в первоначальный период династии Тан, грабили китайскую пограничную территорию. Автор приводит следующие данные о тюрках:

– после смерти Шабир-хана тюрк-Шада в апреле 619 года тюрки начали вторжения в 621 году на территорию империи Тан;

– после этого тюрки, в августе 621 года, снова напав на приграничную территорию Тан, в апреле 622 года начали войну с Тан;

– в августе 622 года Кат Иль-хан Багадур-шад снова вторгся в уезд Яньмэнь династии Тан;

– в июле 623 года Илик каган напал на танский Шочжоу. Кроме того, с ноября 624 года и до июня и августа 625 года тюрки напрямую нападали на династию Тан. На следующий год в августе 628 года Илик каган после нападений заключил дружественный пакт с Тай-цзуном (Ли Шимину) и отступил. В тот год он даже отправил своего посланника в Тан. Помимо этого, тюрки потребовали у империи Тан дружеских отношений в августе 628 года;

– в августе 629 года династия Тан, наоборот, рискнула захватить тюрков. В результате в декабре 629 года Толис-хан Шибоби сбежал в империю Тан вместе со своими войсками, в конце концов в марте 630 года взяв плен Кат Иль-хана Багадур-шада, началось подавление тюрков [15, с. 144].

Ким Джи Ёнг указывает на то, что во второй половине VII века между северными народами, включая тюрков, и Когурё существовала взаимопомощь, которая была нацелена на защиту от китайской агрессии после того, как династия Тан объединила страну. Контакты династии Тан (唐) с северными народами с момента создания династии Тан (唐) и до падения Когурё (高句麗) в 668 году дают возможность косвенно узнать об отношениях между Когурё (高句麗) и северными народами, особенно после 630 года (после падения Восточно-Тюркского каганата), когда разгорался конфликт между двумя могущественными странами – Когурё (高句麗) и Тан (唐). Это противостояние в северо-восточном регионе является вопросом первостепенной важности для северных народов, и возможно, что их судьба зависела от того, на чьей стороне они были [16, с. 67].

Далее Ким Джи Ёнг пишет, что в первые годы своего существования династия Тан (唐) поддерживала дружеские отношения с Когурё (高句麗), потому что тюрки (突闕) всё ещё имели влияние, а династии Тан необходимо было преодолеть внутреннее восстание. Ким Джи Ёнг считает, что Когурё (高句麗), возможно, не нужно было устанавливать и развивать дипломатические отношения с северными народами, потому что Тан (唐) всё ещё находился в состоянии беспорядка, а Восточно-Тюркский каганат (突闕) ещё не сошел с международной арены. Он отмечает, что в 630 году, когда Илик каган (詰利可汗) был взят в плен,

большинство северных народов сдались или установили дружеские отношения с династией Тан (唐), а несколько народов присоединились к вооруженным силам династии (唐), чтобы напасть на Когурё (高句麗). В статье автор полагает, что с учетом сложившейся ситуации после 630 года Когурё (高句麗) начало укреплять дипломатию с северными народами. В результате этих отношений Когурё (高句麗) преуспело в том, чтобы племена мохэ (靺鞨), сып (霫) и шивэй (室韋) не присоединились к войскам династии Тан (唐), и устранило возможную угрозу атаки на свою территорию в 645 году. Данная стратегия привела к отчуждению Сюеяньто (薛延陀, уйгурское племя) от династии Тан после неудачной экспедиции в Когурё (高句麗) [14, с. 86].

Ким Джи Ёнг подчеркивает, что после прихода к власти Ён Кэсомуна не было иного пути, кроме как обострить дипломатические отношения с династией Тан (唐) из-за их жесткой политики династии и стремления завоевать Когурё (高句麗). Он отмечает, что восстание уйгурского государства Сюеяньто (薛延陀) существенно затрудняло завоевания Когурё (高句麗) [17, с. 75].

После 630 года, сразу после увеличения влияния Тан на северные народы, Когурё начало расширять военную подготовку, а также укреплять крепость Чоллиджансон с целью отразить их нападение. В 639 году Когурё возобновило выплату дани Тан. Назначив Иминишусыликэхань каганом, династия Тан открыла конфликт с Сюеяньто. К тому же, после этого напрямую увеличились силы Сюеяньто, на севере Китая появилась сила, которая его сдерживала, Когурё продолжала поддерживать постоянные вассально-данныческие отношения. Автор пишет, что многие события, такие как атака Силла на когурёсский замок Нангби (娘臂城), атака династии Тан на тюрков (突厥), захват генерала Илик кагана (利可汗) династией Тан (突厥) в 630 году, повлияли на то, чтобы Когурё восстановило близкие отношения с Вэй [15, с. 144].

В статье китайского историка Фан Сянь Шу «Стратегия и процесс установления борьбы Тай-цзуна с Когурё в середине VII века» отмечается, что во время встречи Суй Янь-ди с Киминь каганом Суй Янь-ди увидел посланника Когурё, находившегося у Киминь кагана. Тогда Янь-ди сделал ему замечание, почему ван Когурё не посещает королевский двор. Автор отмечает, что из этой записи нельзя проверить, получала ли династия Суй информацию, связанную с Когурё, от тюрков [19, с. 314].

Фан Сянь Шу пишет, что Тай-цзун в 641 году отправил Джиндэдога в Когурё с целью сбора информации. Уничтожив в 640 году Гаочан, воспользовавшись внутренним конфликтом в Тюркском каганате, он усмирил тюрков, выдав замуж принцессу Вэньчэнг в 641 году за императора Тибета. Установив таким образом дружественные отношения и успокоив в какой-то мере северо-западную проблему, Тай-цзун сразу устремил взор на Когурё [19, с. 329].

Еще одним доказательством двухсторонних отношений Тюркского каганата и корейских средневековых государств является настенная живопись королевского дворца Афрасиаб. Она была обнаружена в 1965 году под узбекским городом Самаркандом. На западных настенных росписях изображены две фигуры, которые считаются древними корейцами. Эта роспись относится к концу VII века, до вторжения арабских войск, на нем изображены фигуры иностранных

посланников во дворце Вахмана, который был правителем Самарканда. Двух посланников следует принимать за корейцев, поскольку внешние черты и атрибуты одежды соответствуют атрибутам корейцев того времени. Прежде всего, они принадлежат монголоидам, в том смысле, что у них черные волосы и светло-коричневое лицо, а одежда, которую они носят, очень похожа на одежду корейцев того времени. Их волосы сплетены (Торкнот), поверх которых они носят шляпы и перья. Длинный желтый кафтан, покрывающий колени, черный пояс вокруг талии, свободные брюки, заостренные туфли. Посланники стоят со сложенными руками [20, с. 245].

Таким образом, изучение советской и южнокорейской историографии показало, что контакты между Великой степью и Корейским полуостровом существовали с древних веков. Различные археологические находки в Южной Корее подтвердили взаимообмен между этими народами. Традиция корейских ванов и других государственных деятелей вести хроники по важным государственным делам проливает свет на историю взаимоотношений тюрков и средневековых корейских государств. Южнокорейские исследования раскрывают и дополняют сведения по неизученным проблемам тюркско-корейских взаимоотношений.

Литература

1. Джарылгасинова Р. Ш. Древние когуресцы. М., 1972; История Кореи. – М., 1974.
2. Деревянко Е. И. Мохэские памятники среднего Амура. – Новосибирск, 1975. – 250 с.
3. Мионг Сун Ок. Генезис древней корейской народности и ее кочевая культура // [Электронный ресурс]. <https://articlekz.com/article/8334>
4. Noh Tae-Don. Relations between Ancient Korea and Turkey: An Examination of Contacts between Koguryō and the Turkic Khaganate// Seoul Journal of Korean Studies. – 2016. – Vol. 29. – № 2. – P. 361–369.
5. Гумилев Л. Н. Древние тюрки / АН СССР. Ин-т народов Азии. – М.: Наука, 1967. – 504 с.
6. Пак Н. М. Очерки ранней истории Кореи. – М.: Издательство МГУ, 1979. – 240 с.
7. История Кореи: с древности до начала XXI в. 3-е изд., испр. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2018. – 744 с.
8. Ли Г. Б. История Кореи: новая трактовка. – М.: ООО «Русское слово – РС». 2000. – 464 с.
9. Тихонов В. М., Кан Мангиль. История Кореи: В 2 т. Т. 1. С древнейших времен до 1904 г. / Ред., сост. хрон. табл., сост. указателя Т. М. Симбирцева. – М., 2011.
10. История Кореи: новый взгляд / Хан Ёнъю; пер. с кор. под ред. М. Н. Пака. – М., 2010. – 758 с.
11. Kim Pusik. The Koguryo Annals of the Samguk Sagi / Translated by Edward J. Shultz and Hugh H.W. Kang. – Seongnam: The Academy of Korean Studies Press. – 301 p.
12. 강선. 고구려와突厥의 전쟁 // 高句麗研究 第24輯 – 2006.09. – P. 157–168.

13. 김병호. 오르혼 옛 튀르크語 비문과 한반도인의 옛 이름 – 쥬얼 테킨 碑와 빌계 카간 碑에 나타나는 ‘Bokli’ 해석 // 동북아역사논총 42호. – Pp. 7–45.

14. 張彰恩. 6세기 중반 한강 유역 쟁탈전과 管山城 戰鬪 // 진단학보, (111), 1–43.

15. 김지영. 7세기 고구려 대왜(對倭) 관계의 변화 – 630년을 기점으로 // 역사와 현실 57. – Pp. 141–172.

16. 김지영. 7세기 고구려와 북방 제민족의 관계 변화 – 630년 이후 북방세력의 재편과 고구려의 외교정책 // 만주연구 제 8집. – Pp. 65–86 (Ким Джи Ёнг. Изменение отношений между Когурё и северными народами в VII веке: перестройка северных сил после 630 года и внешняя политика Когурё).

17. 김지영. 7세기 중반 거란의 동향 변화와 고구려 – 660년 거란의 이반을 기점으로 // 만주연구 제 12집. – Pp. 75–100.

18. 김지영. 7세기 고구려 대왜(對倭) 관계의 변화 – 630년을 기점으로 // 역사와 현실 57. – P. 141–172.

19. 方香淑. 7세기 중엽 唐太宗의 對高句麗戰 전략 수립과정 // 中國古中世史研究 第19輯. – Pp. 309–345.

20. 우덕찬. 6–7세기 고구려와 중앙아시아 교섭에 관한 연구 // 한국중동학회 한국중동학회논문총 한국중동학회논문총. – 2004. – 제24권 제2. – P. 호237–252 (16 pages) (A study on the contacts between Koguryo and Central Asia in the 6th–7th century).

Мақалада Ұлы дала мен Корей түбегіндегі көшпелілердің арасындағы байланыстардың тарихы баяндалады. Түркі мен корей ата-бабаларының арасында мәдени байланыстың бар екенін көрсетеді, оған дәлел – жануарлардың жартастағы суреттері мен аттың ер тоқымына қатысты сипаттамалар. Кейбір оңтүстік корейлік тарихшылардың пайымдауынша, қытайлық Хан әулеті ғұндармен байланысын үзу үшін ежелгі корей мемлекеті Чосонды қиратқан екен. VI ғасырдың екінші жартысынан бастап VIII ғасырдың бірінші жартысына дейін Түркілер Когурё, Пэкче, Силла и Пархэ (Бохай) секілді ортағасырлық корей мемлекеттерімен өзара байланыстың болғаны туралы мәліметтер жазып кеткен.

The article highlights the history of contacts between the nomads of the Great Steppe and the Korean Peninsula. The rock carvings of animals and the attribution of the horse harness and saddle indicate that there was a cultural exchange between the ancestors of the Turkic peoples and Koreans. Some South Korean historians suggest that the Chinese Han dynasty destroyed the ancient Korean state of Joseon in order to block its contacts with the Huns. From the second half of the 6th century to the first half of the 8th century, historical records reveal interaction of the Turks with the medieval Korean states – Goguryeo, Baekche, Silla and Parhe (Bohai).

Н. А. СЕРЕДА И ЕГО ТРУД О КАЗАХСКОМ ВОССТАНИИ 1869–1870 гг.¹

VI

События в степи Тургайской области. – Деятельность областной
организационной комиссии. – Погоня за Исетом Кутебаровым. –
Козел отпущения*

В Тургайской области волнение хотя и не достигло таких грандиозных размеров, как в области Уральской, но, тем не менее, и там пришлось прибегнуть к вооруженной силе, и если не для подавления поголовного мятежа, то для рассеяния и наказания отдельных шаек и скопищ бунтовщиков, появившихся в разных местностях Тургайской степи и для возведения Актюбинского укрепления, получившего свое название от урочища, на котором оно было построено.

С этою целью в степь Тургайского ведомства были командированы в марте и мае следующие отряды: две сотни оренбургских козаков и рота стрелков в Уральское укрепление (что ныне город Иргизск) для временного усиления гарнизона и для защиты Орско-Казалинского тракта от хищнических шаек.

Впоследствии одна из этих сотен и 18 стрелков (во второй половине августа) были посланы в пески Большие Барсуки в погоню за хищниками, угнавшими у жителей Иргизска (Уральского укрепления) до 300 лошадей. Сделавши более 300 верст, отряд этот успел захватить в Барсуках только несколько подозрительных лиц и скот из аулов, в которых нашлись две лошади из похищенного табуна.

Потом обе сотни с ротой стрелков, трехфунтовым единорогом и тремя ракетными станками под командой начальника Иргизского уезда были двинуты 21 сентября на Большие Барсуки для рассеяния появившихся и скрывавшихся там хищнических шаек.

Однакож, отряду этому и теперь не удалось настигнуть ни одной из крупных партий мятежников, которые, получив сведения о движении отряда, успели бежать, частью к северу, спеша соединиться с мирными киргизами, чтобы избежать наказания за неповиновение, а частью бросились на Усть-Урт и далее в хивинские владения. Так что весь успех экспедиции заключился тем, что высланному отряду удалось отрезать и захватить несколько аулов непокорных киргизов, удалившихся на Усть-Урт.

По возвращении этого отряда (в октябре) в Уральское укрепление две сотни козаков были отправлены в Туркестан, а рота стрелков оставлена в укреплении для усиления на зиму гарнизона.

¹ Окончание. Начало см. в № 1/2020.

* Дела окружного штаба, неизданная записка о беспорядках в степи в 1869 и 1870 гг. и дела канцелярии генерал-губернатора

Другой отряд, состоявший из одной сотни оренбургских козаков, двинутый из города Орска (29 апреля) в Уральское укрепление, был размещен с 29 мая по 1 октября по станциям Орско-Казалинского тракта для охранения его от мелких шаек грабителей и для наблюдения за сомнительным поведением туземных почто-содержателей. Затем и эта сотня на зиму для усиления гарнизона была передвинута в город Иргизск, куда для той же цели был прислан взвод 8-й конной донской батареи.

В форт Карабутакский для усиления гарнизона также была выдвинута одна сотня оренбургских козаков, находившихся в распоряжении степных укреплений, которая, простояв в форте с 22 мая до половины сентября, снова была разведена по укреплениям.

Из города Илецка (бывшая Илецкая Защита) также ранней весной были двинуты отряды в Тургайскую степь. Так, 5 мая выступил из Илецкой Защиты значительный отряд (состоявший из двух рот Оренбургского козачьего № 4 батальона, команды в 169 человек губернского батальона, одной сотни оренбургских козаков и 14 артиллеристов) под начальством флигель-адъютанта полковника графа Борха; отряду этому была поручена постройка Актюбинского укрепления. Начальник отряда Ю. А. Борх не только с успехом исполнил это поручение, но успел оказать и другие немаловажные услуги главному начальству, которых мы коснемся при оценке деятельности отрядных начальников войск, действовавших в степи.

В октябре две роты этого отряда вызваны на линию и распущены по домам, прочие же войска вошли в состав гарнизона вновь возведенного Актюбинского укрепления.

Другой отряд подполковника Круторожина, состоявший из двух сотен оренбургских козаков при двух конных орудиях и выступивший также из Илецка (6 мая), был послан для очищения от бродивших шаек пространства между реками Илеком и Большой Хобдой. Но, не встретив ни одной партии мятежников, отряд захватил только семейство и имущество бывшего султана Хангаллия Арасланова, сопричтенного местной администрацией еще в начале восстания к сонмищу бунтовщиков и тем, действительно, подвинувшего Арасланова принять участие в мятеже против того правительства, за верность которому погиб его отец*.

29 мая отряд этот соединился с войсками графа Борха, а с 12 июня большая часть этого отряда под начальством того же Круторожина при двух орудиях сопровождала организационную комиссию, бывшую под председательством генерал-майора Баллюзека, на вершину реки Ори, где на съезде чиклинских биев было принято новое положение всеми чиклинцами и дюрткаринцами; здесь комиссией образовано 5 волостей из 11 000 кибиток.

При направлении действий областной организационной комиссии на вершины реки Хобды к кочующим здесь двум названным родам чиклинцев и дюрткаринцев, все усилия председателя комиссии были направлены к тому, чтобы склонить на

* В. Н. Плотников (бывший начальник Илецкого уезда) имеет в своих руках переписку Хангаллия, которая может пролить свет на вынужденное участие Арасланова в мятеже. Нам остается только пожелать, чтобы письма эти скорее явились в печати.

свою сторону Исета Кутебарова, известного по бунту, поднятому им в 50-х годах, так как благоприятный или отрицательный исход дела комиссии зависел, по мнению тургайского военного губернатора, вполне от влияния Исета и того положения, в которое он станет по отношению к русской власти.

Хотя такое значение Кутебарова было явно преувеличено и, по нашему разумению, погоня за ним была не только излишней, но даже вредной, придав в глазах ордынцев значительную долю авторитетности личности «Исетки», как зовут Кутебарова ордынцы [25], видевшие в нем до сих пор просто ловкого барантовщика и лихого богатыря, но, тем не менее, желание военного губернатора приобрести расположение Исета вызвало серьезное соревнование между новым иргизским уездным начальником¹ и чиновником Батыршиным [26], долго служившим в степи и желавшим также подслужиться начальству.

Каждому из упомянутых нами лиц, чтобы доказать свою полезность и значение в степи, хотелось привести Исета к военному губернатору; начальнику уезда хотелось на первых порах блеснуть своею умелостью обращаться с киргизами привлечением на свою сторону влиятельнейшего из них, а Батыршину, в свою очередь, желательно было склонением Кутебарова явиться к генералу Баллюзеку, гарантировать себе возможность получения места в новом управлении, выказавши всю неспособность нового уездного начальника, и снискать к себе доверие того народа, которым он призван управлять. Начались обоюдные интриги, как говорит предание, и военный губернатор несколько раз принужден был разочароваться увидеть Исета в назначаемый для этого день. Наконец, как рассказывают очевидцы (на ответственности которых лежит правдоподобность этого рассказа), уездному начальнику удалось одолеть своего противника; если верить рассказам, случилось это таким образом. К военному губернатору явился Курман-мулла, один из друзей Батыршина, успевший обнести своего друга в политической неблагонадежности; свидетельство друга показалось полновесным, Батыршину произведен допрос и он был выслан из степи, но участь его, как политического преступника, решена была после.

Вскоре, по удалении Батыршина, начальник уезда представил военному губернатору давно ожидаемого Исета Кутебарова, которого генерал Баллюзек принял очень милостиво и возвел в сан младшего помощника иргизского уездного начальника. Впоследствии за свою благонадежность Кутебаров получил перстень с начальнической руки и золотую печать; насколько же в действительности Исет был политически благонамерен, мы указываем ниже в главе об участии Хивы в последних беспорядках.

Покончив с чиклинцами и дюрткаринцами, организационная комиссия, возвратилась в Актюбе, откуда 23 июля выступила под прикрытием одной сотни оренбургских козаков на реку Большую Хобду для окончательной организации Илецкого уезда. По окончании действий комиссии конвойная сотня была оставлена на реке Хобде до октября для обеспечения Тургайской области от набегов

¹ С. К. Вогак.

китинцев и для наблюдения за перекочевкой из Тургайской области в Уральскую назаровцев и чуреневцев.

В октябре обе сотни и артиллерийский взвод без орудий (из отряда подполковника Круторожина) возвращены на линию, где сотни были распущены по домам и орудия остались в Актюбе с прибывшими туда пешими артиллеристами.

* * *

Возвращаясь к дальнейшей судьбе чиновника Батыршина, по удалении его из степи как неблагонадежного человека в политическом отношении, мы позволяем себе представить читателю краткую характеристику этого политического преступника.

Сулейман Аллюкович Батыршин долгое время служил в качестве переводчика при областном правлении ведомства оренбургских киргизов, затем он был командирован в степь, где исполнял обязанности одного из султанов-правителей, затем был советником и теперь находился при военном губернаторе. Человек он был робкий, недалекого ума, доброго сердца и, как все ему подобные, был по-своему усердным и, пожалуй, как утверждают его враги, не совсем невинным в безгрешных доходах чиновником, но зато блистал отсутствием не только политических, но и всяких других тенденций и убеждений. Так что ему и во сне не снилось быть когда-либо политическим агитатором, роль которого приписана была ему впоследствии. Словом, Батыршин был обруселый татарин-чиновник, личность очень обыденная, даже плоская, каких можно много встретить в русских присутственных местах, и в политическом смысле совершенная ничтожность. Рассказывают, что одно из главных обвинений, взводимых на Батыршина, было якобы его желание сделаться киргизским муфтием. Но по нашему мнению, уже одно это обстоятельство показывает всю недалечность, всю недалекость и узкость его политических взглядов, которые едва ли были ему присущи. Скорее же всего Батыршин, если и желал быть муфтием, то чисто помимо всяких политических целей, сан этот соблазнял его своей доходностью и почетным положением. Наконец, Батыршин, как татарин не мог иметь влияния на киргизов, которые вообще не любят татар; самое обстоятельство выдачи его головой местному начальству доказывает всю несостоятельность влияния его на орду и совершенную безопасность для русского правительства.

Между тем, генерал-адъютант Крыжановский решил применить к Батыршину тягчайшее наказание. Оренбургский генерал-губернатор, убежденный в необходимости удалять из степи *административным* порядком лиц, завиняющихся в составлении шаек, подстрекательстве киргизов к неповиновению и т. п. вредных поступках, хотя бы против таких лиц и *не имелось очевидных юридических улик в их виновности*, испрашивал высочайшего соизволения на таковое удаление сих лиц в отдаленные места степи, так как удаление виновных и *подозреваемых* в упомянутых преступлениях в губернии Оренбургского края не послужило бы, по мнению начальника края, к совершенному разъединению высланного лица с ордой.

Министр внутренних дел, в ответ на это представление, уведомлял (от 22 ноября 1869 г.) генерал-адъютанта Крыжановского, что государь император соизволил

на применение этой меры, но с тем, говорилось далее, *чтобы меру эту считать временной и чтобы лица, завиняемые и подозреваемые местным начальством в подобных важных преступных намерениях, высылались на житье в северные губернии России, кроме сибирских, под надзор местных полиций, без назначения, однакож, времени пребывания их там и с предоставлением ходатайства о возвращении их на родину по ближайшему усмотрению генерал-губернатора.*

Вот эту-то тяжкую меру наказания и применили к Батыршину, сослав его из Уфимской губернии, куда он был выслан на первых порах, в губернию Архангельскую, где он и живет до сих пор*.

VII

*Участие Хивы в последних беспорядках и причины ее влияния на заэбенских ордынцев***

Старая недоброжелательница России – Хива и на этот раз не осталась равнодушной к политическому движению, обнаружившемуся в орде. Едва достигли ее слуха вести о волнении в степи, как ханство это принялось действовать враждебно нашим интересам. По обыкновению хивинское правительство старалось привлечь киргизов на свою сторону, подстрекая их к неповиновению русской власти и к грабежам против ордынцев, согласившихся на принятие нового положения; если многие адаевцы деятельно не приняли сторону бунтующих киргизов, то это произошло от того, что они узнали, что существенные черты старого положения в отношении к ним останутся, по крайней мере, до того времени неизменными; обстоятельство это послужило к тому, что, несмотря на происки Хивы, адаевцы отнеслись холодно ко всем хивинским проискам. Наибольшее сочувствие нашли себе хивинские подстрекательства в киргизах, кочующих между Эмбой и Усть-Уртом, то же можно сказать и о части киргизов Тургайской области, которые кочуют на севере от Аральского моря по направлению к Мугоджарским горам и к Иргизску (Уральское укрепление).

В начале 1869 г. двое из управляющих отделениями адаевского рода были со своими одноотделенцами в Хиве по торговым делам, а также для расчетов по барантам*** с туркменами. С прибывших адаевцев хан приказал взять в зякет по 1 рублю с верблюда, по 50 копеек с лошади и по 25 копеек с барана; на такой необычный и тяжелый побор адаевцы жаловались хану, который поручил сделать разбор и дать ответ своему диван-беги (чиновник, заведующий сбором зякета и монетным двором****). В ответ на эту жалобу диван-беги объявил просителям, что

* Есть достоверные слухи, что г-н Батыршин получил разрешение жить во всех губерниях Российской империи, кроме соприкасающихся со степью. Впоследствии г-н Батыршин получил полное прощение и право службы.

** Брошюра г-на Юр-ко «События в степи Уральской области в 1869 г.» (издание «Уральских войсковых ведомостей»).

*** «Баранта» в переводе на русский язык означает набег и угон скота или лошадей и вообще грабеж.

**** Так определяет «Военно-статистический сборник», см. 86 стр.

адаевцы по примеру прошлых лет должны вносить ежегодно подати в ханскую казну по 600 тилл или по 1000 баранов; для устройства же правильных отношений адаевцев к Хиве, по словам диван-беги, должен был явиться на поклон к хану и для засвидетельствования своей преданности «бий всех адаевцев Баймухамет Маяев [27]», с которым только хан намерен говорить, так как прочим адаевцам хивинский владелец не верит.

Касательно взноса податей, сардари (управляющие отделениями) заявили, что могут дать ответ, посоветовавшись со своими однородцами, не раньше октября, а к Маяеву просили диван-беги послать письмо, что тот и исполнил. Письмо было коротенькое и после обыкновенных приветствий диван-беги приглашал Маяева приехать и, «если будет угодно Аллаху, – писал ханский чиновник, – то соответственно искренней преданности твоей получишь милость и награду». Управляющий дистанцией адаевского рода зауряд-хорунжий Баймухамет Маяев не замедлил представить это послание начальству. Требование диван-беги, чтобы адаевцы вносили подать «по примеру прежних лет» можно объяснить только таким образом, что те из адаевцев, вероятно, платили зякет в ханскую казну, что находились ближе к Хиве и поневоле вносили подать, боясь разграбления; с водворением смут и неурядиц в ханстве, они начали меньше посещать Хиву и воспользовались этим случаем, чтобы раз и навсегда отделаться от зякета.

Мадрегим-хан [28], который знал о брожении в нашей степи по поводу реформы, захотел воспользоваться в свою очередь случаем, чтобы снова подчинить себе киргизов. Он вспомнил про зякет с ордынцев и, видя, что они его не вносят, обложил высокой пошлиной адаевский скот. Для переговоров он вызывал к себе Маяева; выбор, надо сказать, сделан очень верно. Маяев и его родственник, другой адаевский дистаночный, зауряд-хорунжий бий Канаур Колбин [29] пользуются огромным влиянием почти на весь свой род; можно предполагать, что тысяч 12 или 14 приняли бы то решение, которое состоялось бы под влиянием этих биев. Но бии не поддались на лъстивое зазывание хана, они показали себя рассудительными людьми, хорошо понимающими истинные выгоды своих однородцев и решительно стали на сторону русского правительства*.

Зато заэмбенские киргизы, вняв подстрекательствам Хивы, приняли деятельное участие в восстании 1869 г. В начале января этого года бии чумичли-табынского рода Джанбек Бараков [30] и Алдаш Байганин [31], чиклинского рода Азберген Мунаймасов [32] с сыном Исета Кутебарова – Назаром и некоторые другие явились к хивинскому хану и объявили ему, что они нового положения принимать не хотят, и что все остальные киргизы, не желая подчиниться вводимой реформе, восстали против русского правительства; эти же самозванные депутаты от киргизского народа уверяли хана, что стоит только ему послать несколько тысяч войска, чтобы киргизы пристали к хивинцам, взяли бы все степные укрепления и соединенными усилиями овладели Оренбургом, и если Аллаху будет угодно, то и всей Россией. Чтобы успешнее склонить на свою сторону хана, депутация преподнесла ему, надо сказать, не очень ценные подарки: 20 иноходцев и 20 белых кошм.

* Юр-ко «События в степи Уральской области».

Молодой хан поверил словам депутатов и начал питать блистательные и весьма смелые замыслы: ему казалось в самом деле легким покорение всех киргизов при содействии их многочисленных единоплеменников, недовольных русским правительством и пришедших искать у него покровительства и помощи; затем, думал хан, не трудно будет взять Оренбург; если Оренбург будет взят, все русские будут ему подчинены. Так рассуждал хан, если только верить рассказам киргизов, бывших в Хиве. С одной стороны, успехи в делах с туркменами и, с другой, откочевание к Хиве в конце 1867 г. и в начале 1868 г. киргизов Сырдарьинской области кичкине-чиклинского рода, алтубай-кулакова отделения и других родов, до 10 тысяч кибиток, не желавших принять нового положения, вводившегося там в то время, и принявших хивинское подданство, вскружили голову молодого хана, имеющего к тому же самые превратные понятия как о своей силе, так и о могуществе Русского государства.

Решаясь действовать, хан сформировал в начале марта 1869 г. отряд из 6 тыс. человек при четырех орудиях, который в половине апреля остановился близ бугра Чаграй, недалеко от озера Чушкакуль и в 170 или в 180 верстах от Эмбенского поста. Отряд был снабжен двухмесячным запасом продовольствия и состоял из 2000 туркмен, 1000 каракалпаков и 3000 сартов и узбеков. Пять саркерданов (начальников частей) заведовали отрядом, главное начальство было поручено марему Кутеку (*марем* по-киргизски или *махрем* по-персидски – придворный чин и лицо, приближенное к хану). По инструкции хана марем Кутек должен был дойти до Эмбы, двинуться для уничтожения наших степных укреплений и остановиться на вершине Илека; ему поручалось принять киргизов в подданство, определить количество следующего с них зякета, время его взноса и тому подобные подробности будущего управления. При нем было несколько верблюдов с халатами и несколько тысяч тилл для раздачи почетным и для привлечения упорных и влиятельных киргизов на свою сторону. Хан строго приказывал Кутеку, чтобы тот возвращался не иначе как по успешном исполнении данного ему поручения. Походом этим наиболее были довольны туркмены, которые, быв сами три года тому назад оципаны хивинским правительством, надеялись теперь при помощи заэмбенских киргизов и при содействии чиклинцев из Тургайской области пограбить их единоплеменников, не принимавших еще в то время участия в возмущении, и таким образом поправить свое состояние.

При отряде находились депутаты, биографии которых сообщим, прежде чем перейти к изложению дальнейших событий. Первое место принадлежит по своему значению Кутебаровым и Азбергеню.

Исет Кутебаров, убив султана-правителя, поднял в степи бунт, как замечено нами выше, в начале 1850-х гг. Ежегодно ходили отряды в степь для преследования бунтовщиков, но Кутебаров не попадался и возмущения не прекращались. Оренбургский генерал-губернатор генерал-адъютант Катенин предпринял в 1858 г. поездку в степь, а предварительно перед тем разослал по степи объявление, в котором было обещано всепрощение бунтовавшим, если только они явятся с повинной. Весной этого же года двинулась в Хиву через степь дипломатическая миссия под начальством флигель-адъютанта полковника Н. П. Игнатьева [33] (ныне русского по-

сланника в Турции). На станции Джаинды Исет со своим братом и двумя родственниками явился к начальнику миссии и просил его ходатайства о прощении, в чем и получил заверение начальника миссии. Флигель-адъютант Игнатьев угощал Исета чаем, пловом и другими азиатскими кушаньями. После угощения, когда Исет стал откланиваться, – говорит г-н Галкин [34]*, – начальник миссии протянул ему руку и сказал, что отведав хлеба-соли, Исет сделался его кунаком и тем одним же, согласно азиатскому обычаю, обязался не только за себя, но за детей и родственников в неизменной покорности России. Исет не ожидал этих слов и заметно сконфузился.

Азберген был главный советник Исета Кутебарова во время его бунта и приобрел славу батыря, предводительствуя шайками. Проведав, что Исет думает покориться, Азберген, не сочувствовавший этому намерению, ушел в Хиву со своими единоплеменниками и приверженцами. Сеид-Мухамет-хан приходу его был очень рад: в это время туркмены, убив кунградского бека Кутлумурада, задумали образовать из северной части Хивы особое ханство, на которое намеревались посадить туркмена фана (или пана) Мухамета [35]. Хан дал в распоряжение явившегося к нему Азбергента всех киргизов и каракалпаков. Киргизы много помогли хану, план туркмен не состоялся, но сами киргизы вынесли тяжелые подати и были недовольны обязанностью продовольствовать войска, поднялся ропот. В это время, т. е. в 1858 г., в устьях Аму появился русский пароход под командою начальника Аральской флотилии Бутакова, к которому обратился Азберген, заявляя о неудовольствии против хана подведомственных ему киргизов и прося принять их в русское подданство.

В это же время подчинился русской власти Джанбек Бараков со своими чумичли-табынцами и откочевал с ними на Усть-Урт. Остается сказать об Байганине: он знаменит лишь тем, что несколько лет тому назад участвовал в грабеже и убийстве русских купцов при караване и с тех пор удачно скрывался от преследования суда.

К Исету Кутебарову, который, заметим здесь кстати, сильно колебался в начале 1869 г., чью сторону принять, хан написал письмо, род ультиматума, в котором объяснял причины, побудившие его начать войну против России. Смысл письма такой: первоначально границей между Россией и Хивой признавался Урал, потом, по договору будто бы с российским императором, границей назначена Эмба; занятие же пространства на юг от Эмбы хан считает самовольным и потому, желая восстановить свое владение в прежних его пределах, он намерен выслать войска по направлению к Эмбе.

Марем Кутек, предводитель хивинцев, достигнув Северного чинка, вскоре разочаровался в возможности исполнения блистательных ожиданий хана; в помощь ему явился только Джанбек со своим племянником¹ Даутом Асауовым [36] и 200 чумичли-табынцами, остальные киргизы отнеслись холодно и равнодушно к его воззрениям. На приглашение Кутека идти и брать Эмбенский пост киргизы отвечали ему, что пусть он сам идет и берет его; из этого у них возник спор. Марем, решив, что с одним своим отрядом такую сильную крепость, как Эмбенский пост, он взять не может, накинулся на Азбергента, укоряя его в ложных уверениях хана. Из этого

* См. стр. 177 его сочинения.

¹ Так в тексте.

затруднительного положения Азберген придумал вывернуться довольно замысловатым образом: он сообщил марему, что у Исета Кутебарова и Нияза Утаралина [37] содержатся в плену два русских торговца, и что если бы Исет в самом деле был привержен хану, то не затруднился бы выдать этих пленников. Кутек потребовал от Исета выдачи русских, угрожая в противном случае грабежом подведомственных ему киргизов, и в то же время удивлялся его бездействию, так как сын его именем отца обещал деятельную помощь хивинскому хану.

Два достойных мужа, Кутек и Исет, вступили в переговоры. Исет выдал своих пленных, марем уплатил ему по 500 тилл за каждого и, сверх того, подарил многим влиятельным киргизам халаты и деньги. Исет, в свою очередь, также раздал многим халаты и тиллы, полученные им за две проданные души*.

Лошади отряда Кутека начали тощать; продовольствие, взятое им с собой, подходило к концу; отряд хивинцев, долженствовавший прийти к нему на помощь и с припасами, не приходил; киргизы брать Эмбенский пост формально отказались; туркмены отряда, видя, что предполагаемая добыча начинает ускользать, хотели было уже на свой собственный риск и страх заняться грабежом того, что находилось у них под рукою, – все эти причины побудили Кутека предпринять обратное бегство в Хиву. Дойдя до границы ханства в конце мая, Кутек встретил здесь 8000 туркмен с провиантом, которые предназначались ему на помощь, но почему-то были задержаны ханом. Боясь ханского гнева, марем засел в Кунграде в ожидании, когда события сами собой оправдают его или когда хан смягчится и призовет его к себе.

Азберген отправился в Хиву, объяснил хану, что неуспех предприятия произошел единственно от того, что марем струсил, не умел обойтись с народом и привлечь его на свою сторону, что исполнить было вовсе не трудно, так как народ киргизский и теперь еще воюет с Россией. «С мнением Азбергения, – говорит г-н Юр-ко, – что Кутек “струсил”, мы совершенно согласны, так как во время пребывания хивинцев на Усть-Урте и после того, почти до конца июля, восстание в степи не только не уменьшилось, но, напротив, приобрело новые силы, а потому если была когда-нибудь наиболее удобная минута для успешных действий хивинцев в степи, так именно то время, когда они предпринимали свой первый поход, но, к счастью киргизов, они моментом не воспользовались и, благодаря этому обстоятельству, число грабежей вышло в сумме все-таки меньше, чем могло бы быть».

После похода военного губернатора в степь в начале июля, восстание было подавлено. Все роды, желавшие принять положение, но вынужденные к восстанию

* Рассказ о продаже русских людей мы решились привести потому только, что он известен нам от заслуживающего доверия киргиза, близко знакомого с последними киргизскими делами. Этот же факт подтверждали и другие. Кстати, расскажем анекдот, подтверждающий действительность этого факта. Когда дела в Эмбенском уезде стали приходить в порядок и волнение улеглось, пришел в уездное управление один киргиз жаловаться на Исета. Раздавая подарки после продажи русских пленных, Исет обделил претендателя, назначив ему весьма малую сумму. Когда же степь успокоилась, то киргиз пожалел, что отказался от предложенной ему подачки, и просил, наивная душа, уездное правление истребовать причитающуюся ему сумму от Исета Кутебарова. Прим. Юр-ко («События в степи Уральской области»).

действительными бунтовщиками, и те, что совсем отказывались от новой реформы, все начали заявлять покорность и раскаяние. Только избранные в ханы предводители шаек, их приверженцы и родственники, а также часть чумичли-табынцев и часть других эмбенских родов, бежавшие за Эмбу и далее на Усть-Урт, потянулись теперь к Актюбинскому укреплению, соглашаясь платить новые подати и принять новую организацию. Да, на Усть-Урте ушли вдаль, недоступную для наших отрядов, одно отделение чумичли-табынцев и одно отделение чиклинцев, которые продолжали упорствовать в своем нежелании подчиниться новому порядку вещей.

Между откочевавшими на Усть-Урт киргизами в августе появился отряд до 200 человек сартов и каракалпаков, во главе которых находился Азберген; начальником же от хана был назначен Бала-Ирназар, каракалпак родом, при нем находились ханские зякетчи. Ирназар разослал зякетчей по аулам для сбора подати, а для большего успеха их предприятия распускал повсюду слух, что вслед за ним идет огромное ханское войско, не то 7, не то 22 тыс. при орудиях. Прожил ханский отряд около месяца между киргизами, податей ни с кого собрать не успел. И в сентябре Ирназар и Азберген получили приказание хана вернуться поспешнее назад. Слышно было, что хан проведет, будто против него откуда-то идет значительное русское войско. Два названные киргизские отделения, увлеченные за собой Ирназаром, дошли до Кунграда, здесь вместе с туркменами им вменено было оберегать границу ханства от вторжения каких-то небывалых русских отрядов.

Равнодушие, оказанное большинством адаевцев, не избавило их от ханских повелений: из Хивы были посланы к ним две прокламации, призывающие их к оружию против «злосчастных и неверных русских» и к добровольному принятию ими всех благ хивинского подданства; одна из прокламаций от 15 августа, не подлежит сомнению, вышла из ханской канцелярии, другая, от 20 октября, никем не подписана и, по всей вероятности, состряпана фанатиками из числа хивинских мулл. Приведем текст этих характеристичных и интересных в своем роде образчиков хивинской политической литературы: «Биям Бай-Мухамеду и Гафуру (он же Канаур), батырю Минбаю, Хуреку, мулле Тюле, благочестивому Бердниязу, батырю Худжабеку и всем *главного* (?) адаевского рода старшинам, молодым и главам семейств, вообще мужьям и великим батырям объявляется, что адаевский народ с Хивой составляет шесть городов. С весны не получено от вас ни письма, ни вестей достоверных и никто из старших в семействах не являлся. Состоящие под покровительством русских алимулинцы и байулинцы* идут сюда, но о чем думает и на каких путях находится ваш народ – не знаем; мы же надеялись, что народ наш прежде всех сынов киргизских окажет нам услугу и преданность. Если вы тверды на пути ислама, то, по получении этого письма, пусть приедут сюда несколько почетных лиц и старших в семействах, скажут о своих намерениях и посоветуются и поговорят об общей пользе и потерях. Доставьте сюда по прежним примерам зякет, и если нужна военная сила и помощь, то пусть берут и отправляются обратно. Не вредите располагающимся

* Все киргизы Оренбургского ведомства составляли одну Малую орду, разделяющуюся на три главные поколения: алимулинцев, байулинцев и семиродцев (джитыуру); первые два – многочисленнейшие и важнейшие.

на Балханах иомутовцам, а если они вам станут вредить, то давайте знать нам, и мы дадим удовлетворение. Пребывайте тверды на пути ислама и доносите обо всех тамошних ваших обстоятельствах письменно. Писано в Кунграде».

Другое послание отличается особенным воодушевлением и поэзией. Вот его содержание: «Речь наша заключается в том, что батырь Хотвак (Косвак) Аитов сообщил нам о вашем добром здоровье; услышав это от него, мы порадовались. Мы наслышаны о войне у вас со злосчастными и неверными русскими. Если воюете, то требуем уведомить нас об этом письменно. Если будете воевать, во-первых, во славу Аллаха и, во-вторых, за закон пророка (да будет над ним благословение Аллаха!), уповая лишь на самого создателя всех миров, то это соединит все три киргизские орды и вооружит их. Как только придет время взяться за оружие, рассылайте об этом письма знатным всех стран Большой и Средней орды (т. е. киргизов Сибирского и Туркестанского ведомств). Если Аллаху угодно, то событие это будет счастьем в ваше и в наше время. Убьем – прослывим воинами, убьют нас – будем мучениками! Мы так размышляем: для чего лишаться случая приобрести жизнь вечную? Ведь жизнь в мире этом скоротечна, как пять дней. В ожидании начала таких действий ваших мы пребываем в восхищении, повседневно и всякий раз после совершения пяти намазов молимся за вас и семейства ваши всевышнему Аллаху и просим его предопределить нам свидеться с вами. Аминь! О, господин миров! Да будете вы вечно в благоденствии».

Вслед за прокламацией хан разослал адаевцам коротенькую записочку, содержание которой таково: «Хотя мы и упоминали о взносе зякета, но сделали это не из одного только желания приобрести от вас выгоды, ни в зякете, ни в выгодах мы не нуждаемся, но желали только удостовериться в прочности вашего мира и степени готовности вашей к услугам». Передавая такие мягкие речи на письме, посланец обязан был передать изустно довольно грозные обещания хана: если адаевцы не исполнят в скором времени его приказаний, то он вышлет войско для грабежа адаевских аулов. Угроза эта произвела впечатление на адаевцев и взволновала их, в особенности находились в страхе ближайшие к Хиве. Несмотря, однако, на хивинские угрозы и заискивания, адаевцы довольно исправно вносили кибиточную подать.

Если подстрекательства Хивы не встретили сочувствия и удачи у адаевцев, зато многие из заэмбенских и Гурьевского уезда киргизов, кочующих у побережья Каспийского моря, числом около 7 тыс. кибиток, охотно поверили ханским обещаниям и откочевали осенью 1869 г. к Хиве, в ожидании от хана великих и богатых милостей. Депутация из 20 киргизов, в которой находился между прочими и есаул русской службы султан Арасланов, являлась к хану просить его о принятии сказанных киргизов в свое подданство и об отводе им земель с избавлением от платежа зякета на три года.

Депутация преподнесла хану подарки: кошмы, верблюдов и лошадей; хан отдал каждому халатом, кинжалом и аргамаком. Наибольшей милостью пользовался Азберген, которому хан дал в собственность несколько тысяч танапов земли; большинство же киргизов, полагаем, в непродолжительном времени войдут в немилость и будут преизрядно ошипаны хивинским правительством. Преданность Азбергента новому правительству велика, он советует хану выступить в поход при первой возможности против киргизов, принявших положение, собираясь принять деятельное

участие в походе; он, говорят, выкармливает и готовит аргамаков. Впрочем, неудачи хивинских отрядов поколебали доверие хана к Азбергеню, влияние на хана начал приобретать известный киргизский партизан Садык Кенисарин; кто из них возьмет верх, того обыкновенно назначают ханом над хивинскими киргизами, подобно тому, как несколько лет тому назад был назначен теперь уже умерший Изтлеу-тюре, сын Каип-Галия Нуралиханова¹, который в 1830-х гг. бежал в Хиву после поднятого им восстания против русского правительства.

Военный губернатор приказал уведомить киргизов, откочевавших в Хиву, чтобы те возвращались в места прежних своих кочевок, угрожая в противном случае земли их отвести другим киргизским родам, наиболее в том нуждающимся. Распоряжение это сильно заставило киргизов призадуматься: терять верное и обеспеченное в надежде на одни только обещания, которые очень легко могут и не исполниться, конечно, нерасчетливо. Рассуждая, таким образом, 2000 кибиток чумичлы-табынцев прислали депутата к военному губернатору с просьбой: земель, занимаемых ими прежде, не раздавать другим, так как они, перезимовав в хивинских пределах, намерены весной вернуться на свои старые места и принять новую организацию; просьба чумичлы-табынцев уважена и депутат их, бий Кайспул Айчуваков, уехал к своим однородцам, кочевавшим под Кунградом, с этим приятным для них известием.

Выше мы сказали, что происки хивинцев имели наибольший успех у заэмбенских киргизов, и теперь находим нужным указать те обстоятельства, которыми обуславливался этот успех. Как на одну из главных причин, почему заэмбенские киргизы поддались подстрекательствам Хивы, следует указать на взаимность экономических выгод этих народов. По недостатку луговых и пастбищных мест, говорит «Военно-статистический сборник», хивинцы лишены возможности иметь большое скотоводство, но зато плодородная почва Хивы производит в изобилии хлеб, плоды и разные полезные растения; оседлые жители городов занимаются приготовлением предметов одежды и обуви, как для себя, так и для киргизского употребления. Южные киргизы, занимаясь исключительно скотоводством и нуждаясь в хлебе и хивинских изделиях, находят для себя выгодные рынки в городах ханства. И вот в чем заключаются выгоды взаимно-дружеских отношений названных народностей и те причины, почему заэмбенские ордынцы, скорее других родов, поддаются хивинским проискам.

VIII

Умиротворение степи и удовлетворение пострадавших. – Учреждение съездов биев и результаты их деятельности. – Следственные комиссии и особый комитет о пресечении возможности повторения беспорядков в 1870 г. – Высочайшее прощение

В августе 1869 г. волнение было подавлено, мятежническая организация уничтожена, некоторые из главных виновников и предводителей мятежа арестованы и над ними наряжено следствие.

¹ Имеется в виду султан Каипгали Ишимов, внук хана Младшего жуза Нуралы.

Таким образом, умиротворение Киргизской степи к этому времени было достигнуто в обеих областях, и даже Эмбенский уезд был организован при деятельном участии в открытии этого уезда отрядного начальника флигель-адъютанта графа Борха. Последний своею гуманностью, человеколюбием и щедростью сумел (и едва не один из всех отрядных начальников, действовавших в степи) снискать к себе расположение и доверие киргизов и тем в значительной степени облегчил администрации устройство Эмбенского уезда. Вообще говоря, граф Ю. А. Борх своей деятельностью снискал завидную популярность между ордынцами Оренбургского ведомства. Степь успокоилась, но в продолжение мятежа произведены были киргизами различного рода нападения с целью грабежа на казаков, живших погранично со степью, на отряды, действовавшие в степи, на русских купцов, ведущих торг со степью и со Средней Азией, и киргизов, принявших новое положение. Большинство этих преступлений следует прямо отнести к простому грабительству, но часть из них сопровождалась убийствами и носила характер чисто политический.

Ввиду большого числа лиц, пострадавших от совершавшихся во время мятежа грабежей, и для удовлетворения материальных убытков, нанесенных киргизами торговым и не торговым частным лицам и прилинейным жителям, по распоряжению главного начальника края учреждены в городах Илеке, Уральске, Калмыкове и Гурьеве Уральской области и для Эмбенского уезда в Актюбинском укреплении области Тургайской чрезвычайные съезды биев из лиц, пользующихся у киргизов особенным доверием. А так как удовлетворение материальных убытков по народным обычаям носило характер мирового разбирательства, то для наблюдения за действиями съездов и посредничества между сторонами назначены в Калмыкове и Гурьеве тамошние уездные судьи, а в Уральске и Илеке – особые чиновники по усмотрению военного губернатора.

Но так как бывали случаи грабежей и угона скота киргизами Уральской области у киргизов Тургайского ведомства и наоборот, то для рассмотрения подобных преступлений по месту их происшествия составлены были особые смешанные пограничные съезды из биев или уполномоченных обеих областей. Съезды эти окончили свои занятия и из донесений их извлечены следующие результаты:

1) на Илецком съезде всех исков заявлено было на 28 326 рублей 64 копейки, к удовлетворению приговорено съездом на 22 876 рублей 56 копеек;

2) на Уральском съезде исков предъявлено было [на] 11 774 рубля 84 копейки, подлежало удовлетворению – 4003 рубля;

3) на Калмыковском заявлено исков [на] 85 642 рубля 60 копеек, приговорено – 67 395 рублей 24 копейки;

4) Гурьевскому съезду заявлено на 90 751 рубль 70 копеек, приговорено – 39 031 рубль 62 копейки.

О действиях Эмбенского съезда в тех материалах, которыми мы располагали, сведений нет. Но вообще следует заметить, что удовлетворение пострадавших от грабежей не соответствовало своей цели, ибо кроме разницы на десятки тысяч в сумме заявленного иска с суммой, приговоренной к удовлетворению съездами биев (как, например, по Гурьевскому уезду заявлено 90 000, приговорено – 39 000, менее на 51 000), кому неизвестно, что приговорить к вознаграждению не значит еще удовлетворить претендателя. Особенно если принять во внимание погром киргизов

при усмирении бунта. Выше мы видели, что киргизы, спасаясь от наших отрядов и бросая свой скот, главное их богатство, налегке спешили укрыться в недосягаемые для русских места степи, где и последний их скот, верблюды, лошади и бараны, погибал от бескормия и безводия голодной смертью. Это последнее обстоятельство в тысячный раз доказывает старую истину: что на бумаге всегда легко приказать и приговорить к чему угодно, но не так-то легко осуществить эти приговоры в действительности.

В заключительной главе настоящего исследования мы указываем на бесчисленные неблагоприятные в экономическом отношении последствия минувшего мятежа не только для Киргизской степи и для Оренбургского края, но и вообще для русской торговли, и приводимые нами факты, смеем думать, убедят всякого в справедливости сделанного нами замечания о невозможности вознаграждения на счет ордынцев тех лиц, что пострадали от руки киргизов во время бывших беспорядков.

Теперь, когда, по мнению администрации, дело удовлетворения пострадавших было закончено (?!), надо было наказать виновных. С этой целью, по распоряжению генерал-губернатора, были учреждены следственные комиссии, по одной для каждой области. На обязанности этих комиссий лежало производство следствий только над главными зачинщиками, подстрекателями и над должностными лицами, состоявшими при введении положения на службе по киргизскому управлению, которые явно уклонялись от исполнения своих обязанностей по собственной воле, и, наконец, над взятыми с оружием в руках при грабежах и нападениях на отряды, караваны, почты и линейные селения. Что же касается бывших в степи случаев одиночного разбоя и буйств, то следствия по означенным преступлениям производились обыкновенным порядком чрез посредство судебных следователей. Все же остальные затем киргизы, виновные в причинении убытков как своим однородцам, так и частным лицам во время вспыхнувшего мятежа, от судебного преследования избавлены. Местопребыванием вышеозначенных комиссий избраны были: для Уральской области – город Уральск и для Тургайской – город Илецк (бывшая Илецкая Защита).

Поручив упомянутым комиссиям открытие и наказание виновных в бывшем мятеже, главный начальник края, по успокоении степи и возвращении наших отрядов на линию, признал рациональным обратить серьезное внимание на принятие безотлагательных мер к пресечению возможности повторения подобных смут в степи на будущее время и для ограждения киргизов, принявших положение, от нападений злонамеренных их однородцев, бежавших в пределы Хивы, и киргизов адаевского рода, у которых положение в 1869 г. еще не вводилось. С этой целью тогда же учрежден был особый комитет под личным председательством генерал-адъютанта Крыжановского, составленный из уездных начальников и начальников отрядов, возвратившихся из степи. Комитет этот признал необходимым сделать следующие распоряжения:

- 1) возложить на личную ответственность уездных начальников, каждого по своему уезду, собирание самых верных сведений о всяких покушениях со стороны хищников к нарушению восстановленного в степи порядка и спокойствия и для того, чтобы начальники уездов всегда, сообразно полученным сведениям, имели возможность принимать энергические меры к уничтожению шаек;

2) обязать уездных начальников находящиеся под командой их войска держать в таком положении, чтобы они были готовы при первом угрожающем известии немедленно двинуться туда, где присутствие их признается необходимым, предоставляя этим начальникам полную свободу действий под личной их ответственностью;

3) а так как при незначительности отрядов, находящихся в распоряжении каждого из уездных начальников, могло легко встретиться крайнее затруднение действовать исключительно военной силой на громадном пространстве всего уезда, то для повсеместного, по возможности, ограждения покорных киргизов от хищников предоставить непосредственному усмотрению уездных начальников учреждать караул из самих киргизов и содержать посты в тех местностях, где это окажется необходимым;

4) если бы сверх всякого ожидания хищнические шайки появились в столь значительных размерах, что все способы, изложенные выше, оказались бы недостаточными, то комитет полагал «предоставить уездным начальникам разрешать киргизским волостям, которым будет угрожать опасность, защищать свою личность и имущество всеми возможными способами до оказания им помощи военной силой».

Затем генерал-адъютант Крыжановский ходатайствовал пред государем императором об облегчении участи киргизов, увлеченных в мятеж подстрекательством злонамеренных людей, и в декабре 1869 г. удостоился получить высочайшее повеление, уполномочившее его объявлять именем государя императора всемилостивейшее прощение виновным в беспорядках киргизам при возвращении их в Оренбургскую степь, но с тем, чтобы эта монаршая милость была оказываема только тем из них, которые по ближайшему генерал-губернатора усмотрению будут признаны ее достойными.

Так кончилось восстание 1869 г., но степь не могла так скоро успокоиться, страсти слишком разыгрались, и потому мы переходим к описанию событий в степи в 1870 г.

IX

*События на Мангышлаке в 1869 и 1870 гг. – Введение положения у адаевцев. – Смерть полковника Рукина и осада Александровского форта**

Если введение нового положения, говорит г-н Корин, было встречено сопротивлением со стороны киргизов, кочующих по сю сторону Эмбы, то устройство

* Для описания событий, происходивших на Мангышлаке в конце 1869 и начале 1870 гг., мы располагаем одним лишь источником – статьей г-на Корина, напечатанной в редактируемых им «Уральских войсковых ведомостях» и затем изданной отдельным оттиском. Труд г-на Корина представляет исследование весьма обстоятельное и, насколько мы могли поверить его по рассказам очевидцев, верное действительности, и так как мы вынуждены по неимению иных источников вполне полагаться на правдивость рассказа г-на Корина о событиях в Мангышлакском приставстве, то и всю ответственность за правдивость описания нижеследующих событий слагаем на автора упомянутой статьи, за доставление которой считаем долгом благодарить уральское начальство.

нового порядка управления в среде заэмбенских киргизов, а именно в пределах Мангышлакского приставства, должно было встретить несравненно большие трудности. Ввиду этого представлялось необходимым отложить организацию Мангышлакского приставства до того времени, когда утихнет волнение и новое положение будет введено в других частях Уральской области.

При введении нового положения на Мангышлакском полуострове приходилось иметь дело с многочисленными и более других дикими и воинственными адаевцами, которые хотя и признавали себя русскими подданными, но зависимость их была почти номинальная. Самую кибиточную подать платили они за то число кибиток, какое заблагорассудят выказать сами, проверять же их не представлялось возможности, и платили ее единственно в тех видах, чтобы в случае притеснений со стороны Хивы иметь право требовать защиты от русского правительства. Кочуя на громадном пространстве Усть-Урта до самых хивинских и туркменских пределов, они были решительно недосыгаемы для русской власти. Кроме этого, наше влияние здесь сильно парализовалось происками и действиями хивинского правительства. Пользуясь нашим бессилием, хивинские отряды, или шайки, иногда проникали вглубь нашей степи, собирали с наших подданных зякет и бесчинствовали в наших пределах совершенно безнаказанно.

При введении нового положения мало предвиделось шансов на то, чтобы адаевцы без сопротивления его приняли и изъявили готовность платить, вместо прежней, подать удвоенную и, кроме этого, особый сбор на расходы по местному управлению.

В случае сопротивления нам, чтобы не лишиться и последнего нашего влияния, необходимо было поддержать наше требование силой. Но на всем громадном пространстве Мангышлакского приставства мы имели только одно укрепление, форт Александровский, лежащий не в центре, а на одной из окраин приставства. Притом гарнизон этого укрепления вследствие экономических соображений постепенно был доведен до такой ничтожной цифры, что оказался едва достаточным даже для защиты самой крепости, а в случае серьезного волнения в окрестной степи он не смел бы показаться за ее стенами.

В то время как постепенно организовались уезды Уральской области, в Мангышлакском приставстве до времени оставлен был прежний порядок управления: адаевцы, по-прежнему, делились на две дистанции – верхнюю и нижнюю, и прежние начальники их, бии Маяев и Колбин, оставлены были на своих местах. Кибиточную подать положено было взыскать с адаевцев по прежней норме по 1 рублю 50 копеек с кибитки. Меры эти допущены были в тех видах, чтобы до времени не затрагивать адаевцев и не увеличивать ими число недовольных. Да и неудобно было требовать с адаевцев подать по новому положению, когда самое положение еще не было им объявлено их ближайшим начальником – мангышлакским приставом, тем более, что и само правительство разделяло убеждение, что новое положение у ордынцев может вводиться постепенно и что подобные недочеты, как недочет в доходах по Мангышлакскому приставству, в первое время очень естественны и даже неизбежны.

Меры эти оказались вполне уместными и имели благоприятные последствия: благодаря тому, что у адаевцев оставлены были прежний порядок управления и

прежняя норма подати, они во время волнения 1869 г. держались в стороне и не принимали в нем участия. Мало этого, они, как увидим ниже, даже оказались полезными нам, воспрепятствовавши движению киргизских шаек на Гурьев-городок и не допуская к себе некоторые отделения, бежавшие от наших отрядов.

В августе месяце 1869 г. восстание в степи было подавлено. Нужно было воспользоваться впечатлением, произведенным на киргизов действиями наших отрядов. Откладывать долее не было причин, и областное начальство время это признало удобным для того, чтобы предпринять, по крайней мере, подготовительные меры к устройству нового порядка управления в Мангышлакском приставстве.

Во второй половине сентября прибыли в Уральск приглашенные военным губернатором в июне месяце начальники верхней и нижней адаевских дистанций бии Маяев и Колбин. Лица эти, давно управлявшие адаевским родом, имели сильное влияние на своих родичей и могли сообщать все, что необходимо было знать областному начальству. Прежде всего, необходимо было узнать настроение адаевцев, т. е. узнать степень их доверия и расположения к русскому правительству, и вообще ознакомиться с теми условиями, при которых предстояло действовать. После того, как им подробно разъяснена сущность нового положения, высказанные ими мнения и суждения на совещаниях, бывших по этому предмету, не давали повода предполагать, что устройство нового порядка управления у адаевцев встретит серьезные затруднения. Маяев и Колбин обещали в этом отношении свое полное содействие и подкрепили это обещание своей прежней верной службой русскому правительству.

Обласканные военным губернатором и получившие приличные подарки, в конце сентября бии отправились обратно в форт Александровский. Одновременно с ними отправился туда же и полковник Рукин, назначенный на должность мангышлакского пристава. Случаем этим должен был воспользоваться Рукин, чтобы ближе ознакомиться с этими влиятельными людьми и расположить их в свою пользу. Пристав был снабжен инструкцией, в которой не была скрыта от него вся трудность предстоявшего ему дела и указана цель, которую он должен был преследовать. Ему указаны были, впрочем, только общие основания, избрать же тот или другой способ для успешного достижения предположенной цели предоставлялось его личному усмотрению, применяясь к местным условиям и обстоятельствам.

Главные черты инструкции, данной в руководство приставу, были следующие:

1) объявить адаевцам об учреждении для управления ими по воле государя императора приставства, куда они с этих пор должны обращаться по всем своим делам;

2) пригласить в форт или другое удобное место на совещание всех должностных, почетных и влиятельных лиц и, объявив им истинный смысл нового положения, войти в соглашение относительно возможности введения этого положения во всем его объеме или с некоторыми изменениями, разобрав и причины, вызывающие их;

3) объявить, что новое положение не должно их пугать ни в каком отношении, ибо оно ни в чем не нарушает порядка их кочевания, народных нравов, веры и обычаев, а, напротив, правительство желает только даровать им управление более справедливое, дабы собственность и личность каждого ограждались силой законной власти;

4) пригласить их с доверием относиться к новому положению и спокойно заниматься своим хозяйством и другими делами, ведущими к пользе частной и общественной, внушив им, чтоб они не слушали ложных толков, и если бы таковые кто-либо осмелился распространять между ними, то виноватых в таком преступлении они должны сами задерживать и представлять законной власти. Пусть они поймут, что подобные люди принесут им только один вред, ибо, возбудив к неповиновению, они тем самым вынуждают правительство прибегать к мерам строгости, а это может повести за собой расстройство в хозяйстве и даже разорение;

5) если окажется возможным, ввести же новую кибиточную подать и сбор на земские повинности, то поручить прежним начальникам или лицам, какие будут выбраны вновь самим обществом, составить установленные приговоры о числе кибиток и о количестве причитающейся с них подати;

6) обратить внимание на ход тамошней торговли, устранить, по возможности, препятствующие ей причины и сообщить подробные сведения о состоянии вообще торговли и промышленности, о причинах ее застоя и мерах, какие признавались бы полезными для ее развития;

7) обратить также внимание на местные естественные богатства, особенно на месторождения каменного угля, нефти и т. п.;

8) собирать сведения о береговой торговле и о числе судов, производящих ее, а также о местах хорошей стоянки и пристанях, удобных для устройства товарных складов. Развитие берегового торгового движения представляет громадную важность для распространения мирной торговой деятельности, очевидные выгоды которой могут со временем заставить киргизов обратиться к честному труду и заработку взамен нынешних грабежей и разного рода насилий с целью без труда добывать себе необходимое;

9) соби́рание сведений: о состоянии путей сообщения, о количестве провозимых по каждому из них товаров, о роде и качестве их и месте происхождения, о числе дней хода, о плате за перевозку и т. п. должно составлять постоянную его заботу при всяком удобном случае.

Вообще обязанность пристава должна была обнимать обширный круг ведения не только в административном, но и в хозяйственно-экономическом отношении, ибо только при совокупности этих обязанностей можно ожидать всестороннего развития известной местности и упрочения в ней гражданственности*.

По приезде полковника Рукина в форт Александровский к нему для приветствия начали являться бии, кочующие невдалеке от форта. Из слов их вообще можно было заключить, что они довольны назначением к ним русского начальника**, в отношении же введения нового положения они оговаривались, что об этом

* Мнение г-на Корина, с которым мы не вполне согласны, ибо столько обязанностей, возложенных на одно лицо, физически невыполнимо на практике.

** Нет никакого сомнения, что уверения в довольстве по случаю назначения русского начальника было не более, как хитрость адаевцев скрыть истинные намерения свои, и г-н Корин напрасно верил этим заявлениям, — последствия опровергли эту веру в миролюбие адаевцев.

им необходимо прежде посоветоваться с народом и, в особенности, с сардарами дальних киргизов. Пригласить на совещание сардаров и влиятельных лиц приставом было поручено биям Маяеву и Колбину, которые по возвращении объявили, что сардары, вероятно, соберутся в половине ноября месяца.

К этому времени приглашенные, хотя и не все, действительно прибыли в форт. На бывших совещаниях они ничего не возражали против самого положения и настаивали лишь на том, чтобы кибиточная подать с адаевцев за весь 1869 г. была взыскана по старой норме, т. е. по 1 рублю 50 копеек с кибитки. Настаивали оказать им это снисхождение во внимание к тому, во-первых, что до конца года им не было объявлено новое положение и что кибиточный сбор уже начат по высланным прежде квитанционным книгам; во-вторых, что по случаю бывшего в степи волнения они почти не кочевали по сю сторону Эмбы, не могли быть на Уильской ярмарке и сбыть лишний скот, вследствие чего остались без денег; и, в-третьих, что если теперь будет потребована подать по новой норме, то в народе может возникнуть неудовольствие. При этом они указывали на то еще, что если адаевцы во время бывших в степи волнений и оставались спокойными, то потому только, что у них был оставлен прежний порядок управления и прежняя норма подати и, как свою заслугу, приводили помянутый уже выше факт, что они отклонили намерение мятежнических шаек идти на Гурьев-городок.

Вот, что значит поучительный урок бывших беспорядков, научивший администрацию с проектом новой реформы обратиться непосредственно к самому народу, которого реформа касалась и который сам дал благой совет как лучше провести эту реформу в его жизнь. Смеем думать, что ежели бы подобные предварительные меры были приняты в отношении более мирных, чем адаевцы, киргизов тургайских и уральских, то бунта и совсем бы не было.

Подобное заявление областное начальство не могло оставить без внимания. Настаивать со своей стороны на том, чтобы адаевцы подчинились новому положению вполне и безусловно оно могло тогда только, когда бы было в силах заставить их выполнить это требование.

Впрочем, уступка эта хотя была вынужденной, но на этот раз она имела весьма благовидный характер и не обещала никаких дурных последствий: адаевцы не могли объяснять ее нашей слабостью, потому что до этого времени начальство не предъявляло неперемennого требования, чтобы подать уплачена была ими по новой норме; она не могла также послужить поводом к заявлению подобных же требований со стороны других киргизов, так как кибиточная подать со всех прочих родов за этот год была уже взыскана по новому положению; напротив, на уступку эту адаевцы могли смотреть как на особую милость к ним русского начальства, так как она была сделана только им одним.

На основании всех этих соображений положено было взыскать с адаевцев кибиточную подать за 1869 г. по прежней норме, но с тем вместе обязать их с будущего 1870 г. безоговорочно уплачивать подать по новому положению и во всех отношениях подчиниться этому положению.

В глазах адаевцев Рукин должен был представить уступку эту как исключительную милость к ним русского правительства и нового русского начальства.

Циркуляр его по этому поводу к начальникам дистанций Маяеву и Колбину составлен с достоинством и с полным пониманием дела.

Из оказанной милости адаевцы должны были видеть, с какой готовностью областного начальство приняло на себя ходатайство по заявлению сардаров и биев, собиравшихся в ноябре месяце. Готовность эта служила ясным доказательством заботливости нового начальства об их благосостоянии и лучше всего подтверждала справедливость слов, сказанных приставом в собрании, что «назначение к ним вместо прежних султанов-правителей русских чиновников сделано в тех видах, что последние всегда могут действовать с большим беспристрастием и, вникая в нужды киргизского населения, могут с большим успехом ходатайствовать об улучшении его положения, так как они всегда известны правительству и вследствие того пользуются более полным доверием, чем бывшие султаны-правители из киргизов».

Объявляя адаевцам эту милость, полковник Рукин выражал надежду, что они окажутся достойными ее и оплатят со своей стороны безусловным повиновением новому начальству. При этом он предупреждал их, что милостью этой они воспользуются в таком только случае, если при предстоящем съезде биев новое положение будет принято и ведено до времени раскочевания аулов; если же вновь встретится затруднение, то они лишатся не только этой милости, как не заслуживающие ее, но при всем своем нежелании начальство вынуждено будет в таком случае прибегнуть к мерам строгости, последствия которых должны быть хорошо известны адаевцам из примеров, бывших в минувшем лете (1869 г.) в степи Уральской области.

Вскоре после того, как об этом было объявлено адаевцам, начальник верхней дистанции зауряд-хорунжий Маяев представил от управляющих отделениями его дистанции подписки в том, что они с подведомственными им аулами принимают новое положение, обязуются платить кибиточную подать за 1870 г. по 3 рубля и по 50 копеек на земские повинности и исполнять все, что требуется от них новым положением.

Из числа управляющих отделениями нижней дистанции такие же подписки были представлены управляющими джитимековым отделением Аманджулом и тобышевским отделением Куматом. Но так как последний представил подписку без подписей местных начальников и влиятельных лиц, то она была возвращена ему, с тем чтобы была представлена им за установленным подписом. В то же время были верные слухи, что в скором времени подобная же подписка будет представлена «давно об этом хлопотавшим» управляющим муауловым отделением Исою. Затем оставалось только одно джимекеево отделение, о деятельности управляющего коим Кутума не было никаких сведений.

По местным условиям не представлялось возможности применить новое положение к Мангышлакскому приставству во всей его точности и полноте. По новому положению волостные управители и аульные старшины должны назначаться по выбору, но нетрудно было предвидеть, что при значительном расстоянии одного аула от другого и при постоянном их передвижении собрать избирателей в одно место было бы крайне затруднительно, да едва ли и возможно. При всем этом вы-

борное начало, если бы оно и было применено к Мангышлакскому приставству, в административном отношении не обещало выгод*.

Начальник нижней дистанции Колбин и некоторые из управлявших отделениями вели себя двулично и не выказывали желаемого усердия. Но нельзя было и надеяться, что выборы, если бы они состоялись, были вполне благоприятны и выбраны были лица более этих преданные и усердные. Притом русский пристав в короткое время своего управления приставством и при сродных киргизам скрытности и лукавстве, само собою, не мог изучить своих новых подчиненных настолько, чтобы верно и безошибочно мог судить о степени их преданности русскому правительству и сочувствия к вводимому вновь порядку управления. Например, вначале Рукин предполагал управляющего джитимековым отделением Аманджула вместе с двумя другими уволить от должности за то, что они долго не приступали к сбору подати и не явились по его приглашению в форт для выслушания и обсуждения нового положения. Но впоследствии оказалось, что этот же самый Аманджул первый из управляющих отделениями нижней дистанции представил подписку о принятии его отделением нового положения. На основании этих соображений положено было отделения переименовать в волости, а лиц, заведующих ими, не прибегая к выборам, назначить волостными управителями; аульные же старшины, если не представится особых препятствий, должны быть назначены по выбору, в противном случае назначение их предоставлялось в верхней дистанции Маяеву по соглашению с волостными управителями**. Волостные управители должны были списки избранным или назначенным аульным старшинам и биям представить на утверждение в приставство, составить списки кибитковладельцам и при этом предостерегались, что в случае неправильности или утайки они подлежали штрафу и удалению от должности.

Таким образом, при введении положения у адаевцев нарушителями положения являются не киргизы, а их начальство, заменяя выборное начало назначением волостных управителей от русской власти, и такое распоряжение, противное духу реформы, исходило от тех же деятелей, что составляли вводимое положение. Факт поистине красноречивый!

Если бы удалось покончить благополучно с адаевцами, Рукин был намерен потом приступить к введению нового положения и между туркменами. Здесь он не рассчитывал встретить особых препятствий, потому что одно из отделений, игдырли, кочующее вблизи форта Александровского, уже заявляло о своей готовности принять новое положение. Что же касается туркмен, кочующих близ Карабугаза и Киндерли, то из них если и могла откочевывать к Красноводску, то весьма незначительная часть, следовательно, ущерб был бы не велик.

При откочевании аулов, которое у тамошних киргизов начинается обыкновенно после их праздника Курман-байрама, пристав предполагал выдать каждому во-

* Совершенно ошибочное мнение уральского начальства, которое повело к тому, что в устранении выборного начала, дарованного народу, киргизы видели нарушение их права и грубое отступление от положения.

** Это-то суетумудрие и разожгло страсти.

лостному управителю, принявшему новое положение, свидетельство в том, что ему с аулом дано право на свободное кочевание на Эмбу и далее к Уилу.

Маяев обязан был внушить также волостным, чтобы они рассчитались с претендентами по бывшим в прошлом лете барантам и грабежам.

С устройством нового порядка управления необходимо было упразднить должности начальников дистанций. Но не дать никакого нового назначения Маяеву было бы не только неудобным, но даже и несправедливым, потому что вся его деятельность по введению нового положения служила несомненным доказательством его искренности и преданности.

Удаленный от должности Колбин был в состоянии агитировать против нас и при новых, только что возникавших, наших отношениях к местному населению и при полном нашем бессилии поддержать порядок, если бы он был нарушен, мог быть даже опасным для нас. В предупреждение могущих произойти отсюда неблагоприятных последствий, признано было за лучшее учредить при мангышлакском приставе две должности младших помощников пристава и назначить на эти должности Маяева и Колбина.

Вот в каком положении были дела на Мангышлакском полуострове в первой половине февраля месяца 1870 г.

Во второй половине февраля между туркменами и киргизами, кочующими на Мангышлаке, распространился слух, что новое положение их не касается, что у них должен остаться прежний порядок и кибиточную подать они должны платить как прежде, т. е. по 1 рублю 50 копеек. Эту во всех отношениях приятную для киргизов новость сообщил один туркменский старшина, бывший перед тем в Красноводске и сопутствовавший потом отряду, высланному отсюда на рекогносцировку к Балханскому заливу. Старшина был настолько уверен в справедливости слышанного им, что решился по этому поводу написать письмо к полковнику Рукину. Всякий, кому приходилось быть в Киргизской степи, знает, с какою изумительной быстротой распространяются в среде киргизов известия всякого рода, и поэтому неудивительно, что слух этот быстро распространился между киргизами, кочующими на Мангышлаке.

Вскоре Рукин получил то же самое сообщение от Маяева и других биев.

Слух этот соответствовал желаниям киргизов, и им приятно было ему верить. Рукин предвидел, какой дурной оборот может принять дело, если толки киргизов оставить без всякого опровержения. Но убедить киргизов в полной неосновательности этого слуха было весьма трудно.

Рукин думал, что в его положении ничего не оставалось больше, как истолковать этот слух в ином смысле и дать ему другой оборот. Он объяснил им, что слух этот, если и справедлив, то только в половину, и если на первое время кибиточная подать оставлена прежняя, то лишь у туркмен, кочующих за пределами Мангышлакского приставства, не плативших прежде никакой подати русскому правительству, и что распоряжение это не касается туркмен и, в особенности, киргизов, много лет уже состоящих в русском подданстве и вошедших в состав Мангышлакского приставства. Данное объяснение не было особенно убедительно, но киргизы, по-видимому, им удовлетворились.

1 марта киргизы должны были праздновать Курман-байрам, по этому случаю Рукиным был устроен киргизам той и скачка с призами. Ему было известно, что адаевцы после этого праздника начинают откочевывать в места своих летних кочевков.

Судя по доставленным подпискам, новое положение было принято всеми отделениями бывшей верхней дистанции и большей частью нижней. Пристав, волей-неволей, на первых порах должен был основываться единственно на этих подписках и заявлениях сомнительно преданных и коварных адаевских начальников, которые без ближайшего контроля всегда готовы были уверять в своей преданности и в то же время ничего не делать в пользу нового порядка вещей. Такое положение дел могло продолжаться до тех пор, пока он сам на месте не убедился бы в верности того, что ему было известно на бумаге. Чтобы сблизиться с народом, убедиться в степени его преданности и расположения к русскому правительству и видеть, правильно ли вводится в народе и прививается ли к нему новое положение, Рукину необходимо было лично обозреть хоть часть приставства. Кроме того, поездка эта представлялась необходимой и во многих других отношениях. Нужно было дать понять адаевцам, что русское начальство всегда будет в состоянии появляться в их аулах, как для проверки действий местных начальников, так и для защиты тех, кои будут подвергаться обидам и притеснениям, и для наказания виновных. Адаевцы доселе были вполне уверены, что они совершенно недосыгаемы в своих обширных степях и только поездка пристава бы могла убедить их в противном.

Рукин не верил преданности адаевцев и искренности большинства их начальников, но, по его мнению, адаевцам необходимо было принять новое положение потому, что в таком только случае они могли в предстоящем лете свободно кочевать на Эмбу, Сагиз и Уил. Кроме этого им было известно, что половина отряда, высадившегося в Красноводске, вышла к Балханскому заливу для рекогносцировки старого русла Амударьи до хивинских пределов, и они сообразили, что с падением Хивы их положение будет безвыходно и им необходимо покориться и принять новое положение.

На основании всех этих соображений Рукин решил предпринять поездку по территории приставства с конвоем из двух офицеров, одного урядника, 38 козаков и с провиантом на 45 дней.

Вначале, по-видимому, обстоятельства благоприятствовали Рукину и можно было надеяться на успех и благоприятный исход. Волостные управители доставили бесплатно под путевое довольствие отряда 36 верблюдов и вообще старались выказать свое усердие и преданность. Предположенное движение они признавали полезным и, по-видимому, готовы были оказать со своей стороны содействие к склонению киргизов к фактическому принятию нового положения. Рукин не мог знать, насколько были искренни чувства и действия этих людей, только будущее могло показать, насколько сами они заслуживали доверия.

Пристав выступил из форта 15 марта. Маяев и некоторые из волостных управителей сопутствовали Рукину. Колбин вызывался выехать к нему навстречу, но пристав на основании прежнего образа действий Колбина не надеялся, чтобы он исполнил это.

Из форта Рукин предполагал направиться мимо полуострова Бузачи к заливу Александров-Бай. Сюда предполагал он вызвать туркменских старшин и затем возвратиться в форт. Все пространство, которое думал объехать пристав, не было обширно, но вернуться в форт он предполагал не раньше 25 апреля, потому что намерен был употребить много времени на беседы с киргизами с целью разъяснить им новое положение.

Рукин выступил из форта 15 марта; с ним находились помощник пристава есаул Логинов, переводчик зауряд-хорунжий Бекметев и киргизы – сардар тобышева отделения Кулат Ураков [38] (из нижней дистанции), аульный старшина Кошей Имбердинов, Купай Дызбатуов, Урак Джавлинов, мулла Бура Исепамалов, из туркмен – аульный старшина Атандек Джамабулов и для прислуги пять человек. Конвойный отряд был вооружен винтовками и снабжен по 40 патронов на человека и провиантом на 45 дней и находился под командой хорунжего Ливкина.

Из форта отряд направился к бывшему Александровскому укреплению. Первый привал был в верстах в 15 от форта на урочище Куруп. 16 марта, пройдя верст 25, остановились ночевать, 17-го – дошли до колодцев Бурла. На этой станции получены были первые сведения о том, что киргизы готовят встречу отряду враждебно. Перед приходом на колодцы был послан урядник Багайдин с одним козаком в киргизский аул для покупки баранов. Здесь Багайдин слышал разговор киргизов, в числе коих были сардар Кулат и сын Маяева. Последнего киргизы спрашивали, куда идет отряд и прибавили, что «там, на урочище Ала-Турпа, собираются киргизы с вами драться». На вопрос сына Маяева, от кого они слышали об этом, ответили, что сведения эти получены ими от проезжих киргизов. Обо всем этом было передано полковнику Рукину, но Кулат уверил, что сведениям этим нельзя дать вероятия.

Рукин не обратил внимания на эти слухи и продолжал идти вперед. 18 марта, сделавши переход верст в 20, остановились при колодце Кунансу. Здесь к отряду присоединился Маяев и несколько киргизов. 19-го и 20-го прошли не более 16 верст. 19-го числа с урочища Ушан-Коп Маяевым были посланы два киргиза разузнать, действительно ли собираются киргизы. 21-го прошли верст 40 и остановились при колодце Усак. Сюда прибыли посланные Маяева и сообщили, что киргизы действительно собираются и собрались уже до 150 человек под предводительством сардара Исы Тюленбаева и батыря Кара-Мурата Джулдыбаева. Вследствие этого в ночь с 21-го на 22-е, во время привала, были приняты нужные предосторожности и в эту же ночь верблюдо-вожак киргиз кулатова отделения бежал и увел 5 верблюдов.

Но Рукин или не поверил этим слухам, или же согласился с уверениями Маяева, что киргизы, если и соберутся, то при появлении русских, и особенно хорошо вооруженных, разбегутся, – решился идти вперед.

На переходе 22-го числа начали уже показываться по сторонам небольшие группы киргизов, вследствие чего до предполагаемого места отряд не дошел, а остановился в местности Инебуаз-Кумардан, на дождевой воде. Здесь в отряд приехали два киргиза тобышева отделения и передали, что на Бузачах в помощь Исе собираются киргизы отделений джимекеева и джары. В этот же день явился в

отряд армянский приказчик, живущий постоянно при форте, Давлет Колдыбаев и сообщил, что он был у Исы Тюленбаева, что у него собралось уже до 200 вооруженных киргизов и что в шайке есть до 30 ружей и один штуцер [39]. В разговоре с ним Иса будто бы высказал мнение, что Рукин и Маяев вводят новое положение неправильно, по своему произволу, а не по воле правительства. В это время стало уже известным, что Иса Тюленбаев действует не сам собой, а под влиянием и с согласия бывшего начальника нижней дистанции Гафура Колбина.

Колдыбаев был обратно послан к Исе, чтобы передать ему от Рукина, что если он сомневается, пусть сам придет переговорить с приставом, пусть он ничего не опасается, и если киргизы не пожелают принять положения, то отряд Рукина вернется обратно в форт. Колдыбаев в этот же день вернулся с ответом, что Иса не верит Рукину и требует, чтобы он дал ему бумагу, удостоверяющую в верности и действительности нового положения, с которой он поедет в Оренбург. Рукин снова отправил Колдыбаева к Исе с тем, что если он желает ехать степью, то ему будет дан паспорт, если же на пароходе через Астрахань, то получит и прогонные деньги, что ему и было предлагаемо зимой. Колдыбаев возвратился 23-го числа и передал, что Иса один не желает ехать, а требует, чтобы с ним был отпущен Маяев. Рукин отвечал, что отпустит и Маяева, если Иса даст четырех аманатов, названных по именам. После этого Иса отказался ехать и потребовал безусловной выдачи Маяева. Наконец, 23-го числа впереди отряда была замечена шайка киргизов человек во 100, которые, впрочем, при приближении отряда отступали и не предпринимали еще никаких враждебных действий.

Теперь уже нельзя было сомневаться во враждебных намерениях Исы и его сообщников. Отряд был слишком слаб, чтобы действовать против киргизских скопищ, и притом поход имел совершенно мирную цель и употреблять против киргизов оружие не входило в план Рукина, а потому он после небольшого привала предпринял обратное движение в форт.

До самого ночлега (колодца Усак) шайка сопровождала отряд и на ночь расположилась в полутора верстах, на север от него, на высокой горе. Отсюда Колдыбаев был снова послан к Исе передать ему от Рукина, что если он и истребит этот отряд, то русское правительство всегда будет в силах наказать его за это, и потом Рукин требовал, чтобы отряд был пропущен в форт. К вечеру, перед закатом солнца, часть киргизов переехала на южную сторону и заняла довольно высокий курган, бывший вне выстрелов отряда. Некоторые из киргизов начали было подбегать ближе, но выставленные пикеты заставили их удалиться. При наступлении сумерек они снова стали приближаться с разных сторон, тогда полковник Рукин приказал стрелять и киргизы не замедлили отвечать на выстрелы. Завязавшаяся таким образом перестрелка продолжалась до самого рассвета. Из отряда в это время был убит козак Зевакин и две лошади. Были ли убитые со стороны киргизов, за темнотою ночи видеть было невозможно. В эту ночь был послан Рукиным киргиз к воинскому начальнику форта с известием о критическом положении отряда и с просьбой прислать еще 20 козаков, орудие и комплект патронов [40]. 24 марта видно было, что все верховые киргизы заняли прилежащие горы, а пешие в разных местах залегли за камни и стреляли по отряду, но безуспешно. Поутру решено было изменить направ-

ление пути и отступить не прямо к морю, а вдоль оврага, потому что киргизы заняли лежавший впереди курган, мимо которого проходила дорога, и тем отняли возможность продолжать отступление в этом направлении. Проводником взялся быть сам Маяев. Часов в 10 утра шайка отступила и тем дала отряду возможность двинуться в путь. Отряд направился вдоль оврага, впереди лежало ущелье, составлявшее единственный проход, и нужно было поспешить занять его. Киргизы поняли это намерение и бросились было, чтобы предупредить отряд, но не осмелились подойти под выстрелы и, таким образом, дали возможность миновать узкую и извилистую часть оврага, который затем перешел в равнину версты в четыре шириной. Отряд прошел приблизительно 10 верст, и во все это время шайка продолжала преследование, так что казаки по временам должны были отстреливаться.

Затем отряду предстояло пройти еще небольшое ущелье. Киргизы послали вперед трех джигитов занять его; Рукин, чтобы предупредить киргизов, послал вперед урядника Багайдина с пятью или шестью казаками. Двое из джигитов вернулись назад, третий же, наверное, был бы убит, но в это время вся масса киргизов, скрывавшаяся за курганом, с гиком понеслась: меньшая часть на Багайдина, а большая – во фланг отряду. Произошла схватка, в которой Багайдин был изрублен и несколько казаков ранено.

После этой схватки киргизы разделились на три партии и заняли лежавшую на пути отряда высокую гору. Свободным оставался один овраг по направлению к заливу Сары-Таш. Остановиться тут, вероятно, не было никакой возможности по недостатку воды, и отряд снова должен был изменить направление и двинуться к морю.

Отряд шел окруженный с трех сторон киргизами, и свободной оставалась только одна сторона, в которую двигался отряд, но и та замыкалась высокой горой, взобраться на которую не было возможности.

Положение отряда, не сделавшего ни одной энергической попытки ударить на киргизов и отогнать их, было критическое, и Рукин, в действиях которого уже не видно ни привычной ему энергии, ни верной оценки относительно положения дел, как говорят, по совету Маяева, приказал бросить верблюдов и лошадей. Приказание это было выполнено буквально, и никто из отряда не взял с собой ни сухаря. Вечером на одной из окрестных гор была замечена отдельная партия киргизов; Маяев, предполагая, что это киргизы, которых он ждал, поскакал к ним, но на 200 сажнях был окружен и убит.

Рукин с пешим отрядом, как видно, надеялся еще добраться до моря, где виднелись паруса рыбацких лодок. Он рассчитывал выйти на берег, подозвать рыбаков и уплыть на лодках в форт.

Отряд прошел таким образом еще версты две или три и до морского берега оставалось уже не более двух-трех верст, но окончательное утомление людей и темнота не позволили продолжать путь. По приказанию Рукина, отряд взобрался на уступ сажен в 50 вышиной и расположился на ночлег, укрывшись за большими камнями. Тут не было ни воды, ни продовольствия.

Перед рассветом с киргизской стороны, надо полагать, сам Иса стал кричать и вызывать к себе бывшего в отряде вожаком и скрывавшегося в эту ночь Кусу-

ма Мурзабаева. На крик вышел к Исе служащий при управлении переводчиком зауряд-хорунжий Бекметев. Он передал ему от имени Рукина, что Маяев убит, верблюды и лошади козачков брошены, и что Мурзабаев бежал. Если у киргизов есть убитые, говорил Бекметев, то и у козачков также есть убитые и раненые киргизами и просил от имени Рукина пропустить беспрепятственно отряд в форт. Иса отвечал, что он сам собой этого решить не может, а предварительно переговорит по этому поводу с народом, и с этими словами ушел в шайку. Через четверть часа он выслал двух лошадей за Рукиным и Логиновым и просил их приехать к нему для переговоров. При этом обещал выдать обратно лошадей и верблюдов и пропустить отряд в форт.

Приехавшие с лошадьми киргизы дали клятву, что нападать больше не будут. Они объявили также, что им хотелось единственно смерти Маяева, и так как они этого достигли, то враждовать с русскими более они не имеют причин.

Рукин принял предложение, пригласив с собой есаула Логинова, хорунжего Ливкина, переводчика Бекметева и урядника Макарова, и все вместе отправились к киргизам, сгруппировавшимся в полуверсте от отряда. По приезде их пригласили сесть на кошму и угощали чаем. Рукин спросил Ису, что заставило его восставать? Иса отвечал, что киргиз Давлет (вероятно, упомянутый выше Колдыбаев) предупредил его, что отряд идет с целью разграбить его аул и имущество. Рукин доказывал, что это неправда и чистая выдумка. Затем высказал те же доводы, какие были приведены Исе при начале переговоров Бекметевым, и повторил просьбу выдать обратно лошадей и верблюдов и пропустить отряд. Иса обещал исполнить эту просьбу, но с условием, чтобы отряд положил оружие, и прибавил, что требование это он заявляет единственно в тех видах, чтобы отнять у козачков возможность напасть на киргизов во время пути, и что после того, как козаки положат оружие, обезоружатся и киргизы. Рукин стал настаивать, чтобы киргизы обезоружились первые. Иса согласился. По рассказам козачков, через час после того, как Рукин, Логинов и прочие ушли к киргизам, пришел в отряд бывший вахмистром урядник Макаров с приказанием от полковника Рукина, чтобы все козаки шли туда же (к киргизам). Козаки ответили, что не доверяют адаевцам, видят с их стороны обман и не пошли. С этим ответом Макаров и отправился обратно. После этого с тем же приказанием явился в отряд хорунжий Ливкин, но получил тот же ответ. Наконец, приходит сам полковник Рукин, но ему удалось склонить к этому только половину отряда, другая же половина осталась на месте. Рукин приходит во второй раз, и просьбами, и угрозами заставил следовать за собой и этих последних. «Вы, между прочим, – говорил он им, – не исполнили моей просьбы, не хотите исполнить и приказания, так знайте же, что, по возвращении в форт, я донесу об этом начальству, и вы за упорство как бунтовщики будете разосланы по разным полкам. Мне моя собственная жизнь не дешевле вашей, если вы пропадете, так и я пропаду, а скорее всего мы вернемся в форт, возвративши лошадей и верблюдов, брошенных нами». Эти слова и поступки Рукина доказывали полное незнакомство его с теми, с кем довелось ему иметь дело.

В то время как шли в киргизскую шайку, козаки всеми мерами старались убедить Рукина не доверяться киргизам и просили позволения примкнуть к горе, чтобы в случае необходимости удобнее было защищаться. Рукин не дозволил, говоря, что это совершенно излишне, ибо-де мы в таком положении, без пищи и питья защищаться и долго держаться не можем.

Когда козаки пришли в киргизскую шайку, то Иса приказал дать им воды и сухарей. Потом, по его приказанию, киргизы побросали оружие и отъехали назад. Иса после этого обратился к Рукину и потребовал, чтобы он приказал козакам сделать то же. Тут снова начался спор. По показанию Бекметева, Рукин с Логиновым подошли в это время к козакам и начали уговаривать их сложить оружие. Козаки со слезами умоляли Рукина не делать этого и не верить киргизам; говорили, что лучше умереть с оружием в руках, чем дать перебить себя безоружных. Но Рукин настоял на своем, и оружие было сложено и покрыто кошмой, на которую сели три или четыре киргиза. Есаулу Логинову было приказано Рукиным оставаться при сложенном оружии. Затем Иса обратился к козакам и сказал им, чтобы они шли разбирать своих лошадей и имущество, брошенное ими накануне и подобранное адаевцами. Козаки поняли, что это делается единственно с намерением отвлечь их от оружия и не пошли.

Между тем, к этому времени около козачьего оружия набралась уже толпа безоружных киргизов, человек в 30, которые, чтобы не обратить внимания козаков, подходили по одному. Когда обман сделался ясным, козаки бросились к оружию, но были оттеснены этой толпою. Рукин в это время ходил сажень в 25 от козаков, держа правую руку в кармане, а Ливкин сидел на кошме. Первого схватили есаула Логинова, стоявшего у оружия. Затем Иса крикнул: «Алла» и тем подал сигнал к нападению. Сначала бросились на козаков безоружные киргизы, но потом выскочили сидевшие неподалеку в засаде и присоединились к ним более 100 человек вооруженных. Рукин и Ливкин в этот момент перебежали к козакам. Первый, по словам очевидцев, со словами, что мертвое тело ничего не увидит и не услышит, застрелился из револьвера. В глазах козаков киргизы бросились на труп Рукина и раздели его. Что было далее, о том участвовавшие в этой несчастной катастрофе не могут сообщить обстоятельных сведений. Началась общая свалка, козаки перемешались с киргизами, и каждый знает только то, что было с ним самим, и не может сказать, что было с его товарищами. Достоверно одно только, что те, которые сопротивлялись (как, например, козак Соболев), убиты, остальных киргизы перевязали и как добычу поделили между собой.

Так окончилось это дело, правдивый рассказ о котором не может не возбуждать глубоко грустных чувств.

Выше было замечено, что в ночь с 23-го на 24-е полковником Рукиным был послан к воинскому начальнику форта киргиз с известием, что отряд окружен и с просьбой прислать еще 20 козаков, одно орудие и комплект патронов. Киргиз этот 24-го числа, часов в 5 вечера, прибыл в форт. Воинский начальник по письму Рукина немедленно командировал 20 козаков при уряднике и трехфунтовый единорог с одним фейерверкером и пятью канонирами под командой есаула Колесникова. Часов в 11 ночи отряд этот выступил из форта, имея проводниками муллу из татар Бердикежа и сына зауряд-хорунжего Маяева.

Отряд спешил, насколько позволяла местность и силы лошадей, бывших под орудием и козаками, и только в 6 часов утра остановился часа на 1½ на урочище Хан-Аба, верстах в 30 от форта. На втором переходе лошади уже до того изнурились, что едва шли, и на смену усталых были взяты из лежавшего на пути аула Маяева одна лошадь и один верблюд.

25-го числа прошли верст 40 и остановились на урочище Уйра. В это время приехал в отряд киргиз адаевского рода Давлет и передал, что полковник Рукин с отрядом взят в плен, зауряд-хорунжий Маяев убит, что все козаки разделены между киргизами и что местности, где был Рукин, отряд не найдет, и советовал отряду вернуться назад. Но есаул Колесников не дал этому вероятия и пошел вперед. После этого начали встречаться вооруженные киргизы и, несмотря на то, что от этих встречных приходилось уже не раз слышать ту же нерадостную весть, отряд все-таки продолжал идти вперед.

Подходя к урочищу Уири-жел (вблизи Сары-Таш), отряд должен был спуститься с такой крутизны, что везти орудие на лошадях было невозможно, и оно было спущено на руках. Отойдя с полверсты от этого места, отряд встретил киргиза, сопровождавшего тело убитого зауряд-хорунжего Маяева. Киргиз этот еще раз рассказал, что все кончено, и что на месте, где был отряд Рукина, русских никого нет. Вожак, бывший при отряде (мулла), поговоривши о чем-то с этим киргизом, отказался вести отряд далее. Сын Маяева, увидевши труп своего отца, совершенно растерялся и объявил, что он не знает, где теперь находится отряд полковника Рукина, и просил есаула Колесникова отпустить его в аул. Без вожакон Колесников, решительно не зная местности, если бы и пошел вперед, то едва ли бы напал на след отряда Рукина.

В заливе Сары-Таш, неподалеку от которого взят был отряд Рукина, в это время находились лодки рыбопромышленников, производивших тут рыболовство. Как всегда, так и на этот раз, рабочими у них были преимущественно киргизы. Как только до рабочих на судах донеслась весть об участи, постигшей Рукина и его отряд, они перерезали хозяев и завладели их лодками. Затем разбежались все киргизы, бывшие в работниках у рыбопромышленников и торговцев при форте. Нужно было опасаться, что киргизы, захвативши лодки, прервут сообщение форта с морем и тем поставят его и его гарнизон в крайне стеснительное положение. В это время коменданту уже было известно, что киргизы намерены в больших силах напасть на самый форт. По первым сведениям, они намеревались прежде начатия осады набрать возможно большее количество скота, чтобы продовольствоваться им во время осады, и продолжительной осадой надеялись принудить гарнизон к сдаче.

Ввиду этих обстоятельств положение форта нельзя было считать вполне безопасным: гарнизон его, прежде довольно значительный, по ходатайству бывшего оренбургского генерал-губернатора Безака, единственно в экономических соображениях, был доведен до ничтожной цифры и в данное время состоял всего из двух сотен пеших козаков (включая сюда и выбывших с Рукиным) и 20 артиллеристов. В оборонительном отношении укрепления форта представляют также некоторые недостатки и неудобства. Поэтому начальством Уральской области немедленно приняты были все возможные меры к обеспечению форта и вообще нашего положения на Мангышлаке.

По получении первых сведений о тамошнем положении дел, было предпринято ходатайство о посылке подкреплений с Кавказа и о предоставлении в распоряжение областного начальства парохода для поддержания быстрых и постоянных сношений с фортом и для прекращения морских грабежей и разбоев, ожидавшихся со стороны киргизов. В случае, если бы посылка войск с Кавказа оказалась почему-либо неудобной или невозможной, предположено было послать отряд из Уральской области, какой представится возможность собрать.

В предупреждение, чтобы волнение не распространилось и на киргизов Гурьевского уезда, предположено было назначить в распоряжение уездного начальника два орудия, сотню козаков и одну роту стрелков.

До 3 апреля адаевцы сосредотачивались на балке при пресных колодцах, верстах в 6 от форта, и ограничивались тем, что разъезжали по окрестным горам мелкими партиями.

В 9 часов утра этого дня они показались на горах с восточной стороны форта. Когда они приблизились на пушечный выстрел, в них брошено было несколько гранат, после чего скопище отхлынуло от форта и ринулось на Николаевскую станцию, лежащую в четырех верстах от крепости. Большая часть поселенцев успела укрыться на лодках; все же, не успевшие уйти, были захвачены или перебиты; станция разграблена и сожжена. В это время разрушены два дорого стоявшие маяка: нижний (входной) Тюк-Караганский и верхний, отстоявший на 12 верст от форта.

4 и 5 апреля киргизы продолжали грабить и жечь поселение и, кроме этого, разграбили нагруженные товаром армянские лодки, которые не могли уйти в море по неимению лоцманов, обязанности коих прежде обыкновенно исполняли киргизы, теперь разбежавшиеся или ушедшие в шайки. Самые лодки были сожжены, потому что снасти на них были испорчены и киргизы не могли употребить их в дело. Одна из них, впрочем, была киргизами исправлена и 5-го числа киргизы вышли на этой лодке из бухты. Невдалеке стояла казенная почтовая лодка с шестью козаками, не могшая отправиться за противными ветрами. Козаки перебрались на подъездную лодку и на веслах уплыли к поселенским лодкам, стоявшим в море, а казенная лодка осталась, таким образом, киргизам.

6-го числа, около 4 часов пополудни, на горах около форта снова показались толпы киргизов, начавшие спускаться к форту. Со 2-го, 3-го, 4-го и 5-го бастионов по киргизам был открыт сильный огонь ядрами и гранатами, а козачья сотня № 1 встретила их огнем из нарезных ружей. Киргизы, стоявшие на горах вне выстрелов, видя, что с этой стороны подойти к форту невозможно, бросились было к бывшему флагштоку с намерением занять его, но комендант форта немедленно отрядил 20 козаков и урядника, которым удалось предупредить киргизов и занять этот важный пункт прежде их. Подскакавших потом киргизов козаки встретили частыми ружейными выстрелами и с уроном заставили отступить к горам. Пальба из крепости в этот день не прекращалась до самого заката солнца. Выстрелы, по показанию очевидцев, не совершенно пропадали даром и в горах видны были убитые киргизские лошади. Гарнизон форта во всю эту ночь был на стенах.

7 апреля адаевцы ничего не предпринимали против форта, и день этот был употреблен гарнизоном на усиление оборонительных средств крепости: на быв-

ший флагшток, к внутренним воротам, в нижнее укрепление и на 8-й бастион для усиления огня против оренбургских ворот было поставлено по одному трехфунтовому орудю.

Киргизским скопищем, как оказалось, предводительствовал тот же Иса Тюленбаев. В этот же день, часов в 11, с письмом от него к коменданту явился киргиз Курджан, посланный за несколько дней перед тем майором Зелениным [41] с письмами к трем влиятельным киргизам. В письмах этих Зеленин убеждал их употребить свое влияние и вразумить бунтовщиков; советовал им отделиться от них и в доказательство своих добрых намерений приехать к нему в форт. Посланный этот был схвачен, доставлен к Исе, письма от него отобраны и, таким образом, не дошли по адресу.

Иса в своем письме к коменданту требовал выдачи возвратившегося из отряда Рукина не раз упомянутого уже выше Кусума Мурзабаева и добровольно оставшегося в форте со всем семейством Коппая, а также и подателя письма. Со своей стороны Иса обещал возвратить наших пленных и прибавил, что ответа он будет ждать только сутки.

Нужно было слишком быть доверчивым, чтобы поверить обещаниям Исы. Ясно было, что он желает только выманить из форта нужных ему киргизов, которые, оставаясь в форте, были как бы заложниками. Майор Зеленин ответил, что он отпустит киргизов в таком только случае, если Иса вышлет прежде наших пленных. Иса в своем ответе на это письмо уже не упоминает о пленных, а требует выдачи киргизов, а для ответа назначил уже только двухчасовой срок. Майором Зелениным был послан ему приличный ответ, и посланный больше не возвращался. Этим кончились переговоры.

Между тем, киргизы, которые были посылаемы к Исе, рассказывали, что шайка состоит более чем из тысячи человек и что киргизы намереваются с двух сторон напасть на армянский базар, разграбить его и сжечь. Передавали также, что будто бы киргизы в убеждении, что после всех совершенных ими злодейств они не могут уже рассчитывать на прощение, как бы по пословице «семь бед – один ответ», решили умереть или взять форт.

По получении этих сведений все внимание гарнизона было обращено на защиту армянских домов и казенных складов (овса, сена и дров), бывших в нижнем укреплении. Ночь была с вечера очень темная и можно было опасаться, что киргизы могут подойти незамеченными. Гарнизон форта был так малочислен, что нельзя было предпринять в этом случае серьезные вылазки и надеяться на успех, а потому оставалось защищать нижнее укрепление лишь артиллерийским и ружейным огнем. Угрожавшая опасность и малочисленность гарнизона вынудили коменданта вооружить рабочую и лазаретную команды и дать в руки оружие всем, кто только мог владеть им: вооружены были писари, метеорологисты, причетники и армяне. Кроме этого всему гарнизону были выданы солдатские ружья на тот случай, чтобы при приступе или в рукопашной схватке можно было действовать штыками.

Нападение было сделано со стороны сада. Киргизы, укрывавшиеся за горой, на которой была прежде батарея, вышли и быстро двинулись к воротам. После

сигнальных выстрелов с четырех бастионов крепости и с бывшего флагштока был открыт сильный артиллерийский огонь, а со стены, обращенной к базару, в то же время производилась ружейная стрельба.

Несмотря на все это, киргизы успели ворваться [на] улицы базара и начали ломать двери домов и лавок. После этого оставалось только открыть огонь картечью и гранатами по улицам и домам. Чтобы выстрелы были по возможности верны, для освещения обстреливаемой местности бросали брендскугели [42], которые, впрочем, приносили мало пользы, пускались даже конгревовы ракеты [43], но, невзирая на всю эту канонаду, киргизы продолжали грабить. Одновременно с этим было сделано нападение на форт с восточной стороны: киргизы залегли за камни и стреляли по форту из винтовок; пули их падали по всему форту, но ни убитых, ни раненых не было.

В 12 часу показалась луна, стрелять можно было вернее, вследствие этого грабеж несколько утих и киргизы начали разбегаться в разные стороны. В 5 часов утра грабеж совершенно прекратился, киргизы удалились и зажгли только один дом и одну лавку.

Поутру оказалось, что первые от ворот дома и лавки были разграблены; все, что можно было унести, унесено, остальное же все перебито и переломано. Видна была кровь, но тел не осталось ни одного.

Смелое нападение киргизов на армянский базар в ночь с 7 на 8 апреля дало понять коменданту и гарнизону форта, что положение дел становится с часу на час более и более серьезным, нежели полагали прежде.

8-го числа в 10 часов утра был составлен из всех наличных офицеров и чиновников военный совет, с целью установить возможно полное единодушие в действиях и распоряжениях и чтобы не упустить из вида ни одного из средств, могущих служить усилению обороны форта. Между прочим, оказалось, что в прошедшую ночь растрчено было так много зарядов и патронов, что если бы продолжать тратить их в том же количестве, то всего запаса хватило бы не более как на неделю. В эту ночь было выпущено до 2000 ружейных патронов и более 25 зарядов на каждое орудие. Вследствие этого нижним чинам было строго воспрещено стрелять без приказа и положено было стрелять только в тех случаях, когда будет очевидно, что заряд не пропадет без пользы. Так как защитить базар, а равно и казенные склады овса, сена и дров, находившиеся в так называемом нижнем укреплении, оказалось невозможным, то и положено было защищать лишь самый форт*.

Почти весь день (8-го числа) гарнизоном был употреблен на усиление оборонительных средств крепости и на заготовление воды, сена, дров и т. п. Все, что можно было успеть взять из нижнего укрепления, было в этот день перенесено в форт. Главные ворота были завалены камнями, по бастионам и в других удоб-

* Перевезти склад дров и сена в форт, как требовалось инструкцией военного губернатора, оказалось невозможным по недостаточности перевозочных средств при гарнизоне, а равно и потому, что при значительности запасов сена и дров, ими пришлось бы совершенно стеснить внутреннее пространство форта.

ных местах было поставлено до 12 орудий, и вообще крепость была приведена в возможно лучшее состояние, по крайней мере, усилена настолько, насколько позволяли это ее запасы и силы гарнизона. Работы прекратились только под вечер, когда из балок вышла партия киргизов и направилась к форту с южной стороны. Киргизы имели с собой навьюченных верблюдов и расположились на высокой горе, верстах в $3\frac{1}{2}$ от форта, вероятно, с целью наблюдать за крепостью. Потом они показали в саду, зажгли построенный здесь дом священника и, вероятно, с тем же намерением подъехали к чигирям, но пущенные из $\frac{1}{4}$ -пудового единорога две гранаты заставили их оставить сад, и чигири, таким образом, были спасены.

8-го же числа в море против форта была замечена лодка. Комендант, предполагая, что лодка принадлежит киргизам, ввиду настоятельной необходимости известить, кого следует об опасном положении форта, решил во что бы то ни стало отбить ее. Но лодка оказалась принадлежащей купцу Франгулову и с ней были отправлены через Астрахань телеграммы командиру войсками Оренбургского военного округа и военному губернатору Уральской области.

Здесь у места будет сказать, что по получении первых сведений о неблагоприятном положении дел на Мангышлаке, военный губернатор области просил астраханского губернатора сообщить ему по телеграфу получаемые с Мангышлака сведения, и с тех пор между Астраханью, Оренбургом и Уральском завязались довольно оживленные сношения.

10 апреля была получена тревожная телеграмма от майора Зеленина, а 11-го из Оренбурга было получено известие, что 8-го числа командировано из Петровска¹ в форт Александровский две роты и два орудия и что начальником войск на Мангышлаке назначен граф Кутайсов [44].

Комендант при появлении парохода приказал поднять флаг, давая тем знать, что форт еще существует. На встречу парохода на берег было послано 10 верховых козаков; в это время коменданту не было еще известно, были ли на пароходе войска или нет. Когда первый транспорт солдат вышел на берег и пошел к форту, киргизы внимательно следили за ним, порывались даже напасть, но удержались. Затем в глазах киргизов вышли на берег и прошли в форт еще два транспорта. Прибытие свежих войск так подействовало на киргизов, что, проводивши глазами последний транспорт, они быстро отхлынули от форта и ускакали в горы.

10-го числа утром явился киргиз, посланный в последний раз комендантом с письмом к Исе. Из его рассказов было видно, что за прибытием парохода следил сам Иса. Сначала киргизы предполагали, что на пароходе прибыла сотня уральских козаков на смену другой, уже выслужившей срок. Когда же Иса увидел, что приехали, во-первых, не козаки, а, во-вторых, и гораздо больше, чем сотня, то сказал своим, что «теперь нападать больше нельзя», и киргизы в тот же день удалились в горы. Они, как рассказывал этот киргиз, намерены были 9-го числа окончательно сжечь нижнее укрепление и бывшие в нем запасы, а 10-го – напасть со всех сторон на самый форт.

¹ Ныне город Махачкала.

11 апреля был усмотрен в море другой пароход, на котором прибыл граф Кутайсов.

Во время бывших беспорядков торговцы из армян были почти совершенно разорены: бараны угнаты, лодки с товаром, рыбой и тюленем уничтожены, в домах уцелело очень и очень немного; поселенцы Николаевской станицы совершенно обнищали. В то время нельзя еще было определить, кто из них остался в живых и много ли погибло. С приходом парохода находили трупы мужчин и женщин, страшно изуродованные. Одним словом, опустошение, причиненное киргизами, было ужасное и на месте слободки остались почти одни закоптелые камни.

X

*Положение дел в степях Уральской и Тургайской областей летом 1870 г. – Поездка главного начальника края. – Действия отрядов подполковников Саранчева и Байкова. – Усмирение степи. – Последствия бунта для киргизов, среднеазиатской торговли и государства. – Отголоски общественного мнения по поводу событий, совершившихся в степи в 1869 и 1870 гг. – Комитеты 1871 г. – Заключение **

Для охранения спокойствия между киргизами Уральской области и для предупреждения вторжения сюда шаек возмущившихся на Мангышлаке адаевцев, с весны 1870 г. выслано было от Оренбургского округа несколько отрядов за Эмбу, в пространство, лежащее между Каспийским и Аральским морями.

Независимо от этих мер, главный начальник края признал необходимым произвести личный осмотр степей после мятежа 1869 г. С этой целью в мае месяце генерал-адъютант Крыжановский, под конвоем 100 козаков, выступил в степь, предполагая совершить поездку до Аральского моря, но неудобства степного похода и жаркое время дурно повлияли на здоровье генерал-губернатора и принудили его отказаться от мысли двинуться из Уральского укрепления к Аралу и заставили возвратиться в Оренбург. Впрочем, поездка главного начальника края не осталась без последствий: несколько аулов непокорных киргизов принесли чрез особую депутацию повинную и изъявили желание принять новое положение**.

Между тем, отряды, высланные в степь, в продолжение большей части лета, нигде не встретив мятежных шаек, спокойно занимались рекогносцировками малоизвестных степных пространств. Но в конце лета часть адаевцев, удалившихся после возмущения с Мангышлака, появилась на низовьях реки Эмбы и на северных окраинах Усть-Урта, и появление этих скопищ несколько встревожило администрацию. Правда, некоторые аулы адаевцев явились с изъявлением покорности, но большая часть оставалась в неопределенном положении, и потому отрядам было поручено вытеснить непокорные волости из пределов, занятых мирными киргизами.

* Официальные документы и дела главного управления краем; известия «Русского инвалида» и «Правительственного вестника» и корреспонденции других газет.

** На поездку генерал-губернатора отпущено было около 20 000 рублей.

В западной части степи, прилегающей к северо-восточному берегу Каспийского моря, действовал отряд подполковника Генерального штаба Саранчева (три роты и две сотни козаков при двух орудиях), которому и удалось после успешной стычки у озера Масше прогнать адаевцев с низовьем Эмбы. Вслед за этой стычкой в отряд были доставлены семь человек наших пленных: трое из команды, захваченной с полковником Рукиным при начале восстания (в числе их есаул Логинов), и четверо поселян из Александровского форта. Другими удачными поисками были разогнаны аулы, скрывавшиеся у морских берегов. Исполнив, таким образом, свое дело, отряд этот, разделившись на две части, возвратился в Гурьев-городок Уральской области и в Уильское укрепление.

Очистить от шаек северную окраину Усть-Уртской плоской возвышенности поручено было отряду подполковника Байкова (две роты пехоты, две сотни козаков и два конных орудия), стоявшему у самой окраины Усть-Урта при урочище Джебыске, близ реки Чеган. Поднявшись в конце июня на чинк Усть-Урта, отряд пришел к западной оконечности песков Асмантай-Матай, обследовал эти пески, перешел затем к пескам Сам и оттуда, чрез урочище Уч-Сай, возвратился на прежнюю свою стоянку на реке Чеган. Во время этого похода (занявшего 23 дня) неоднократно встречаемы были отрядом мелкие шайки адаевцев, аулы которых спешили скрыться так быстро, что побросали по пути значительную часть своего имущества. После четырех незначительных стычек все скопища были рассеяны.

По исполнении своего поручения, отряд подполковника Байкова предпринял обратное движение в Эмбенский пост. Отряд следовал двумя эшелонами: один, больший по численности, состоял под командой Байкова и шел вперед, другой, состоявший из тяжестей отряда под прикрытием 20 козаков, шел сзади. О шайках не было никаких слухов и киргизских маяков (пикетов) нигде не было видно, так что отряд мог рассчитывать возвратиться совершенно покойно. Но не так вышло в действительности: едва киргизы узнали об удалении сильного эшелона от транспорта, следовавшего сзади под ничтожным прикрытием, как вознамерились сделать на него нападение.

25 июля (на втором переходе) близ урочища Чагря передний патруль наш заметил киргизов, спускавшихся с чинка, число которых быстро возрастало. Фейерверкер Коржов, начальствовавший над транспортом, не теряя времени, приказал перевязать верблюдам ноги и составить из них каре. Едва козаки залегли за верблюдов, как киргизы, преимущественно в кольчугах, стали приближаться к фасам каре. Видя несомненную опасность, один из донских козаков* решился пробиться через ряды атакующих и проскакать с известием о нападении к пехотной роте, бывшей от транспорта в расстоянии большого перехода.

Между тем, киргизы, ободряемые малочисленностью прикрытия, завязали перестрелку. Вслед затем к внешнему нападению присоединилось внутреннее замешательство: все лошади рванулись из каре, выскочили в степь, а с ними выбежали и вожатые, которые и предались неприятелю. Измена эта чрезвычайно ободрила

* Прикрытие состояло из 14 донских, 3 оренбургских и 8 уральских казаков.

киргизов. Около 1000 человек с огнестрельным оружием стали подъезжать и стрелять с близкой дистанции, а вооруженные пиками образовали две колонны, человек в 200 каждая, и пошли в атаку. Козаки смело встретили неприятеля и, несмотря на полученные раны начальником транспорта и почти всеми находившимися в отряде (из которых пять тяжело ранено), геройски отбивали все натиски киргизов в течение четырех с половиной часов, пока показавшееся вдали подкрепление не обратило в бегство неприятеля.

Подкрепление состояло из взвода 1-й роты 18-го стрелкового батальона, который при одном орудии в течение 3½ часов сделал бегом 25 верст, чтобы выручить атакуемый транспорт.

Нападение на транспорт произведено было скопищем, состоявшим не только из киргизов, но и из хивинцев, под предводительством Азбергента, брата Исета Кутебарова, почему снова является сильное подозрение в непристойности поведения брата Кутебарова, который, конечно, своим влиянием мог, по меньшей мере, если не заставить и Азбергента покориться новому порядку вещей, то, во всяком случае, отказаться от набегов на отряд того правительства, которое удостоило Исета титулом помощника уездного начальника.

Для дальнейшего преследования и рассеяния этого скопища в первых числах августа направлен на Усть-Урт отряд генерал-майора Бизянова*.

* * *

Август 1870 г. не прошел спокойно и для степей Тургайского ведомства: здесь в Иргизском уезде (где Исет состоит помощником уездного начальника), верстах во 100 от Уральского укрепления (город Иргизск), шайка хищных киргизов разграбила 6 августа принадлежащий почетным гражданам [45] Дюковым и Весниным караван, следовавший в Оренбург с хлопком и бухарским товаром. При этом хищники отбили 77 верблюдов с шелковым и бумажным товаром, избили и изранили почти всех возчиков, бывших при караване, а одного из них убили. По показанию караванных возчиков, грабители принадлежали к киргизам разных родов, не принявших нового положения и бежавших в хивинские пределы, откуда они под предводительством есаула Урманова, других лиц и Азбергента мелкими шайками вторгаются в пределы области для грабежа, даже и в том уезде, где брат Азбергента служит помощником уездного начальника, и, как, вероятно, начальство полагает, не ведает, что брат его, Азберген, грабит в пределах его уезда русские караваны.

Независимо от сего, в том же августе месяце другой шайкой, как полагали тогда, под предводительством есаула Урманова при реке Каракамьсе угнано 400 лошадей.

Одновременно с этими набегами, в другом пункте Тургайской степи, а именно, к югу от Оренбургского укрепления (что ныне город Тургайск), злонамеренными ордынцами верстах в 15 между правым берегом Тургая и притоком Косогал-Карасу пущен напольный пожар, который при порывистом ветре быстро распространился по степи и кончился при страшных усилиях высланной команды только в 7 верстах от самого укрепления. Огонь напольного пожара, простираясь в длину на 7, а в ши-

* «Русский инвалид», 1870 г.

рину от 2 до 4 верст, уничтожил 10 зимовых стойбищ, сено, кизяк* и камышовые лиманы, причинив таким уничтожением весьма значительные убытки**.

Таким образом, лето 1870 г. не прошло спокойно и для Тургайской степи, в Уральской же области беспорядки, к которым теперь возвращаемся, продолжались до осени. Но, к общему удивлению, уже не киргизы бушевали, а произвел эти беспорядки русский отряд под командой подполковника Байкова, которому было поручено охранять спокойствие по реке Эмбе.

Об этих похождениях мы расскажем словами приказа, которыми Байков был предан суду за свое бесчинство. Вот что гласит приказ по Оренбургскому округу от 22 апреля 1871 г. за № 87:

«По следственному делу, произведенному о беспорядках и злоупотреблениях, допущенных в степи летом 1870 г. отрядом подполковника Байкова, оказались виновными: 1) подполковник Байков – а) в том, что имея предписание выступить в степь с отрядом между 15 и 20 сентября и следовать вниз по реке Эмбе до Кандаралы, где отряд должен был ограничиться наблюдением и охранением мирных киргизов, выступил восьмью днями прежде, и не по указанному пути, а на Уил и Сагиз, с целью нападения на кочевавших там киргизов без особых на то причин и вопреки того, что эмбенский уездный начальник майор Соколов сообщил ему, подполковнику Байкову, что в Эмбенском уезде непокорных киргизов нет, и что отряду следует идти на Кандаралы; б) в том, что, имея предписание содействовать означенному уездному начальнику в водворении порядка и спокойствия в степи, в определенной местности, соображаясь с указаниями последнего, подполковник Байков не исполнил этого, заподозрив уездного начальника в противодействии правительству из личных своих видов, основывая вывод этот только на своих предположениях, ничем не подтвердившихся; в) в том, что имея инструкцию, чтобы содействуя отрядом своим мирному и спокойному перекочеванию киргизов, не прибегать к карательным мерам и употребить оружие только тогда, когда отряд будет вызван на это неисполнением адаевцами требований правительства, подполковник Байков позволил вооруженное нападение отряда на киргизов, правительству не сопротивлявшихся, с разграблением нескольких аулов и убийством 60 киргизов***, а ограбленным имуществом распоряжался по своему произволу; д) в допущении бывшего при отряде вожаком киргиза Ирманова к похищению из одного разоренного отрядом аула киргизской девушки, задержании ее при отряде несколько дней и изнасиловании, отчего она потом умерла****; и е) получив предписание мое о сдаче отряда уездному начальнику, не

* Кизяк употребляется не только в степи, где нет леса, но и в Оренбурге, по дороговизне дров, как топливо.

** «Правительственный вестник», 1870 г.

*** Предание говорит, что эти несчастные 60 киргизов были убиты в упор выстрелами из ружей в то время, когда в доказательство своей покорности показывали квитанции во взносе податей по новому положению. Кроме этих жертв, один киргиз был засечен насмерть козацкими нагайками.

**** Говорят, что начальник отряда первый показал пример насилия над несчастной девушкой и затем над ней потешался чуть не весь отряд; понятно, что от такого насилия девушка умерла.

только что не исполнил этого немедленно, но нанес словами, в присутствии воинских чинов отряда, оскорбление доставившему от меня (генерал-адъютанта Крыжановского) помянутое распоряжение помощнику атамана 1-го отдела Оренбургского козачьего войска подполковнику Новокрещенову и прибывшему с сим последним уездному начальнику майору Соколову, которых, выгоняя вон из отряда, угрожал выбросить за каре, а потом приказал козакам разломать джюламейку, в которой они помещались, и вытащить их из оной, что козаками частью было выполнено...» *

Этим оканчивает приказ свою повесть о деяниях Байкова [46] и переходит к каранию других соучастников в этом безобразном деле. Так, приказ отдает под суд отрядного адъютанта за то, что он, увлекаясь, вероятно, примером старшего, скрыл или, другими словами, скрал (последнее понятие будет точнее) 6 верблюдов и 2 лошадей из разоренных аулов и продал их за 195 рублей «с обращением (говоря словами приказа) этих денег в свою пользу».

* * *

С концом 1870 г. можно считать, что движение киргизского народа было подавлено; правда, летом 1871 г. бывали случаи грабежей и нападений, но уже они носили характер простого вида грабительства и не имели политического оттенка.

Нельзя, однако ж, отрицать тех фактов, что скорому подавлению мятежа много способствовали следующие весьма важные обстоятельства: между самозванными ханами, т. е. лицами, стоявшими во главе восстания, не явилось такого человека, который бы, руководя мятежниками, обладал политической изворотливостью и военным организаторским талантом, соединяя притом эти качества с неутомимой энергией, как некогда киргизский хан Кенисара Касимов **.

Это с одной стороны; а с другой – удачный выбор уездных начальников в Николаевский и Тургайский уезды Тургайской области, А. Е. Сипайлова [47] и полковника Яковлева [48], был очевидной причиной того, что названные уезды не примкнули к восстанию и тем в значительной степени облегчили администрации подавление возмущения. Как А. Е. Сипайлов, так и полковник Яковлев, а в особенности первый из них, отлично понимая дело и дух киргизского народа, сумели повести дело таким образом, что их уезды сразу спокойно подчинились реформе. И это произошло не потому только, чтобы названные лица хорошо знали степь и ее население, но и потому, что, опираясь на свое знание дела, они не брезгали советами лиц, близко знакомых со степью. Так, николаевский уездный начальник А. Е. Сипайлов, по совету купца Пупышева (старого знатока степи), не только не устранил влиятельных ордынцев султанского происхождения от введения положения, но польстил их самолюбию, пригласив их к содействию себе и успокаивая, что, вероятно, народ выберет их в свои волостные управители и аульные старшины. Но на деле вышло не так, и влиятельные лица были забракованы народом, не имея притом причин претендовать

* Приказ смягчает, казаки уральцы не почти, а в точности исполнили приказания Байкова и вытащили майора Соколова и подполковника Новокрещенова чуть-чуть не за шиворот.

** См. «Вестник Европы», август и сентябрь 1870 г. и август 1871 г.

на администрацию. А умное, гуманное и во всех отношениях честное и бескорыстное управление уездом А. Е. Сипайлова создало ему заслуженную им вполне популярность и навсегда помирило николаевских киргизов с русским управлением, не имеющим ничего общего с хищничеством и произвольным характером управления в султанские времена.

Теперь, покончив с киргизским мятежом в 1869 и 1870 г., мы позволяем себе остановить внимание читателей на том, какими последствиями отразилось последнее киргизское возмущение на экономическом быте киргизского народа, на нашей среднеазиатской торговле и вообще на Оренбургском крае и, наконец, для самого государства.

Киргизская степь до мятежа 1869 г. отличалась громадным развитием скотоводства, представляя все удобства к развитию этой отрасли промышленности, будучи главным рынком торговли скотом, лошадьми и баранами; в то же время степь производила в весьма почтенных размерах сырье, которое шло отсюда во внутрь империи. Кроме того, обилие в степи перевозочных средств также было при постоянных транспортах, частных и казенных, следовавших в Среднюю Азию и Туркестан, одним из рычагов поднятия народного благосостояния степных обитателей. Круговой оборот Киргизской степи, разумея в том числе оборотный капитал и владение скотом разного рода, в котором заключалось главное богатство степи, можно смело определить цифрой от 4 до 6 миллионов рублей серебром, от которых в данное время едва ли осталась и четвертая часть...

Стоит только припомнить донесения отрядных начальников, действовавших в степи в 1869 и 1870 гг., чтобы не оспаривать высказанного нами положения. Из донесений этих в большинстве случаев оказывалось, что «отряд хищников не настиг, но зато отбил громадное количество скота, лошадей и верблюдов, или: не успев настигнуть хищников, отряд забрал очень много скота, лошадей, баранов и верблюдов; или: мятежническая партия скрылась, но зато отрядом захвачен весь скот, лошади, бараны и другое имущество, брошенное киргизами, чтобы поспешным бегством спастись от преследований» и т. д.

Наши отряды, разоряя аулы и забирая скот, били, так сказать, в самую артерию народного богатства, которое поэтому естественно должно было истощиться. Так, например, отрядом полковника графа Комаровского было разорено до 1000 кибиток и захвачено множество всякого скота, в том числе 1200 верблюдов. Не говоря уже о другом имуществе, оценим только потерю киргизов по самой умеренной цене, которую понесли разбитые аулы захватом одних верблюдов; каждый верблюд, по самой умеренной цене, стоил его хозяину 40 рублей; помножим 1200 на 40 и получим весьма почтенную цифру в 48 000 рублей, да к этой цифре следует еще прибавить, что каждый верблюд мог заработать отвозом частных и казенных тяжестей в Среднюю Азию и обратно тоже от 40 до 60 рублей в год, не требуя от хозяина дорогого содержания (так как верблюд питается колючкой), что составит тоже от 48 000 до 72 000 рублей, каковую цифру сложивши с первой, получим до 120 000 рублей.

Следует заметить, что в степи действовало в оба лета до 15 отрядов, которые, усмиряя киргизов, забирали принадлежащий им скот и имущество. Как же неизводительно тратилось забранное имущество, заключавшееся преимущественно в отбитом скоте, можно видеть из следующего примера. Полковник Комаровский,

отбив, как замечено выше, до 1200 верблюдов на сумму в 48 000 рублей, вследствие опасности поручить уход за верблюдами киргизам, привел на линию жалкие остатки отбитых верблюдов, продажа которых на линии не выручила и 1000 рублей, вместо 48 000 действительной их стоимости. А какое несметное количество погибло в эти два года баранов, рогатого скота, который не могли же употребить в пищу действующие в степи отряды, поневоле бросавшие, за невозможностью сохранить летом, значительное число скота, заколотого для дневного продовольствия войск!

Кроме этого, и сами киргизы погубили много скота, спасаясь от наших отрядов в безводные и бескормные места степи, где скот их падал от голода и жажды, помимо всяких других причин, как, например, болезней, развивавшихся отчасти и от значительного скопления скота в одном месте, и от прогона через труднопроходимые местности усиленными ходами. А напольными пожарами, пускавшимися, чтобы остановить преследование наших отрядов, сколько было истреблено зимовок, сена, камыша, кизяка и других предметов первой необходимости!

Киргизское разорение неблагоприятно отразилось и на капиталах оренбургского купечества, ведшего дела со степью: так, например, фирма В. Ф. Лебедева понесла убытков от неуплаты долгов киргизами, по слухам, до 130 000 рублей, и это не один пример, в свою очередь неблагоприятно повлиявший на дела московского купечества, имеющего расчет с нашим купечеством.

И все эти печальные последствия исходили от одной причины: излишней самоуверенности нашей администрации, которая не хотела внять благоразумным советам даже правительственных лиц, знакомых со степью. Так, член Государственного совета тайный советник Левшин, автор известного описания киргизских орд, в особой записке, поданной им в Государственный совет, старался убедить, что выработанный при участии оренбургской администрации проект нового положения не применим к оренбургским киргизам по той причине, что ордынцы эти резко отличаются от сибирских своеволием, необузданностью, дерзостью и дикостью нрава, тогда как западно-сибирские киргизы, напротив, отличались кротким характером, мягким нравом и покорностью властям. «Эти природные их качества, – писал о сибирских киргизах г-н Левшин, – усилились от того, что они с 1822 г. пользовались устройством, весьма метко и благоразумно придуманном для них графом Сперанским, оно поспешно подвигало их к образованию на европейский лад» и т. д. Мы не станем приводить здесь всей записки почтенного ученого, но позволяем себе привести заключительные слова этой записки: «Не смею утруждать внимания Государственного совета, – говорит г-н Левшин, – дальнейшим изложением подробностей дела, но в заключение повторяю главную мысль мою, заключающуюся в том, что нельзя ввести одинакового управления у киргизов сибирских и оренбургских, и что если представленный нами проект положения возможен для первых, то он решительно не применим к последним, и что вообще вопрос этот должен быть подвергнут дальнейшей разработке».

* * *

Чтобы картина описываемых нами событий вышла из-под нашего пера вполне законченной, нам необходимо сказать несколько слов о том, как отнеслось к этим событиям оренбургское общество. Такой очерк, по нашему мнению, необходимо

для исторической характеристики общественной провинциальной мысли в известную эпоху.

Из предыдущих глав читатели видели, что реформа степного быта и управления киргизами сильно занимала общественное мнение, что едва слух о готовящемся преобразовании достиг общественного уха и самой степи, как уже общество не только заговорило, но даже стали появляться и статьи в различных газетах, подававшие администрации те или другие благие советы, в предупреждение возможных недоразумений, при практическом решении вопроса о переустройстве быта полудикого народа на новый лад.

Холодный прием, оказанный администрацией этому непрошенному, по мнению ее, вторжению общества в административную деятельность, не охладил того жара, с которым с самого начала следило общество за ходом степных дел, продолжая и до сих пор принимать самое деятельное, самое живое и теплое участие в киргизском вопросе...

Когда восстание было подавлено, степь успокоилась, улеглось и то напряженное внимание, с которым общество следило за ходом последних событий, – настало для него время сказать свое беспристрастное слово и о причинах, вызвавших эти события на свет божий.

Громко и втихомолку высказывались различные мнения в различных сферах и кружках оренбургского общества, но замечательным во всех этих толках и разговорах было то обстоятельство, что все слои общества, совершенно чуждые друг другу по уму, складу убеждений, мировоззрению и служебно-общественному положению, отнеслись с одинаковым осуждением к тем ошибочным мерам, которые вызвали последние беспорядки, предшествуя и сопровождая реформу. Появились карикатуры, стихотворения, басни, в которых осмеивались неумелость и злоупотребления администрации.

Те, что с самого начала предрекали администрации большие затруднения, если ею не будут приняты заблаговременно меры к рассеянию превратных толков, ходивших о реформе в орде, уязвленные теперь невниманием и даже озлоблением начальства и из чувства человеколюбия во все время мятежа бичевали администрацию в печати за каждый ее малейший промах, как это делал неизвестный автор корреспонденций, появившихся в «Современных известиях».

Некоторые же утверждали, что вся каша заварилась оттого, что во главе проводников новой реформы стояли люди военные, воспитанные в убеждении, что только одна скорость и неожиданность мер обуславливают успех всякого дела. Нет сомнения, говорили эти лица, что в военном деле неожиданность появления, например, во фланге победоносно наступающей армии одного неприятельского корпуса может произвести такое ошеломляющее впечатление, что победоносная армия не только остановит свое наступательное движение, но даже станет отступать. Но зато в гражданском мире всякая неожиданность мер по поводу такой реформы, о которой народ был в неведении или имел, как в данном случае, самые превратные понятия, хотя и производит ошеломляющее впечатление, но тотчас же возбуждает у народа желание оказать посильное сопротивление этой неожиданности.

Лично наше мнение мы высказали во II главе настоящего исследования.

В декабре 1871 г. в Оренбурге шла деятельная работа по пересмотру положения о киргизах, которому истек двухгодичный опытный срок. По этому поводу сюда приезжали начальник Уральской области и его вице-губернатор, принимавшие деятельное участие в работах тех комитетов, что специально были заняты киргизскими делами. Мы надеялись, что эти комитеты, наученные опытом прошедшего, поведут свое дело с большим тщанием и осмотрительностью, чем те, что действовали до введения положения в конце 1868 г.

В особенности мы от души желали успеха двум комитетам. Одному, что должен был решить, как лучше провести в жизнь в теории разрешенный вопрос об отдале уральцам Между-Узенского участка, неловкое разрешение которого на практике могло вызвать серьезные затруднения во Внутренней орде, так как 20 000 душ должны будут оставить этот участок, не зная, куда преклонить голову. Поэтому задача, предлежавшая комитету, была сложна, и он заслужил бы полную признательность не только современников, но и потомства, если бы сумел, разрешая этот трудный вопрос, обойтись без крови, разорения и военной силы*.

Другому принадлежало решить участь 400 человек киргизов, осужденных за участие в бунте, мы желали ему быть как можно человеколюбивее и снисходительнее к жертвам невольных ошибок и заблуждений.

По нашему убеждению, не мерами строгости можно достигнуть сплочения инородцев в одно тело с русскими, а милостью и равноправностью первых с последними; до тех же пор, пока одна народность будет жить на счет других, угнетаемые к этой первой будут питать одни лишь чувства зависти, озлобления и желания возмездия.

Николай Серeda

Русская мысль. Ежемесячное литературно-политическое издание. 1891. Кн. 7. С. 32–44; Кн. 8. С. 18–38; Кн. 9. С. 66–90; 1892. Кн. 8. С. 1–31.

Комментарии

1. **Статс-секретарь** – в Российской империи первоначально личный секретарь (докладчик) императора; позднее почетное звание высших сановников, дававшее право личного доклада императору и объявления его словесных повелений.

2. **Бутков Владимир Петрович** (1813–1881) – действительный тайный советник (1867), почетный член Петербургской Академии наук (1863), статс-секретарь (1851), государственный секретарь (1853–1865), член Государственного совета, Комитета министров (1865). В 1843–1881 гг. – управляющий делами и член (с 1851) Кавказского комитета. С 1846 г. – член Комитета для рассмотрения Свода мусульманских постановлений. В 1850–1853 гг. – управляющий делами Комитета министров, в 1852–1864/1865 гг. – Сибирского комитета (с 1858 г. одновременно его член). Пользовался доверием императора Александра II, участвовал в разра-

* Кровопролития не произошло, но присуждением Между-Узенского участка уральцам нанесли ущерб киргизам.

ботке и реализации реформ 1860–1870-х гг. [Русский биографический словарь: Издан под наблюдением председателя Императорского Русского исторического общества А. А. Половцова. В 25 т. Т. 3. Бетанкур – Бякстер. СПб., 1908. С. 522–524].

3. Сибирский комитет – высший административный и законосовещательный орган Российской империи по делам Сибири. Два срока его существования в исторической литературе именуется как 1-й Сибирский комитет (1821–1838) и 2-й Сибирский комитет (1852–1864).

1-й Сибирский комитет был образован в 1821 г. для рассмотрения отчета сибирского генерал-губернатора графа М. М. Сперанского. В этом комитете было рассмотрено новое устройство всех частей управления Сибирью, выработанное М. М. Сперанским и высочайше утвержденное 22 июля 1822 г. Одновременно продолжено было и существование самого комитета, получившего название Сибирского, но лишь на время, пока не будет закончено переустройство Сибири. Фактически Сибирский комитет сделался специальным органом для рассмотрения законопроектов, касающихся Сибири. Все вопросы сибирские генерал-губернаторы должны были решать непосредственно с комитетом, но при этом сохранялся общий порядок отношений с министерствами. Комитет осуществлял координационные функции при определении правительственной политики в Сибири, ускорял рассмотрение сибирских проблем и частично объединял действия ведомств и сибирских генерал-губернаторов. Сибирский комитет собирался нерегулярно, по мере накопления дел. Его решения поступали на утверждение к царю, минуя другие инстанции, и после этого принимали силу закона. 9 января 1838 1-й Сибирский комитет был упразднен, а его функции распределены между Государственным советом и Комитетом министров.

Непосредственным поводом к созданию 2-го Сибирского комитета и проекта его программы стали результаты ревизии Западной Сибири, проведенной в 1851 г. генерал-адъютантом Н. Н. Анненковым. В состав комитета вошли министры императорского двора и уделов, военных, внутренних дел, юстиции, финансов, иностранных дел, главноуправляющие II и III отделениями Собственной его императорского величества канцелярии, председатель департамента государственной экономии Государственного совета. Председателем 2-го Сибирского комитета стал А. И. Чернышев, а 5 апреля 1856 г. его сменил граф А. Ф. Орлов. Делопроизводство поручалось канцелярии Кавказского комитета (руководитель В. П. Бутков). Влияние Буткова на решение дел возросло после смерти графа Орлова (1861), когда должность председателя стала вакантной, а заседания вел старший из присутствовавших. Компетенция 2-го Сибирского комитета охватывала всю Сибирь до Тихого океана, Русскую Америку, Приамурский и Степной край, Оренбургское генерал-губернаторство и даже некоторые сопредельные страны. В Сибирском комитете сосредоточивалась вся информация о Сибири, сюда поступали официальные отчеты с мест; министерствам вменялось в обязанность предоставлять Сибирскому комитету копии царских повелений по сибирским делам; на него возлагалась цензура всех изданий с упоминанием Сибири и так далее. Чтобы Сибирский комитет мог контролировать прохождение дел, касающихся Сибири, в

июле 1854 г. Николай I повелел сибирским генерал-губернатором ежеквартально представлять сведения о еще не решенных вопросах в министерствах. 31 декабря 1864 г. 2-й Сибирский комитет был присоединен к Комитету министров, а его делопроизводство в канцелярии Комитета министров до 1883 г. сохраняло некоторую обособленность [Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917 гг.: В 4 т. Т. 1. Высшие государственные учреждения. СПб., 2000. С. 72–73].

4. **Безак Александр Павлович** (1800–1868) – генерал-адъютант (1849), генерал от артиллерии (1859), член Государственного совета (1863), командующий отдельным Оренбургским корпусом и оренбургский и самарский генерал-губернатор (1860–1865), командующий войсками Киевского военного округа и генерал-губернатор киевский, подольский и волынский (1865–1868). Учился в пансионе при Царскосельском лицее вместе с А. С. Пушкиным. Участник русско-турецкой войны 1828–1829 гг., подавления польского восстания 1830–1831 гг., Крымской войны 1853–1856 гг. [Русский биографический словарь: Издан под наблюдением председателя Императорского Русского исторического общества А. А. Половцова. В 25 т. Т. 2. Алексинский – Бестужев-Рюмин. СПб., 1900. С. 630–632; Семенов В. Г., Семенова В. П. Губернаторы Оренбургского края. Оренбург, 2014. С. 279–292].

5. **Гирс Федор Карлович** (1824–1891) – действительный тайный советник (1880), брат министра иностранных дел Н. К. Гирса. Получил образование в Училище правоведения, по окончании которого поступил на службу в 5-й департамент (по уголовным делам) Сената, откуда через 3 года перешел в Министерство юстиции и занимал посты председателя Симбирской палаты гражданского суда, псковского губернского прокурора, исполняющего дела юрисконсульта министерства (1857) и председателя Минской уголовной палаты. С 1857 г. был правителем канцелярии новороссийского генерал-губернатора; в 1863 г. назначен членом Совета министра внутренних дел. Был командирован в Тульскую и Калужскую губернии для собирания сведений по делам городского хозяйства и о влиянии крестьянской реформы на сельское хозяйство, а затем наблюдал в Нижегородской, Казанской, Симбирской, Самарской и Саратовской губерниях за передачей запасных магазинов, находящихся в помещичьих имениях, в распоряжение крестьянского общества. В 1865 г. назначен председателем комиссии для изучения быта и обычаев казахов, на которых должно быть устроено управление степями; выработанные комиссией предложения послужили основанием для Положения об управлении Туркестанским краем и степными областями. В 1882 г. ревизовал Туркестан; результатом ревизии было преобразование управления Туркестанским краем.

В 1888 г. был командирован на Кавказ для урегулирования отношений между светскими властями и армянским духовенством по надзору за народным образованием. На Кавказе Гирс заболел «персидской» болотной лихорадкой, и с тех пор здоровье его пошатнулось.

В 1888 г. по возвращении в Петербург был назначен президентом Евангелическо-лютерантской консистории [Русский биографический словарь: Издан под наблюдением председателя Императорского Русского исторического общества А. А. Половцова. В 25 т. Т. 5. Герберский – Гогенлоэ. СПб., 1916. С. 238].

6. **Баллюзек Лев Федорович (Louis Heinrich von Balluseck)** (1822–19.04.1879) – из прусских подданных, присягнувших на подданство России; лютеранского вероисповедания, генерал-лейтенант (1877), артиллерист, специалист по ракетам. Окончил Михайловское артиллерийское училище (1843). Участник подавления Венгерской революции 1849 г., Кавказской войны в 1852 г., Крымской войны на Дунае и обороны Севастополя 1853–1856 гг. Дважды посетил Китай и Японию в составе дипломатических миссий вице-адмирала графа Е. В. Путятина 1857–1858 гг. и генерал-майора графа Н. П. Игнатьева 1859–1860 гг. В 1861–1863 гг. – министр-резидент при Пекинском дворе, первый постоянный дипломатический представитель России в Китае (до этого роль постоянного представительства выполняла Русская духовная миссия в Пекине). Его именем названы полуостров и мыс в заливе Владимира Японского моря (Ольгинский район РФ). В 1865 г. назначен управляющим Областью оренбургских казахов, в 1869–1877 гг. – военный губернатор Тургайской области. В январе 1868 г. стал первым председателем Оренбургского отдела Русского географического общества. Автор работы «Народные обычаи, имевшие, а отчасти и ныне имеющие, в Малой киргизской орде силу закона» (Записки Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества. Вып. II. Казань, 1871). Жена Анна Александровна Лизогуб, дочери Александра (род. 26.05.1864), Софья (род. 16.06.1865), Мария (род. 1867) и Вера (род. август 1870) [Русский биографический словарь: Издан под наблюдением председателя Императорского Русского исторического общества А. А. Половцова. В 25 т. Т. 2. Алексинский – Бестужев-Рюмин. СПб., 1900. С. 451; формулярные и послужные списки – ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 3257. Л. 13–24 об.; Ф. И-25. Оп. 2. Д. 80. Л. 1–21 об.].

7. **Крыжановский Николай Андреевич** (30.10.1818–29.04.1888) – генерал-адъютант (22.05.1862), генерал от артиллерии (1862), командующий войсками Оренбургского военного округа и оренбургский генерал-губернатор (1865–1881), племянник А. П. Безака. По окончании артиллерийского училища выпущен в 1837 г. офицером в полевую артиллерию, с оставлением при офицерских классах училища. В 1839 г. переведен в лейб-гвардии 1-ю артиллерийскую бригаду и в том же году назначен помощником военного агента в Берлине. В 1842 г. назначен состоять для особых поручений при начальнике Черноморской береговой линии, участвовал в делах с горцами и за боевые отличия получил несколько наград. В 1850 г. назначается штаб-офицером по искусственной части при Киевском арсенале, а с началом Крымской войны – начальником артиллерии Южной армии и за боевые отличия при осаде и взятии Силистрии награждается золотой саблей с надписью «За храбрость» и чином генерал-майора. Когда военные действия на Дунае приостановились, Крыжановский был назначен начальником штаба артиллерии в Крымской армии и принял участие в обороне Севастополя, во время которой он был сильно контужен, а под ним убита лошадь. По окончании Крымской войны в 1857 г. Крыжановский назначен начальником Михайловского артиллерийского училища и академии, в 1860 г. исправлял должность начальника штаба 1-й армии, расположенной в Царстве Польском, а в 1861 г. – произведен в генерал-лейтенанты и назначен варшавским военным генерал-губернатором и за-

ведующим особой канцелярией наместника в Царстве Польском. В 1862 г. назначен сначала председателем комиссии по начертанию общих оснований военного и военно-морского судопроизводства и судостроительства, а затем членом Военного совета и инспектором военно-учебных заведений, а в 1863 г. поручено вооружение Кронштадта. В 1864 г. Крыжановский был назначен помощником командующего войсками Виленского военного округа, а 9 февраля 1866 г. занял пост оренбургского генерал-губернатора и командующего войсками Оренбургского военного округа.

Прибыв в Туркестан в июне 1866 г. в разгар военных действий против Бухары, Крыжановский принял на себя высшее руководство ими и взял Джизак. Крыжановский также участвовал в подготовке успешного похода в Хиву в 1873 г.

С 1869 г. Н. А. Крыжановскому были подчинены вошедшие в Оренбургское генерал-губернаторство Уфимская, Самарская и Оренбургская губернии, Уральская и Тургайская области. При Н. А. Крыжановском было введено новое положение об Оренбургском казачьем войске, введено земство в Оренбургской и Уфимской губерниях, введены в крае новые судебные учреждения, введено положение о башкирах и организовано управление Казахской степью, была сооружена Самаро-Оренбургская железная дорога.

Деятельность Крыжановского и вся его служебная карьера была прервана в 1881 г. сенаторской ревизией края, обнаружившей большие злоупотребления с башкирскими землями, более известные в прессе того времени как «хищение башкирских земель», одной из самых больших земельных афер в истории Российской империи. Суть аферы состояла в том, что администрация предложила государству проект по поддержке беднейших оренбургских чиновников за счет «ничейной» башкирской земли по примеру западно-сибирского образца (там беднейшим чиновникам позволяли покупать участки земли по очень низким расценкам под очень низкий процент), а за спиной у государства этот план был переключен в операцию по обогащению самых обеспеченных чиновников. Дело было в том, что у башкир были самые плодородные земли в Оренбургской губернии, а на эти земли уже зарились самые видные из оренбургских чиновников и помещиков. Начальник канцелярии генерал-губернатора А. Д. Холодковский и Н. А. Крыжановский были авторами и исполнителями проекта, по которому были экспропрированы земли и все недвижимое имущество у башкир Уфимской и Оренбургской губерний, 100 тысяч человек башкирского населения были высланы в непригодные для агрономической деятельности земли, где они в буквальном смысле вымирали от голода, эти башкирские земли были розданы чиновникам Оренбургского генерал-губернаторства, но не самым нуждающимся, а родственникам и приближенным к генерал-губернатору офицерам по ценам, которые оказались самыми низкими ценами на землю в Российской империи. Земли шли по цене от 80 копеек до 1 рубля 20 копеек за десятину по беспроцентной ссуде на 39 лет, в то время как рыночная цена по губернии была 22 рубля, а крепостные крестьяне выкупали землю у своих помещиков по 26 рублей за десятину. Среди людей, облагодетельствованных этим проектом, были сам Н. А. Крыжановский и туркестанский генерал-губернатор К. П. фон Кауфман (оба получили по 10 000 десятин земли), А. Д. Холодковский

(3000 десятин), всевозможные генералы, получившие по 2000 десятин. «Обер-офицерские» участки по 400–500 десятин раздавали любимцам Крыжановского. Земли отдали чиновникам со всеми уже имеющимися постройками, включая дома, мельницы и т. д. Беднейшим чиновникам не досталось ничего.

В процессе расследования по делу о башкирских землях, Н. А. Крыжановский допустил преступную халатность по отношению к жителям города Оренбурга зимой 1880 г. В городе была очень трудная финансовая и жилищная ситуация в результате ужасных пожаров 1879 г., оставивших тысячи людей без крова и средств существования. Генерал-губернатор не приложил усилий к разрешению проблемы. Зимой 1879/1880 г. проблемы усилились в связи с погодными условиями, отрезавшими город от остального мира. Город оказался в снежной блокаде, без возможности подвоза продовольствия, дров и медикаментов. Крыжановский и Холодковский находились в это время в Петербурге, не принимая никаких действий, чтобы помочь городу. После многочисленных просьб из блокадного Оренбурга, проигнорированных генерал-губернатором, городское собрание направило телеграмму министру внутренних дел о бедственном положении города; об этом было доложено императору, и великий князь Александр Александрович (будущий царь Александр III) сам курировал расчистку путей от Самары до Оренбурга и снабжение города продовольствием.

30 марта 1881 г. Крыжановский без прошения был отрешен от должности, т. е. без пенсии. Башкирские земли к тому времени были уже проданы в уплату долгов его сына Андрея. Поселившись в своем родовом имении в селе Матвеевка Золотоношского уезда Полтавской губернии, Крыжановский занялся литературой, которой не был чужд и ранее. Еще в 1858 г. им были составлены «Правила приема войсками предметов артиллерийского довольствия» и «Очерк устройства и хозяйства французской артиллерии», а в 1859 г. в «Артиллерийском журнале» им был напечатан ряд статей о войне Италии с Францией и составлены «Записки по фортификации для дивизионных артиллерийских школ». В отставке им написаны: роман «Дочь Алаяр-Хана» («Русский вестник», 1884), «Исторические записки» и статьи: «Севастополь и его защитники в 1855 г.», «Севастополь в ночь с 27 на 28 августа 1855 г.» («Русская старина», 1886). Начатый Крыжановским труд по истории польского восстания, для которого Крыжановский изучал польский язык, остался незаконченным [Русский биографический словарь: Издан под наблюдением председателя Императорского Русского исторического общества А. А. Половцова. В 25 т. Т. 9. Кнаппе – Кюхельбекер. СПб., 1903. С. 467–470; Записки генерал-майора Ивана Васильевича Чернова / Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. XVIII. Оренбург, 1907. С. 203–224; *Жакмон П.* Хищение башкирских земель. (Из воспоминаний оренбургского старожила) // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. Год 28-й. Март, 1907 г. С. 855–874; Военная энциклопедия. Т. 14. СПб.: Т-во И. Д. Сытина, 1914. С. 325; *Семенов В. Г., Семенова В. П.* Губернаторы Оренбургского края. Оренбург, 2014. С. 294–312].

8. **Хангалий Арасланов** (род. 1834) – есаул (1859), старший из семи сыновей султана-правителя Средней части оренбургских казахов Араслана Джантюрина (1811–08.07.1855), внук хана Младшего жуза Джанторе (1759–02.11.1809), вос-

питание получил домашнее. Службу начал толмачом в канцелярии султана-правителя Средней части, в 1850 г. за усердное исполнение обязанностей награжден ружьем и парой пистолетов. В 1852 г. за усердие, оказанное при поверке кибиток и сборе недоимок с казахов, произведен в чин зауряд-хорунжего, в 1853 г. – в хорунжие. В 1854 г. оказал содействие успешному найму в Средней части верблюдов под транспортировку казенных тяжестей с пограничной линии в степные укрепления, за что в 1855 г. был награжден серебряным ковшом для кумыса.

Находился в лагере султана-правителя Араслана Джантюрина при внезапном нападении на него ночью 8 июля 1855 г. отряда Есета Котибарова. По его словам, в ночь с 7-го на 8-е июля он находился в дозоре с несколькими казахами, когда на рассвете услышал шум и ружейные выстрелы со стороны ставки правителя. Узнав о нападении на лагерь, он пытался остановить бежавших джигитов и организовать сопротивление. Однако это ему не удалось, и при приближении повстанцев ему пришлось спастись бегством.

После гибели отца при том нападении, по ходатайству председателя Оренбургской пограничной комиссии В. В. Григорьева, который желал «показать сетующему семейству покойного Араслана, что правительство никогда не оставляет без внимания заслуги ордынцев, особенно занимавших такие высшие в орде места», Хангали Арасланов назначается начальником 57-й казахской дистанции вместо султана Исали Абдулмукуминаева, также убитого при нападении на лагерь султана-правителя. В том же году во главе отряда казахов находился при полковнике Кузьминском, командовавшим военными отрядами, направленными в степь для преследования Есета Котибарова.

В 1857 г. назначен на должность помощника султана-правителя Средней части подполковника Мухаммеджана Баймухаммедова. В 1858 г. произведен в сотники. В 1859 г., вместе с Есетом Котибаровым, включен в состав казахской депутации к императорскому двору. При этом В. В. Григорьев охарактеризовал его как «молодого человека, обещающего быть со временем весьма полезным орудием правительства». После представления членов депутации императору Александру II, наследнику цесаревичу и великим князям награжден чином есаула.

Однако предсказание В. В. Григорьева о блестящем будущем Хангали не сбылось, у него не сложились отношения с султаном-правителем Мухаммеджаном Баймухаммедовым, «одним из самых умных и ловких султанов в степи». Возможно, Мухаммеджан Баймухаммедов опасался Хангали как претендента на его должность. Тем более, что в начале 1850-х гг. и сам Мухаммеджан Баймухаммедов с братьями интриговал против султана-правителя Западной части Мухаммедгали Таукина, добиваясь его должности, как наследственной в их семье.

В 1861 г. Хангали оказался под следствием в связи с побегом из-под ареста казаха рода кете Каныбека Чутова; следствие не нашло его вины в побеге, но по просьбе султана-правителя Мухаммеджана Баймухаммедова он был отрешен от должности помощника правителя. С этого времени и до 1869 г. он не состоял на службе, занимался своим хозяйством.

После смерти Араслана Джантюрина его семья унаследовала земельные угодья по реке Илеку, при устье реки Большой Хобды, а также в урочище Каражар

при реке Большая Хобда, на которых располагались их зимовки. В июле 1862 г. султан-правитель Мухаммеджан Баймухаммедов направил в Областное правление оренбургскими казахами рапорт с обвинениями Хангали Арасланова в невыполнении его распоряжения о возвращении зимовок на урочище Каражар казахам рода табын и об удалении оттуда его туленгутов. Кроме того, Мухаммеджан Баймухаммедов доносил, что «Арасланов не только после увольнения его от службы не перестал подстрекать киргизов к кляузам и неповиновению, но даже сам, можно сказать, начал составлять от имени других ложные жалобы, и кроме сего распускает разные нелепые между ордынцами слухи, которым киргизы, по легкомыслию своему, вполне верят, чрез что происходит между киргизами смуты, более или менее вредящие во всем недавно определенному ко мне помощником зауряд-сотнику Кийкину и исправляющему должность начальника 9-й дистанции хорунжему Сулейману Мухаммедгалиеву, а также и начальнику 30-й дистанции султану Бекбулату Туккуджину, и вообще все действия Арасланова и вмешательства его в дела распространяются день ото дня более и более и становятся все вреднее». В связи с этим он просил областное правление об аресте Хангали Арасланова. Для разбирательства этого поземельного спора и выяснения правдивости, выдвинутых против Хангали Арасланова обвинений, из Оренбурга был направлен чиновник для контроля в степи поручик султан Альмухаммед Сейдалин. Проверка Альмухаммеда Сейдалина оправдала Хангали, он писал в областное правление: «Каждый из них преследует друг друга, но Баймухаммедов как главный начальник одной части имеет перевес над Араслановым, так что сей последний иногда, пожалуй, и готов бы забыть эту вредную для себя неприязнь, но первый не перестает придирается к нему и близким ему киргизам; поэтому Арасланов иногда невольно делается далеко не клязником, а просто распространителем в свою пользу небывалых известий, и легковверные ордынцы, в первое время давая оным вероятие, переходят на сторону его, а потом, встречая за это преследование со стороны правителя, опять таки изменяют Арасланову. Итак, можно заключить, что вышеизложенные выводы истекают вследствие неприязненных отношений Баймухаммедова с Араслановым, и с невыгодной стороны отзывается над слабым из них...»

После назначения нового управляющего Областью оренбургских казахов Л. Ф. Баллюзека, в ноябре 1866 г. Мухаммеджан обратился к нему, вновь обвиняя Араслановых, что они занимают земельные угодья в трех местах в ущерб другим казахам, сдавая нуждающимся участки для сенокосения из личной выгоды. Направленный по жалобе Мухаммеджана старший переводчик областного правления Сулейман Батыршин поддержал его претензии. Областное правление 15 мая 1867 г. распорядилось оставить Араслановым только один из трех занимаемых ими участков. Чтобы еще более уязвить Хангали Арасланова Мухаммеджан Баймухаммедов добился передачи ему земельных угодий Араслановых при реке Илеке.

В ноябре 1868 г., узнав о готовящемся введении нового Положения об управлении степными областями, Хангали Арасланов отправился в Уральский уезд, где у него имелись родственники. Представившись на урочище Джиренкопа начальнику уезда подполковнику Черноморскову, он предложил ему свои услуги по устрой-

ству волостей и выбору должностных лиц. Черноморсков, заметив, что Хангали занимается интригами на выборах волостных управителей и аульных старшин, желая продвинуть на эти должности своих родственников, и зная о начинающемся восстании в степи, решил устранить его. Он вручил ему запечатанный конверт на имя военного губернатору Уральской области и приказал доставить его в Уральск. Однако Хангали, узнав от приближенных к уездному начальнику казахов, что в письме Черноморсков просит военного губернатора об его аресте, распечатал письмо и, боясь ответственности, бежал на реку Хобду, где провел зиму 1868/1869 г.

По показанию пленного повстанца, казаха рода шомишты-табын Бадрака, сына Кавы, от 24 мая 1869 г., Хангали еще зимой приглашал к себе влиятельного батыра рода шомишты-табын Даута Асауова для обсуждения действий против русского правительства. Однако Даут Асауов только весной отправил на переговоры своего брата с тремя сыновьями, на встрече с которыми 12 мая 1869 г. Хангали заявил, что он передумал воевать с русскими, так как к нему приехала мать султанша Урын с обещанием оренбургской администрации об его прощении. Видимо не доверяя русским властям, Хангали вместе с братом Сагадат-Гиреем тогда же откочевал в Хиву.

В начале мая 1869 г. по приказанию военного губернатора Тургайской области Л. Ф. Баллюзeka начальник военного отряда подполковник Круторожин насильно переселил султаншу Урын Арасланову со всем семейством в город Илецк, которые находились там под надзором старшего помощника уездного начальника В. К. Крейцшмара и местной полиции. При этом султанше Урын позволили в сопровождении нескольких казахов съездить на реку Хобду к Хангали с целью уговорить его сдаться русским властям. Семейство султанши Урын находилось в Илецке до октября 1869 г., после чего им было разрешено вернуться в Тузтюбинскую волость. Брат Хангали султан Хангирей Арасланов, старшина 2-го аула Тузтюбинской волости Илецкого уезда, приказом военного губернатора от 5 мая 1869 г. также был арестован и отправлен в Оренбург, где содержался на гауптвахте. В октябре того же года он был освобожден и передан на поручительство матери султанше Урын Араслановой.

По прибытии в Хиву Хангали Арасланов был назначен ханом живших там казахов родов шекты и табын Младшего жуза. В 1871 г. он был смещен хивинским ханом Мухаммед-Рахимом с этого поста и содержался под надзором в городе Ходжейли.

При приближении русских войск к хивинской крепости Джанакала на мысе Урга Хангали Арасланов вместе с бием Азбергенем Мунайтпасовым 5 мая (по другим данным – 2 мая) 1873 г. добровольно явился к начальнику Оренбургского экспедиционного отряда генерал-лейтенанту Н. А. Веревкину. Свою семью, состоящую из двух жен – Кадиши Тяукиной и Арданы Саттыковой, и двух малолетних дочерей, а также брата Сагадат-Гирея с женой Чакай Айжарыковой и его малолетним сыном вместе с имуществом, уложенным на 12 верблюдах, он отправил в Тузтюбинскую волость Илецкого уезда. Сам же Хангали до 9 июня 1873 г. находился при Оренбургском отряде и, по словам генерала Веревкина, «своим знанием

края, и своими способностями и усердием принес самую существенную пользу при следовании отряда и занятии ханства». По ходатайству генерал-лейтенанта Н. А. Веревкина, временно исправлявшего должность оренбургского генерал-губернатора, в декабре 1873 г. император Александр II «всемилоостивейше соизволил даровать есаулу султану Хангалию Арасланову прощение, с дозволением ему возвратиться на жительство в Тургайскую область, но с подчинением его особому полицейскому надзору».

В июле 1875 г. Хангали Арасланов обратился к оренбургскому генерал-губернатору Н. А. Крыжановскому с прошением о снятии с него полицейского надзора, так как это положение, «воспреещающее мне выезжать в другие уезды области, как с целью кочевания, так и по собственным моим делам, вредно отзываясь на моем хозяйстве». На запрос из Оренбурга илецкий уездный начальник доносил, что Хангали Арасланов «во все время после возвращения из хивинских пределов вел себя хорошо, и до сих пор не представляется ни одного случая, могущего быть препятствием удовлетворению его ходатайства; что же касается до положения его между киргизами, то сколько мне известно, что кроме уважения к нему как к султану, когда-то довольно щедрому и бывшему богатым, более ничего не видится, и влияние его простирается не далее того аула, где он имеет постоянное жительство». По ходатайству Н. А. Крыжановского 23 января 1876 г. последовало высочайшее соизволение на освобождение Хангали Арасланова из-под надзора полиции.

Последние из имеющихся сведений о Хангали Арасланове относятся к началу 1880-х гг. Так, военный губернатор Тургайской области генерал-майор А. П. Константинович писал оренбургскому генерал-губернатору Н. А. Крыжановскому о личной встрече с Хангали Араслановым в конце января 1880 г., во время которой Хангали говорил ему об отправке своих баранов и рогатого скота в Хиву для прокорма из-за неурожая трав в Илецком уезде и малого запаса сена.

Сеидхан Джантюрин в статье «Очерки киргизского коневодства» упоминает об участии Хангали в Ахал-Текинской экспедиции 1880–1881 гг., о вывозе им из Туркмении жеребцов иомудской и текинской пород и удачных опытах по скрещиванию их с казахскими лошадьми [Джантюрин С. Очерки киргизского коневодства // Журнал коннозаводства. 1883. № 8. С. 8; Г. Б. Известия о Хивинском походе // Русский инвалид. 1873. № 142; О почетнейших и влиятельнейших ордынцах: алфавитные, именные, формулярные и послужные списки. 12 ноября 1827 г. – 9 августа 1917 г. // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. VIII. Ч. 2 / Сост. Б. Т. Жанаев. Алматы, 2006. Док. № 265. С. 262–263; ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 2736. Л. 2 об. – 3; Д. 2768. Л. 1–2 об., 5; Д. 3951. Л. 10–13, 107–120 об., 196–211, 223 и об., 226 и об., 246 и об., 251 и об.; Д. 4477. Л. 24–26 об.; Ф. И-25. Оп. 1. Д. 1903. Л. 2–4 об.; Д. 2233. Л. 1 и об., 3 и об., 8, 18, 20; Д. 2244. Л. 2 и об., 7; Д. 2262. Л. 4, 7 и об.; Д. 2567. Л. 5; Д. 3434. Л. 4–5, 9, 15–16, 32, 66–69; ГАОрО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8408. Л. 1–5 об.; Д. 8554. Л. 6 и об.]

9. **Веревкин Николай Александрович** (07.08.1819–10.07.1878) – генерал-лейтенант (1871), из дворян Орловской губернии. Образование получил в 1-м Московском кадетском корпусе, в 1839 г. выпущен прапорщиком в артиллерию. Участник Венгерской кампании 1848–1849 гг. и Крымской войны 1853–1856 гг.

В 1861 г. состоя для поручений при командире отдельного Оренбургского корпуса участвовал во взятии кокандской крепости Яныкурган и за боевые отличия произведен в полковники. В 1862 г. назначен командующим Сырдарьинской линией. В 1864 г. за взятие города Туркестана произведен в генерал-майоры. В 1865 г. назначен наказным атаманом Уральского казачьего войска, с 1868 г. – одновременно военный губернатор Уральской области. В 1873 г. участвовал в завоевании Хивинского ханства в качестве начальника оренбургского экспедиционного отряда. В 1876 г. назначен членом Александровского комитета о раненных [Военная энциклопедия. Т. 5. СПб.: Т-во И. Д. Сытина, 1911. С. 319; *Добросмыслов А. И.* Города Сыр-Дарьинской области. Ташкент, 1912. С. 116–117].

10. **Тверитинов Сергей Алексеевич** (1820–20.03.1885) – генерал-лейтенант (1884). Воспитывался в Морском кадетском корпусе; в 1842 г. произведен в гардемарины, а два года спустя в мичманы и оставлен в офицерском классе. Ближайшие затем годы на фрегате «Отважность» и яхте «Нева» плывал в Балтийском море. В 1848 г. переведен в Черноморский флот; на различных кораблях то крейсировал по Черному морю, то нес охранительно-береговую или транспортную и продовольственную службу. В 1853 г. на параходе-фрегате «Бессарабия» участвовал в Синопском сражении, за которое был награжден орденом св. Анной 3-й степени и годовым окладом. Во время Севастопольской обороны сначала находился на рейде, с 13 сентября 1854 г. по 27 марта 1855 г. был в гарнизоне, на бастионе Корнилова и на редуте Камчатка, причем на последнем 26 мая был ранен штуцерной пулей в голову и осколком бомбы в грудь, но скоро оправился и состоял по особым поручениям при П. С. Нахимове во время бомбардировок. За Севастополь награжден орденами св. Владимира 4-й и св. Анны 2-й степени и золотой полусаблей с надписью «За храбрость». В апреле 1857 г., будучи в чине капитан-лейтенанта и оставаясь в морских списках, были переведен на гражданскую службу – сначала николаевским городничим (в Самарской губернии), потом самарским полицмейстером. В сентябре 1864 г., в чине капитана 2-го ранга (с 1862 г.), назначен старшим адъютантом в штаб войск Оренбургского края по части обер-квартирмейстера для заведования отделением по Аральской флотилии. 27 марта 1866 г. повышен в капитаны 1-го ранга и в 1869 г. назначен председателем организационной комиссии Гурьевского уезда Уральской области, а затем уездным начальником. Осенью 1870 г. находился в Казахской степи начальником военного отряда для усмирения адаевцев, а также для проверки пригодности местности при озере Масше, избранной под укрепление. С 7 апреля по 9 октября 1871 г. командовал отрядом, посланным на нижнюю Эмбу для постройки укрепления при озере Масше и для изысканий пути в Хиву. В августе того же года назначен председателем Временного совета по управлению Внутренней ордой. 31 марта 1874 г. переименован в военный чин и повышен в генерал-майоры с зачислением по адмиралтейству, где и числился до апреля 1884 г., когда вместе с производством в генерал-лейтенанты был уволен от службы [Русский биографический словарь: Издание Императорского Русского исторического общества. В 25 т. Т. 20. Суворова – Ткачев. СПб., 1912. С. 385–386].

11. **Саттык Таев** (род. 1789/1790) – бий рода табын поколения жетыру Младшего жуза. Чиновник особых поручений при председателе Оренбургской погра-

ничной комиссии Ф. М. Лазаревский в своем рапорте от 26 января 1850 г. следующим образом характеризует его: «Таев Саттык, бий, должности не имеет, 60 лет. Высокого роста, плотный и очень еще свежий старик; имеет небольшую бороду и усы. Сын известного в роде старшины. Джилкичи отделения, ибесова подотделения. Место кочевания: летнее – по рекам Чингирлау и Сар-Сылды; зимнее – на урочище Кара-Агач. Имеет трех жен и четырех сыновей. Один из известных богачей. Ума и способностей недалких; неграмотен; тщеславие своими богатствами и хвастливость – отличительные черты его характера до того, что этим он известен в орде. Вообще он добрый и благонамеренный киргиз. В молодости он был известнейший и отважнейший в орде батырь. Как человек богатый и пожилой имеет влияние в роде. Предан правительству. Под судом и следствием не был, в неприличном изобличаем не был, предосудительных страстей за ним не заметил» [О почетнейших и влиятельнейших ордынцах: алфавитные, именные, формулярные и послужные списки. 12 ноября 1827 г. – 9 августа 1917 г. // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. VIII. Ч. 2 / Сост. Б. Т. Жанаев. Алматы, 2006. Док. № 244. С. 139].

12. **Сейдалин 1-й Альмухамед Кунтюрич** (род. 1836) – султан, статский советник (04.10.1885). По окончании азиатского отделения Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса 13 ноября 1855 г. произведен в прапорщики с назначением в Оренбургский линейный № 4 батальон. Вместе с ним в кадетском корпусе учился его двоюродный брат Глеумухамед Айтюринович Сейдалин 2-й. В марте 1856 г. зачислен в штат Оренбургской пограничной комиссии, в декабре 1861 г. назначен чиновником для контроля в степи. С 13 марта 1866 г. – султан-правитель Западной части оренбургских казахов. С образованием Тургайской области 11 февраля 1869 г. назначен уездным судьей Николаевского уезда, 15 июня 1876 г. переведен на такую же должность в Иргизский уезд, 26 февраля (год не установлен. – *Б. Ж., И. С.*) переведен обратно в Николаевский уезд, с 21 октября 1885 г. – иргизский уездный судья. Высочайшим приказом 27 января 1884 г. переименован из майоров в коллежские асессоры; 16 ноября того же года указом Правительствующего Сената произведен в надворные советники, с 23 апреля 1885 г. – коллежский советник, 4 октября 1885 г. произведен в статские советники со старшинством с 27 мая 1881 г. После смерти первой жены повторно женился в 1869 г. на дочери младшего помощника начальника Тургайского уезда подполковника султана Сулеймана Джигангерова Халифе, от которой имел дочь Рахиму (род. 06.09.1871), сыновей Жиганшу (род. 08.09.1877), Давлетшу (род. 17.09.1880), Ахию (род. 05.09.1882), Ахмедгирея (род. 15.05.1884), Зюлькарнаина (род. 21.01.1886) [О почетнейших и влиятельнейших ордынцах: алфавитные, именные, формулярные и послужные списки. 12 ноября 1827 г. – 9 августа 1917 г. // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. VIII. Ч. 2 / Сост. Б. Т. Жанаев. Алматы, 2006. Док. № 315. С. 333–339; послужной список за 1886 г. – ЦГА РК. Ф. И-25. Оп. 5. Д. 176. Л. 26–35].

13. **Юрковский Константин Викентьевич** (род. 1825/1827) – из дворян, римско-католического вероисповедания, статский советник (19.04.1864). Окончил в 1849 г. юридический факультет Киевского Императорского университе-

та св. Владимира с ученой степенью кандидата законовещения. Службу начал 19 февраля 1850 г. в чине коллежского секретаря артиллерийским чиновником Киевского арсенала, в 1851–1860 гг. – управляющий канцелярией Киевского арсенала. В январе 1861 г. в чине надворного советника переводится в канцелярию оренбургского и самарского генерал-губернатора, в мае того же года назначается начальником гражданского отделения канцелярии оренбургского и самарского генерал-губернатора. С 17 августа 1862 г. – помощник (заместитель) управляющего Областью оренбургских казахов, в 1863, 1864, 1865, 1866, 1867 и 1868 гг. временно исправлял должность управляющего областью. С 10 января 1869 г. по 16 февраля 1870 г. – вице-губернатор Тургайской области. Действительный член Оренбургского, Самарского, и Уфимского губернских статистических комитетов, член Совета Оренбургского Николаевского женского института по учебной части, директор Оренбургского попечительного о тюрьмах комитета. Жена Филиппина Станиславовна Бэнет, дочь Мария (род. 03.05.1852), жена и дочь римско-католического вероисповедания [ЦГА РК. Ф. И-25. Оп. 3. Д. 32. Л. 17–31].

14. **Омар Казыев** – бий рода байбакты поколения байулы Младшего жуза, внук батыра Сырыма Датова. С 16 сентября 1855 г. по 12 января 1857 г. – управляющий 1-й половиной рода байбакты, затем заседатель от казахского народа Оренбургской пограничной комиссии. В 1852 г. за исправное доставление в Пограничную комиссию кибиточной подати получил в награждение кинжал и пороховницу, а за распорядительность по найму в 1854 г. верблюдов под извоз казенных тяжестей с линии в форт Перовский и бывшее Аральское укрепление награжден суконным кафтаном с золотым галуном. Жена Хакима, сын Сугургали (род. 1852/1853) [О почетнейших и влиятельнейших ордынцах: алфавитные, именные, формулярные и послужные списки. 12 ноября 1827 г. – 9 августа 1917 г. // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. VIII. Ч. 2 / Сост. Б. Т. Жанаев. Алматы, 2006. Док. №. 264. С. 261–262].

15. **Вогак Сергей Константинович** (род. 10.01.1833) – из дворян Калужской губернии, православного вероисповедания, подполковник (13.02.1870). Окончил Константиновский кадетский корпус, готовивший офицеров артиллерии (1855). В 1855–1866 гг. служил в Польше и Восточной Сибири. В феврале 1866 г. назначен старшим адъютантом управления Оренбургского артиллерийского округа. 27 ноября 1868 г. назначен председателем организационной комиссии Иргизского уезда, а затем 14 марта 1869 г. – уездным начальником. Высочайшим приказом по военному ведомству от 5 апреля 1871 г. по личной просьбе переведен в Керченскую крепостную артиллерию с назначением командиром 1-й роты. Отставка С. К. Вogaка была вынужденной; об этом свидетельствует рапорт старшего чиновника особых поручений губернского секретаря Адольфа фон Тилло военному губернатору Тургайской области генерал-майору Л. Ф. Баллюзеку от 28 октября 1870 г. с негативной оценкой деятельности уездного начальника, нелестно отзываясь о нем и генерал-лейтенант М. А. Терентьев. Жена дочь купца 2-й гильдии Варвара Михайловна Пояркова, сыновья Сергей (род. 13.05.1867) и Михаил (род. 23.07.1868) [Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. Т. 2. СПб., 1906. С. 62–63; ЦГА РК. Ф. И-25. Оп. 1. Д. 1888. Л. 1–13 об.; Оп. 2 л/д. Д. 192. Л. 1–12; Д. 193. Л. 8 и об.].

16. **Единорог** – русское гладкоствольное артиллерийское орудие-гаубица; на вооружение принята в 1757 г. по инициативе генерал-фельдцейхмейстера П. И. Шувалова. Своим названием орудие обязано фамильному шуваловскому гербу – изображению фантастического зверя-единорога.

17. **Ракетный станок** – конструкция для пуска боевых ракет, состоящая из железной трубы на деревянной треноге. Он был легок и удобен для переноски людьми и перевозки на лошадях.

18. **Борх Юрий (Георгий) Александрович** (1836–06.04.1911) – граф, генерал-лейтенант (06.05.1884). В 1858–1861 гг. был ротмистром в лейб-гвардии Конном полку и адъютантом шефа жандармов, затем продолжил службу в Оренбургском крае и Туркестанском генерал-губернаторстве. В 1883–1895 гг. – командир 21-й пехотной дивизии (Темир-Хан-Шура).

19. **Талызин Иван Дмитриевич** (1799–14.05.1844) – из дворян Московской губернии, действительный статский советник (1838), оренбургский гражданский губернатор (29.05.1841–14.05.1844). В службу вступил подпрапорщиком (портупей-прапорщиком) в Троицкий пехотный полк 23 августа 1817 г. В 1818 г. во время службы в Херсонском гренадерском полку произведен в прапорщики, в 1819 г. – подпоручик. В январе 1821 г. за отличие в сражении переведен в лейб-гвардии Гренадерский полк с назначением на должность адъютанта к командиру отдельного Кавказского корпуса генералу от инфантерии А. П. Ермолову. В 1828 г. переведен в Санкт-Петербург в Главный штаб по военным поселениям. В ноябре 1833 г. полковник И. Д. Талызин назначен председателем Омского областного правления. После смерти в марте 1834 г. омского областного начальника генерал-лейтенанта В. И. де Сент-Лорана до 1835 г. исправлял должность омского областного начальника. С 17 февраля 1839 г. по 18 июня 1840 г. – тобольский гражданский губернатор, с 29 мая 1841 г. – оренбургский гражданский губернатор. Умер в городе Уфе [Губернии Российской империи. История и руководители. 1708–1917. М., 2003. С. 203, 302; Послужные списки за 1833–1834 гг. – РГВИА. Ф. 395. Оп. 22. Д. 808. Л. 2 об. – 3; ИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1182. Т. 2. Л. 392–398 об., 401–407 об.]

20. Имеется в виду В. Н. Плотников, бывший с января по декабрь 1869 г. начальником Илецкого уезда.

Плотников Владимир Николаевич (1833–16.02.1875) – из дворян, православного вероисповедания, коллежский советник (22.12.1871). После окончания Оренбургского уездного училища в августе 1848 г. поступил на службу писцом в Оренбургскую пограничную комиссию, в 1854 г. дослужился до должности столоначальника. В 1855 г. откомандирован в дружину № 309 Оренбургского ополчения, где исполнял обязанности дружинного адъютанта. В феврале 1857 г. подпоручик Плотников уволен из ополчения с переименованием в губернские секретари. В апреле того же года назначен попечителем прилинейных казахов Новолинейной дистанции, в 1862 г. переведен на должность попечителя Уральской дистанции. В июле 1863 г. переведен на должность чиновника для контроля в степи. В его обязанности входило контролировать деятельность «туземной администрации». С 1 января 1869 г. – начальник Илецкого уезда Тургайской области, с 18 декабря 1869 г. – советник Тургайского областного правления, с 7 октября 1872 г. – тур-

гайский уездный судья. 14 июля 1867 г. награжден Императорским Обществом любителей естествознания при Московском университете большой серебряной медалью за исполнение акварельного альбома из казахского быта с подробными описаниями рисунков, экспонировавшегося на Московской этнографической выставке 1867 г. Альбом В. Н. Плотникова в настоящее время хранится в Российском этнографическом музее (г. Санкт-Петербург). Жена Елизавета Марковна Старова, сыновья Владимир (06.07.1859), Василий (19.12.1867) и дочь Лидия (08.03.1866) [*Масанов Э. А.* Новые сведения о В. Н. Плотникове // Советская этнография. 1965. № 2. С. 157–161; ЦГА РК. Ф. И-25. Оп. 2. Д. 671. Л. 1–11].

21. **Зоильство** – несправедливая, недоброжелательная критика, хула. Происходит от имени древнегреческого философа и оратора IV–III вв. до н. э. Зоила из Амфиополя (Фракия), ставшего нарицательным для обозначения недоброжелательного и язвительного критика.

22. **Баядиль Кийкин (Кекин)** (1814/1815–1889) – бий рода жагалбайлы поколения жетыру Младшего жуза. Попечитель прилинейных оренбургских казахов М. М. Лазаревский в своем рапорте председателю Оренбургской пограничной комиссии М. В. Ладыженскому от 6 октября 1849 г. так характеризует его: «Баядиль Кийкин, зауряд-сотник, 35 лет. Росту и телосложения среднего. Сын простого киргиза. Джагалбайлинского рода, урмантаевского отделения. Место кочевания: летнее – в разных местах степи за Новой линией; зимнее – близ Елизаветинской станции. Семейство: две жены, детей нет. Состояние: лошадей 40. Умен и способен довольно, но искательный; мешается во все дела, клязунный в сильной степени, так что известен по всей орде этим достоинством; читать по-татарски и немного по-русски знает. Хотя доверия и не приобрел между однородцами, но зная по-русски говорить и пользуясь чином участвует почти в каждом деле и поэтому имеет и вес. Предан правительству и услужлив из расчетов; бывал несколько раз в походах в степи, за которые получил и чины. Под судом или следствием не был».

В послужном списке от 7 июля 1882 г. содержатся следующие сведения о нем:

«Зауряд-сотник Баядиль Кийкин, младший чиновник особых поручений при военном губернаторе Тургайской области, 67 лет, исповедания магометанского. Имеет медали золотые на аннинской и владимирской лентах для ношения на шее и серебряную на аннинской ленте для ношения на шее. Получал в год жалованья – 522 руб. 67 коп., столовых – 277 руб. 33 коп., итого – 800 руб. Имеет в Буртинской волости Илецкого уезда 3-м ауле два деревянных дома со службами и мельницу на речке Бурте.

В службу поступил дистанчным начальником – 1844 г., февраля 2. За усердие, оказанное при преследовании мятежной шайки султана Кенисары Касимова награжден чином зауряд-хорунжего – 1844 г., декабря 2. За отлично-усердную службу произведен в зауряд-сотники – 1846 г., апреля 10. За отлично-усердную службу награжден серебряной медалью на аннинской ленте для ношения на шее – 1856 г., октября 14. Определен заседающим в областное правление от киргизского народа – 1857 г., января 19. В 1857 г. за открытие пропущенных от сбора подати 424 кибиток в бывшей Восточной части Области оренбургских киргизов награжден деньгами – 720 руб. За отлично-усердную службу награжден суконным

кафтаном с галуном – 1858 г., марта 13. В 1858 г. за поверку кибиточной подати и открытие значительного числа пропущенных кибиток в бывшей Западной части Области оренбургских киргизов награжден деньгами – 300 руб. За успешный наем 2631 верблюда для поднятия провианта, отправленного в форт Перовский, награжден суконным кафтаном с галуном – 1860 г., апреля 11. За отлично-усердную службу награжден серебряными чайником и сахарницей – 1860 г., апреля 11. Определен помощником султана правителя Средней части Области оренбургских киргизов – 1861 г., ноября 28. За отлично-усердную службу награжден бархатным кафтаном с золотым галуном – 1862 г., ноября 14. За то же награжден серебряным ковшом – 1864 г., октября 10. За отлично-усердную и ревностную службу награжден золотой медалью на аннинской ленте для ношения на шее – 1864 г., ноября 28. На основании высочайше утвержденного в 21-й день октября 1868 г. Положения об управлении в степных областях остался с 1 января 1869 г. за штатом. По выбору общества 27 февраля 1875 г. утвержден военным губернатором Тургайской области в должности управителя Буртинской волости Илецкого уезда на трехлетие 1875–1878 гг. За отлично-усердную службу награжден суконным кафтаном с золотым галуном 3 сентября 1875 г. За отлично-усердную службу награжден золотой медалью на владимирской ленте для ношения на шее 23 сентября 1876 г.

Постановлением военного губернатора Тургайской области от 15 октября 1880 г. определен младшим чиновником особых поручений при военном губернаторе.

Женат на Сулумане Токтамысовой и Таджане Утябаевой. От первой имеет сыновей Хакимджана 26 лет, Сабырджана 25 лет, дочь Урхию 26 лет. От второй жены имеет сына Давлет-Гирея 18 лет, дочерей Чулпану 20 лет, Укуджану 13 лет» [О почетнейших и влиятельнейших ордынцах: алфавитные, именные, формулярные и послужные списки. 12 ноября 1827 г. – 9 августа 1917 г. // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. VIII. Ч. 2 / Сост. Б. Т. Жанаев. Алматы, 2006. Док. № 329. С. 366–368; док. № 329. С. 366–368; примеч. 1 к док. № 329. С. 582; послужной список за 16 июля 1882 г. – ЦГА РК. Ф. И-25. Оп. 5. Д. 87. Л. 1–6].

23. Здесь Н. А. Середя ошибся, приняв бывшего султана-правителя Средней части полковника Мухаммеджана Баймухаммедова за его отца, султана-правителя Западной части оренбургских казахов генерал-майора Баймухаммеда Айчувакова (1790–30.03.1847).

Мухаммеджан Баймухаммедов (1814 – после августа 1882 г.) – генерал-майор (24.05.1869), султан Младшего жуза, внук хана Айчувака и правнук хана Абулхаира. В 1841 г. назначен начальником 8-й казахской дистанции, временно исправлял должность правителя Западной части оренбургских казахов в 1839, 1840, 1841, 1842, 1843 и 1844 гг. После гибели султана Араслана Джантюрина назначен правителем Средней части оренбургских казахов (1855–1868). В связи с введением в действие Положения об управлении в степных областях был сначала оставлен за штатом с 1 января 1869 г., а затем произведен в генерал-майоры и отправлен в отставку с пожизненной пенсией 1176 рублей в год. Несколько раз находился с казахскими депутациями при императорском дворе (1847, 1859, 1881). Награжден орденами: св. Анны 2-й степени с императорской короной, той же сте-

пени без короны и тем же орденом 3-й степени; св. Станислава 1-й и 2-й степеней; бронзовой медалью в память войны 1853–1856 гг. на владимирской ленте. Имел двух жен, шесть сыновей и четырех дочерей [О почетнейших и влиятельнейших ордынцах: алфавитные, именные, формулярные и послужные списки. 12 ноября 1827 г. – 9 августа 1917 г. // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. VIII. Ч. 2 / Сост. Б. Т. Жанаев. Алматы, 2006. Док. № 330. С. 368–374].

24. Подлинник на тюрки и копию перевода воззвания стерлибашевского имама и мударриса Мухаммедхариса Нигматуллина к казахам см.: ЦГА РК. Ф. И-25. Оп. 1. Д. 1827. Л. 8–15 об.

25. По свидетельству автора статьи «Бий Исет Кутебаров», «Исеткой» прозвали его не казахи, а русские солдаты и казаки степных укреплений, раздосадованные на него за многочисленные угоны его джигитами лошадей [Бий Исет Кутебаров // Русский художественный листок. 1 ноября 1858 г. № 31].

26. **Батыршин Сулейман Алюкович** (род. 1825/1826) – из татарских дворян Стерлитамакского уезда Оренбургской губернии, сын штабс-капитана Алюки Батыршина, надворный советник (08.02.1862). По окончании Оренбургского Неплюевского военного училища в чине коллежского регистратора поступил 4 мая 1842 г. на службу в Оренбургскую пограничную комиссию. 29 мая 1844 г. назначен исправляющим должность младшего переводчика, 1 сентября 1845 г. утвержден в этой должности. С 24 июля 1850 г. – исправляющий должность старшего переводчика, с 10 апреля 1868 г. – советник уголовного отделения Областного правления оренбургскими казахами, с 22 января 1869 г. – советник Тургайского областного правления.

В 1856 г. в качестве пристава сопровождал депутацию казахов Внутренней орды в Москву на коронацию императора Александра II, в 1857 г. – пристав бухарского посольства в Санкт-Петербург, в 1858 г. – драгоман дипломатической миссии полковника Н. П. Игнатьева в Хиву и Бухару.

Награжден орденами св. Анны 3-й степени и св. Станислава 3-й степени, знаком отличия беспорочной службы за XV лет, темно-бронзовой медалью в память войны 1853–1856 гг. Жена Накаша Салихова, дочь Биби-Фатима (род. 25.02.1849).

По приказу оренбургского генерал-губернатора Н. А. Крыжановского в 1869 г. был выслан сначала в город Мензелинск, а затем в город Онега Архангельской губернии под строгий надзор полиции, где он пробыл 5 лет, затем получил прощение и право службы, жил в Ташкенте, занимая должность члена городской управы [*Султангалиева Г. С.* Деятельность татарских переводчиков и толмачей Оренбургской пограничной комиссии в Казахской степи (XVIII–XIX вв.) // Научный Татарстан. 2009. № 4. С. 134–135; *Добросмыслов А. И.* Тургайская область. Исторический очерк // Известия Оренбургского отдела РГО. Вып. 17. Тверь, 1902. С. 470; ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 3024. Л. 1–12; Д. 3100. Л. 219–230; Ф. И-25. Оп. 2 л/д. Д. 86. Л. 7, 15–16; Оп. 5. Д. 245. Л. 45–60].

27. **Баймагамбет (Баймухамет) Маяев** (1810–24.03.1870) – бий рода адай-поколения байулы Младшего жуза, зауряд-хорунжий (1866), сын бия Мая Анетова. В «Списке о бие Баймамбете Маяеве, предполагаемом в местные начальники против Ново-Петровского укрепления» за 1850 г., подписанном комендантом укреп-

ления подполковником А. П. Маевским, содержатся следующие сведения: «Баймамбет Маяев, бий. Рода адаевского, отделения мугалова. Кочует летом и зимой на Мангышлакском полуострове. Имеет баранов 600, верблюдов 13, лошадей 100, да угнато в 1848 г. неблагонамеренными хивинцами и трухменцами, напавшими на его аул, лошадей 100. От роду лет имеет 40; характера хорошего; читать знает порядочно, а писать худо. В 1839 г. от его превосходительства оренбургского губернатора генерал-адъютанта Перовского награжден 5 аршинами сукна дикого цвета за усердное исполнение приказаний начальства и надлежащее повиновение законам; в 1841 г. от коменданта упраздненного Ново-Александровского укрепления подполковника Лихошерстова за делаемые толмачу Турпаеву содействия в доставлении в укрепление из татар русского подданного Алекулуккова, сверх того, за приверженность к русскому правительству и за усердное исполнение поручаемых ему обязанностей награжден на чапан коричневого цвета тонкого сукна 5 аршинами, с подкладкой и галуном; в 1848 г. от Оренбургской пограничной комиссии – похвальный лист за оказанное усердие при захвате высланной из Ново-Петровского укрепления казачьей командой 10 трухменцев и одного хивинца, собиравших насильственно зякет с преданных русскому правительству ордынцев. В 1848 г. был с отрядом, командированным под командой Уральского казачьего войска войскового старшины Михайлова для преследования неблагонамеренных хивинцев и трухмен, напавших делать разорения ему, Маяеву, и прочим преданным российскому правительству. Сверх того, находился в 1839 г. в командировке по делам ему неизвестным из упраздненного Ново-Александровского укрепления с бывшим толмачем из астраханских армян Турпаевым в Хиве, где ханом был он задержан несколько месяцев, потом Маяев однородцами выкуплен за 100 лошадей и 180 кошем, за что по возвращении своем в укрепление он в награду получил богатый золотой перстень, украшенный эмалью, при похвальном листе от коллежского асессора Карелина. Имеет жен двух, первая Дары 34 лет, вторая Кенже 20 лет, детей мужеского пола: первый Кутебар 12 лет, второй Кинсары 10 лет, женского пола: первая Балтулу 14 лет, вторую Кизьбубек 6 лет, третью Байгунчук 3 лет».

В 1859 г. по представлению коменданта форта Александровского подполковника И. А. Ускова был отрешен от должности местного начальника, в 1867 г. вновь назначен начальником верхней адаевской дистанции. Сопровождал отряд мангышлакского пристава полковника Н. М. Рукина и был убит повстанцами 24 марта 1870 г. [О почетнейших и влиятельнейших ордынцах: алфавитные, именные, формулярные и послужные списки. 12 ноября 1827 г. – 9 августа 1917 г. // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. VIII. Ч. 2 / Сост. Б. Т. Жанаев. Алматы, 2006. Док. № 249. С. 171–173; ГАОрО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7033. Л. 5–6 об., 13–16; Д. 7920. Л. 3 и об., 7–8].

28. **Мухаммед-Рахим-хан II (Мадрегим-хан)** (1845–1910) – одиннадцатый правитель из узбекской династии Кунгратов в Хивинском ханстве. Пришел к власти в 1864 г. после смерти отца Сейид-Мухаммед-хана (1856–1864). В 1873 г. после завоевания русскими войсками Хивы сохранил ханское достоинство. По договору 12 августа 1873 г. между Мухаммед-Рахим-ханом и туркестанским генерал-губернатором К. П. фон Кауфманом, признал свою вассальную зависимость от

Российской империи, отказался от самостоятельных внешнеполитических сношений с другими государствами и от заключения с ними торговых договоров; часть земель ханства по правому берегу Амударьи отходила к Туркестанскому генерал-губернаторству и Бухарскому ханству; русские суда получали право плавания по Амударье; хивинские власти обязаны были выделять Российской империи и ее подданным территорию для устройства пристаней, факторий, торговых складов и обеспечить их безопасность; российские купцы получили право на свободную торговлю, освобождались от пошлин за провоз товаров, пользовались юридической экстерриториальностью и льготами в суде, а также имели право на приобретение недвижимости. На ханство налагалась военная контрибуция в размере 2 000 000 рублей, которая подлежала выплате в 20-летний срок [История Хорезма. С древнейших времен до наших дней / Под ред. И. М. Муминова. Ташкент, 1976. С. 122–123].

29. **Гафур Калбин (Канаур Колбин)** (род. 1818) – бий рода адай поколения байулы Младшего жуза, зауряд-хорунжий (1866), начальник нижней адаевской дистанции (1867). Стал бием после смерти отца в 19-летнем возрасте по фирману хивинского хана Мухаммеда-Амина. В 1859 г. за выручку казахов, находившихся в плену у туркмен, награжден серебряным ковшом, шашкой и 11 аршинами малинового штофа, в 1858 г. за примирение туркмен с казахами-адаевцами – золотой медалью, бархатным кафтаном с золотым галуном и 100 рублями серебром, 1865 г. за доставку в форт Александровский четырех пленных туркмен-иомудов и содействие в возвращении туркменам отбитого адаевцами скота – серебряным ковшом.

В донесении султана-правителя Западной части оренбургских казахов подполковника Мухаммедгали Таукина в Оренбургскую пограничную комиссию от 28 ноября 1856 г. содержатся следующие сведения о нем: «Гафурун Калбин, бий, 38 лет. Адаевского рода, баймбетева отделения. Летом кочует при реках Эмбе, Сагызу и Уилу, а зимой – на Мангышлаке, по Усть-Урту и урочищам Кильденем и Чине. Состояние имеет посредственное, характера скромного, грамоте не знает. Известен усердием и преданностью правительству. Оказывал ли прежде бий этот какие услуги и был ли чем награжден, сведений в делах канцелярии султана-правителя Западной части орды не найдено. В экспедициях не был».

Гафур Калбин не принимал участия в восстании и, опасаясь мести повстанцев, откочевал в Хиву, где хивинский хан назначил его правителем Куня-Ургенча. В 1873 г. хивинский хан поручил ему возглавить казахов и выступить против русских войск, засыпать все колодцы между Ильтедже и Куня-Ургенчем. Калбин действительно объединил многие аулы казахов, однако затем перешел на сторону русских. За эту услугу ему было разрешено вернуться на Мангышлак [Турсунова М. Из истории казахов Мангышлака в первой половине XIX века // Вопросы истории Казахстана XIX – начала XX века. Алма-Ата, 1961. С. 189; Она же. Казахи Мангышлака во второй половине XIX века. (Вопросы социально-экономической и политической истории). Алма-Ата, 1977. С. 97, 106, 115; О почетнейших и влиятельнейших ордынцах: алфавитные, именные, формулярные и послужные списки. 12 ноября 1827 г. – 9 августа 1917 г. // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. VIII. Ч. 2 / Сост. Б. Т. Жанаев. Алматы, 2006. Док. № 263. С. 257; ГАОрО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7920. Л. 3 об. – 4].

30. **Жаныбек (Джанбек) Бараков** (род. 1813) – бий подразделения шомишти рода табын поколения жетыру Младшего жуза. В 1869 г. участвовал в восстании казахов Тургайской и Уральской областей против введения нового положения. В донесении султана-правителя Западной части оренбургских казахов подполковника Мухаммедгали Таукина в Оренбургскую пограничную комиссию от 28 ноября 1856 г. содержатся следующие сведения о нем: «Джанибек Бараков, бий, 43 лет. Чумичли-табынского рода, карайкуйлиева отделения. Летом кочует по реке Эмбе, верховьям рек Уила, Калмак-Кырган, Кунчар, Хобды и Илека, а зимой – в песках Сам и близ города Кунграда в хивинских пределах. Состояние имеет посредственное, характера скромного, грамоте не знает. Известен усердием и преданностью правительству. Оказывал ли прежде бий этот какие услуги и был ли чем награжден, сведений в делах канцелярии султана-правителя Западной части орды не найдено. В экспедициях не был» [О почетнейших и влиятельнейших ордынцах: алфавитные, именные, формулярные и послужные списки. 12 ноября 1827 г. – 9 августа 1917 г. // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. VIII. Ч. 2 / Сост. Б. Т. Жанаев. Алматы, 2006. Док. № 263. С. 258].

31. **Алдаш Байганин** (род. 1811) – бий подразделения шомишты рода табын поколения жетыру Младшего жуза. В донесении султана-правителя Западной части оренбургских казахов подполковника Мухаммедгали Таукина в Оренбургскую пограничную комиссию от 28 ноября 1856 г. содержатся следующие сведения о нем: «Алдаш Байганин, бий, 45 лет. Чумичли-табынского рода, асанова отделения. Летом кочует по реке Эмба, верховьям рек Уила, Калмак-Кырган, Кунчар, Хобды и Илека, а зимой – в песках Сам и близ города Кунграда в хивинских пределах. Состояние имеет посредственное, характера скромного, грамоте не знает. Известен усердием и преданностью правительству. Оказывал ли прежде бий этот какие услуги и был ли чем награжден, сведений в делах канцелярии султана-правителя Западной части орды не найдено. В экспедициях не был». В 1860 г. в качестве управляющего асановым отделением рода шомишты-табын побывал в составе казахской депутации в Санкт-Петербурге и представлялся императору Александру II. В 1869 г. участвовал в восстании казахов Тургайской и Уральской областей против введения нового положения [О почетнейших и влиятельнейших ордынцах: алфавитные, именные, формулярные и послужные списки. 12 ноября 1827 г. – 9 августа 1917 г. // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. VIII. Ч. 2 / Сост. Б. Т. Жанаев. Алматы, 2006. Док. № 263. С. 258; ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 2929. Л. 96–101].

32. **Азберген Мунайтпасов (Азбирган Мунайтмасов)** (род. 1813) – батыр, бий подразделения тлеу-кабак рода шекты поколения алимулы Младшего жуза, близкий родственник и соратник батыра Есета Котибарова. После убийства султана-правителя Восточной части оренбургских казахов Араслана Джантюрина под давлением русских военных отрядов в 1855 г. увел свои аулы в Хивинское ханство. Оказал помощь новому хивинскому хану Сейид-Мухаммеду (1856–1864) при подавлении восстаний туркмен, каракалпаков, казахов и узбеков, за что был назначен главой части подчиненных Хиве казахских родов, а также сборщиком налогов в Кунграде. Сопровождал брата хивинского хана на встрече 21 июня

1858 г. у залива Айбугир с главой военно-дипломатической миссией полковником П. Н. Игнатьевым.

Возле Кунграда ему принадлежал подаренный хивинским ханом большой сад, в окрестностях которого останавливались на ночлег члены посольства Игнатьева. По свидетельству М. Н. Галкина, «сад окружен высокой глиняной стеной, с бастionsами по четырем углам. Он, говорят, выдержал осаду туркмен; причем внутри него помещалось до 1500 кибиток. Тополи, посаженные в два ряда, идут крестом, на перекрестке устроен четырехугольный бассейн, а в площадях, образуемых аллеями, посажены пшеница и джугара, и по ним рассажены ветвистые абрикосовые и финиковые деревья, увешанные фруктами; тут же посеяно несколько грядок табаку. Каждая грядка обведена канавкой. Хозяин угощал нас под открытым небом на ковре. Началось с фруктов, потом подали в китайских чашках чай, затем пельмени, пилав и в заключение опять чай. Все было весьма сносно и опрятно приготовлено. Фрукты же были очень вкусны. Абрикосы, желтые сливы и красный виноград поспевают тут в начале июня».

В 1858 г. по приглашению флигель-адъютанта капитана 1-го ранга А. И. Бутакова, прибывшего в Кунград на пароходе, вернулся в Казахскую степь со 150 кибитками своих приверженцев, а в 1859 г. за содействие Аральской флотилии получил высочайшее прощение. Оренбургским и самарским генерал-губернатором А. А. Катениным награжден серебряной медалью, суконным кафтаном с галуном и 300 рублями серебром. В 1860 г. в составе казахской депутации посетил Санкт-Петербург и был представлен императору Александру II, в награду получил 150 рублей серебром и был освобожден от уплаты кибиточной подати. Зимой кочевал в песках Барсуки, летом – по реке Ори. В 1860 г. вследствие поземельного конфликта с прилинейными казахами рода тама, имевшими по реке Ори зимовки, Азбергену с сородичами, по распоряжению Областного правления оренбургскими казахами, были отведены для летних пастбищ места по рекам Темир и Уил.

Принял участие в восстании казахов Тургайской и Уральской областей 1869 г. против введения нового положения. Весной 1869 г. Азберген на урочище Кызларчаккан присоединился к хивинскому отряду и привез с собой пленного приказчика Ивана Лаврова, которого подарил хивинскому хану. По приказанию хана в награду ему было выдано 300 тилля. 25 июля 1870 г. возглавил нападение казахов и хивинцев на обоз отряда подполковника Байкова при урочище Чаграй. В 1873 г. при приближении русских войск к границам Хивинского ханства Азберген Мунайтпасов вместе с султаном Хангали Араслановым добровольно явился к начальнику Оренбургского экспедиционного отряда генерал-лейтенанту Н. А. Веревкину и «своим знанием местных условий и лиц принес самую существенную пользу отряду». Генерал Веревкин ходатайствовал перед туркестанским генерал-губернатором генерал-адъютантом К. П. фон Кауфманом, командовавшему войсками, действующими против Хивы, о даровании прощения Азбергену и Хангали, которое последний оставил на усмотрение оренбургского генерал-губернатора Н. А. Крыжановского [*Галкин М. Н.* Выдержки из дневника следования, в 1858 году, из Оренбурга в Хиву Киргизскую степью и Аму-Дарьёю // *Галкин М. Н.* Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю.

СПб., 1868. С. 177–178, 180–181; *Залесов Н. Г.* Посольство в Хиву и Бухару полковника Игнатьева в 1858 году // *Русский вестник. Журнал литературный и политический*, издаваемый М. Катковым. Т. 91. 1871. Февраль. С. 439–440; *Веселовский Н.* Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве. От древнейших времен до настоящего. СПб., 1877. С. 349–356; Очерки истории Каракалпакской АССР. Т. 1. Ташкент, 1964. С. 190; Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771–1867 годы): Сб. документов и материалов / Сост. Ф. Н. Киреев, В. Я. Басин, Т. Ж. Шоинбаев, К. Ж. Жунисбаев, В. С. Мусаева. Алма-Ата, 1964. Док. 332. С. 496–497; ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 2929. Л. 96–101; Д. 4550. Л. 48 и об., 50; ГАОрО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8408. Л. 2–5 об.]

33. **Игнатьев Николай Павлович** (17.01.1832–20.06.1908) – граф (12.12.1877), генерал-адъютант, генерал от инфантерии (1878), русский посланник в Пекине (1859–1860), посол в Константинополе (1864–1877), министр внутренних дел (1881–1882). В 1857 г. Игнатьева предполагалось назначить послом в Персию, но вместо этого он был послан во главе военно-дипломатической миссии в Хиву и Бухару. 15 мая 1858 г. миссия Игнатьева двинулась из Оренбурга в Хиву. В состав миссии входили 16 специалистов по разным предметам, медик и иеромонах, в том числе дипломатический чиновник при оренбургском и самарском генерал-губернаторе М. Н. Галкин, офицеры Генерального штаба капитан В. Д. Салацкий и штабс-капитан Н. Г. Залесов, офицеры Корпуса топографов капитан Я. П. Яковлев и подпоручик Е. Н. Зеленин, лейтенант флота А. Ф. Можайский, астроном К. В. Струве, представитель Академии наук востоковед П. И. Лерх. Конвой посольства состоял из 40 уральских и оренбургских казаков, 32 стрелков оренбургских линейных батальонов при 6 офицерах. Кроме того к миссии был прикомандирован добавочный конвой из 55 казаков при 4 офицерах, который должен был сопровождать ее до хивинского города Куня-Ургенча, а оттуда возвратиться в Уральское укрепление и присоединиться к конвою оренбургского и самарского генерал-губернатора А. А. Катенина, выступившему в степь вслед за миссией Н. П. Игнатьева. Миссию поддерживали суда Аральской флотилии под начальством капитана 1-го ранга А. И. Бутакова. 31 мая 1858 г. экспедиция Игнатьева вышла к реке Эмбе. Сюда 4 июня в лагерь миссии прибыл бывший руководитель движения части казахских племен против России Есет Котибаров, прекративший вооруженную борьбу после объявления Катениным амнистии. Чтобы засвидетельствовать искренность своих намерений и действий, Есет поручил одному из своих сыновей сопровождать Игнатьева в Хиву. 18 июля посольство прибыло в Хиву, и через 10 дней Игнатьев был принят ханом, которому вручил свою «верительную грамоту». Обстановка, однако, оказалась неблагоприятной для выполнения задач миссии. Игнатьев предложил хану подписать «обязательный акт» об установлении дружественных взаимоотношений между Россией и Хивой, который предусматривал: гарантию личной и имущественной безопасности русских торговцев; разрешение русским судам на плавание по Амударье; пребывание в ханстве торгового агента России; установление постоянной пошлины с русских товаров в размере не свыше 2,5%, их стоимости. От имени Российской империи Игнатьев предложил предать забвению все прежние конфликты между обоими государствами и не требовать воз-

мещения за разграбленные ранее караваны русских торговцев, предоставить хивинским купцам права и привилегии, какими пользовались в России купцы других стран Азии, разрешить хивинцам, женившимся в России, вывезти свои семьи на родину, допустить в Оренбург торгового агента Хивы, а также предоставить хану возможность собирать пошлину не только с выгруженных в ханстве товаров, но и с транзитных товаров, провозимых по Амударье. Переговоры тянулись долго, не давая определенных результатов. Наконец хан дал предварительное согласие принять предложенные Игнатьевым условия и заключить «дружественный трактат». Единственным пунктом, вызвавшим упорные возражения, был вопрос о плавании по Амударье русских судов. Хотя хан, казалось, готов был принять «обязательный акт», он всячески затягивал его подписание. 21 августа, когда уже почти была достигнута договоренность о принятии хивинскими властями предложений России, стало известно, что на пароход «Перовский», офицеры которого проводили съемки близ Кунграда, бежал пленный перс, обращенный хивинцами в рабство. Бутаков отказался его выдать и заплатил владельцу раба 20 полуимпериалов выкупных. Этот инцидент вызвал созыв ханского совета. От Игнатьева потребовали распоряжения о выдаче бежавшего и о прекращении съемок. Тот отклонил требование, ссылаясь на отсутствие точных сведений о происшедшем. Все это послужило основанием для хивинских властей к срыву уже намечавшегося соглашения, и 25 августа Игнатьев получил ответные подарки хивинского хана царю.

В Бухарское ханство посольство Игнатьева направилось вверх по правому берегу Амударьи. Несмотря на получение «дружественных писем» и традиционных подарков от хивинских властей, обстановка была очень накаленной, и Игнатьев серьезно опасался нападения на миссию, инспирированного хивинским правительством. Через месяц, в конце сентября 1858 г., посольство Игнатьева прибыло в Бухару. Бухарский эмир Насрулла был занят в это время войной с Кокандским ханством, и предварительные переговоры пришлось вести с его заместителем Мирзой Азизом. Игнатьев изложил шесть требований российского правительства: уменьшение вдвое таможенных пошлин, взимаемых с русских купцов; введение «правильной оценки товаров и ограждение наших торговцев от произвола бухарских чиновников»; разрешение на прибытие в Бухару «временного торгового агента» – русского чиновника; выделение особого караван-сарая для русской торговли и разрешение русским купцам ездить по бухарским владениям; свободное плавание судов Российской империи по Амударье («для перевозки товаров») и, наконец, освобождение русских пленных. 11 октября эмир вернулся в свою столицу. Игнатьев немедленно был принят эмиром и уже через несколько дней, 16 октября, получил письменное согласие бухарского правительства на все свои предложения. 31 октября посольство Игнатьева выехало из Бухары, направившись в форт № 1 на Сырдарье, куда прибыло 26 ноября. В декабре 1858 г., после семимесячного отсутствия, миссия вернулась в Оренбург [*Халфин Н. А.* Политика России в Средней Азии (1857–1868). М., 1960. С. 86–106; *Галкин М. Н.* Выдержки из дневника следования, в 1858 году, из Оренбурга в Хиву Киргизскою степью и Аму-Дарьею // *Галкин М. Н.* Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб., 1868. С. 164–189; *Залесов Н. Г.* Посольство в Хиву и

Бухару полковника Игнатъева в 1858 году // Русский вестник. Журнал литературный и политический, издаваемый М. Катковым. Т. 91. 1871. Февраль. С. 421–474; Т. 92. 1871. Март. С. 42–82; *Терентьев М. А.* История завоевания Средней Азии. Т. 1. СПб., 1906. С. 242–243; Военная энциклопедия. Т. 10. СПб.: Т-во И. Д. Сытина, 1912. С. 565–566; О командировании по высочайшему повелению чинов Генерального штаба в Хиву и Бухару. 9 марта 1858 г. – 5 сентября 1859 г. – РГВИА. Ф. 38. Оп. 2. Д. 1220. Л. 1–140].

34. **Галкин-Враской Михаил Николаевич** (1834–08.04.1916) – потомственный дворянин Казанской губернии. В 1870 г. его мать, происходившая из дворянского рода Враских, исходатайствовала себе и детям право именоваться Галкиными-Враскими. Окончил Казанский университет. В 1854 г. поступил на службу в управление оренбургского и самарского генерал-губернатора дипломатическим чиновником. Участник военно-дипломатической миссии полковника Н. П. Игнатъева в Хиву и Бухару 1858 г. и экспедиции полковника В. Д. Дандевилля на восточное побережье Каспийского моря 1859 г. 21 декабря 1860 г. высочайшим приказом назначен помощником управляющего Областью оренбургских казахов. Опубликовал ряд статей об Оренбургском крае и Средней Азии (собраны в книге: «Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю». СПб., 1868). В 1862 г. отправился в Западную Европу, где пробыл два года, посвятив их, главным образом, изучению постановки тюремного дела на Западе и тюремного вопроса вообще; результатом сего было издание им труда «Материалы к изучению тюремного вопроса». В 1868 г. был назначен эстляндским губернатором, в 1870–1879 гг. – саратовский губернатор. В 1879 г. возглавил вновь созданное Главное тюремное управление. С 1896 г. – член Государственного совета, с 1904 г. – статс-секретарь (1904), действительный тайный советник (1895) [*Левенсон М. Л.* Государственный совет: портреты и биографии. 2-е изд. Петроград, 1915. С. 25–26; формулярный список о службе за февраль 1861 г. – ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 3026. Л. 1–6 об.]

35. Имеется в виду **Мухаммед-Фена**, внук Торе-Мурад-суфи – управлявшего в начале XIX в. независимым Кунградским владением и предательски убитого в 1811 г. собственным мехтером Мендыгаской, которого подкупил хивинский хан Мухаммед-Рахим I. Убийца стал правителем Кунграда, ему наследовал сын Кутлумурад. Уцелевшие родственники Торе-Мурад-суфи жили в совершенной бедности; внук его Мухаммед-Фена нанимался в работники к кунградским жителям, чтобы не умереть с голоду. За жестокость, жадность и злоупотребления при сборе налогов в пользу хивинского хана и свою собственную Кутлумурад был ненавидим кунградскими узбеками, каракалпаками и казахами. Летом 1858 г., во время пребывания в Хиве посольства полковника Н. П. Игнатъева, в Кунграде образовался заговор с целью убийства Кутлумурада и отложения от Хивы. Во главе заговора стояли Мухаммед-Фена и знатный кунградский узбек Кулман-бий. К заговорщикам примкнул казахский бий рода шекты Азберген Мунайтпасов. Мухаммед-Фена говорил бию Азбергену, что так как кунградцев немного и им не устоять против Хивы, то он намерен вступить в союз с предводителем туркмен-иомудов Ата-Мурад-ханом. Азберген резко выступил против этого, утверждая, что после победы им «не развязаться с туркменами, буйными, хищными и вероломными раз-

бойниками, которым ни в чем нельзя верить, которых он давно знает и с которыми не хочет иметь никакого дела», уверял, что сил кунградцев и казахов достаточно, чтобы отстоять свою независимость от Хивы. Мухаммед-Фена уступил в споре Азбергену, а сам, воспользовавшись его поездкой в Хиву по приглашению хана, тайно пробрался в кочевья туркмен и договорился с Ата-Мурад-ханом.

В конце сентября 1858 г. заговорщики убили Кутлумурада, шестерых хивинских таможенных чиновников и сборщиков податей, а затем провозгласили Мухаммеда-Фену кунградским беком. После этого Мухаммед-Фена отправил гонца к туркменскому Ата-Мурад-хану с известием о перевороте и требованием помощи. Бий Азберген, узнав об этом, со своими казахами покинул окрестности Кунграда, где у него был сад, подаренный хивинским ханом, и откочевал на 30 верст ниже по рукаву Амударьи Талдыку, где выстроил себе укрепление. Прибывшие в Кунград 25 влиятельных туркменских старшин и батыров провозгласили Мухаммеда-Фена ханом.

Через месяц после прибытия в Кунград туркменских старшин, приехал туда Ата-Мурад-хан, подтвердил ханский титул Мухаммед-Фены и возвратился в свои кочевья, оставив своему союзнику около 500 туркменских воинов. Сначала туркмены вели себя в городе скромно, но укрепив свою власть, перестали считаться с кунградцами. Не имея никакой казны, Мухаммед-Фена распределил их по домам жителей, которые обязаны были выдавать каждому туркменскому всаднику ежедневно по две тенги (30 копеек серебром) и столько же на содержание лошади. Тяжесть налога усугублялась насилиями туркмен, они безнаказанно отнимали у жителей скот и имущество, даже жен и дочерей. Бессильный Мухаммед-Фена полностью зависел от них и ни в чем не мог им воспрепятствовать. Так, Мухаммед-Фена начал перечекивать хивинские деньги, выпуская монеты со своим именем, причем уменьшив их вес. Туркмены же подделали штемпель с его именем и перекекали монеты, уменьшив их вес в два раза, а на базаре заставляли силой принимать за настоящие. В довершение сего они стали забирать детей у тех горожан, которые не могли содержать своих постояльцев. Детей туркмены отправляли в свои аулы для продажи.

Мухаммед-Фена с отрядом туркменов и кунградских узбеков дважды совершил набег на аулы Азбергена. В первый раз они захватили и убили несколько казахов, угнали значительное количество скота. Азберген, собрав своих сторонников, бросился вслед за ними и после сильной схватки, в которой туркмены и узбеки потеряли до 60 человек, выручил захваченных людей и отбил свой скот. Возвратившись в Кунград туркмены захватили всех бывших там по своим делам казахов и держали их как невольников. Спустя некоторое время туркмены с кунградцами, в количестве 500 человек, снова напали на Азбергена, но также безуспешно.

В марте 1859 г. в Оренбург прибыли посланцы Мухаммеда-Фены и Ата-Мурад-хана с просьбой о занятии Кунграда русским отрядом и установлении русских порядков. Оренбургский и самарский генерал-губернатор А. А. Катенин, находя этот случай удобным для исследования Амударьи, приказал командующему Аральской флотилии А. И. Бутакову произвести топографическую съемку окрестностей Кунграда, пробраться вверх по Амударье и, по возможности, оказать помощь повстанцам.

В начале июня 1859 г. хивинский хан Сейид-Мухаммед-хан осадил Кунград. Однако 21 июня к Кунграду подошла флотилия А. И. Бутакова, хан вынужден был снять осаду и отступить от города. Восторг от снятия осады у Мухаммеда-Фены и туркменских старшин вскоре сменился недоброжелательным отношением к русскому отряду. Мухаммед-Фена хотел, чтобы русские помогли ему завоевать Хиву и сделаться ханом, а иомудские старшины требовали русской помощи в разграблении хивинских городов Кипчака и Ходжейли и разгроме враждебных им туркменских племен чоудоров и гоклен. Бутаков резко отказал им. Туркмены (300 человек) трижды пытались напасть на русских, но видя, что они днем и ночью готовы к отпору, и боясь их картечи, которая произвела на них перед этим сильное впечатление, отложили свое намерение до прибытия Ата-Мурад-хана, который спешил к Кунграду с 4000 туркмен. 1 июля 1859 г. русские оставили Кунград и возвратились к устью Сырдарьи.

Положение кунградцев после снятия осады не улучшилось. Город и окрестности были разорены; торговля почти прекратилась, не всякий рисковал привезти что-либо на базар. Городу в будущем предстоял голод, так как туркмены скормили своим лошадям большую часть посевов, да и хивинские войска при осаде вытоптали окрестные поля. Ата-Мурад-хан убедившись, что разоренный Кунград не представляет для него интереса, уехал сам и увел большинство воинов, оставив кунградскому союзнику только 50 воинов. Этим обстоятельством воспользовался узбекский старшина Кулман-бий, недовольный слабохарактерностью и жестокостью Мухаммеда-Фены и ненавидевший туркмен за их бесчинства. Он послал письмо к казахскому султану Изтлеу, сыну Каипгали Ишимова, с предложением выступить против Мухаммеда-Фены и туркмен. Изтлеу отвечал, что он и все его казахи поддержат Кулман-бия и признают его начальником, если он убьет Мухаммеда-Фену. Вскоре Кулман-бий получил письмо из Хивы, в котором хан, через одного из своих приближенных, обещал особенные милости и убеждал доставить ему голову Мухаммеда-Фены. 1 августа 1859 г. возмущенная толпа во главе с Кулман-бием ворвалась в ханский дом и убила Мухаммеда-Фену; туркменская охрана не оказала сопротивления. Голову и семью Мухаммеда-Фены Кулман-бий отослал в Хиву, откуда для управления Кунградским владением вскоре прибыл новый правитель. Вдов Мухаммеда-Фены хивинский хан Сейид-Мухаммед взял в жены, сыновей приказал зарезать, а пленных туркмен принял на службу [*Бутаков А.* Эпизод из современной истории Средней Азии // Отечественные записки. Журнал литературный, политический и ученый. 1865. Ноябрь. Книжка первая. С. 99–108; *Веселовский Н.* Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве. От древнейших времен до настоящего. СПб., 1877. С. 349–356; Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. II. XVI–XIX вв. Иранские, бухарские и хивинские источники. М.-Л., 1938. С. 594; Очерки истории Каракалпакской АССР. Т. 1. (С древнейших времен до 1917 г.). Ташкент, 1964. С. 194–197; *Бутаков А. И.* Записка о принятии Магометом-Фана Тюр-Суфиевым управления Кунградом и об умерщвлении его. – РГВИА. Ф. 67. Оп. 1. Д. 124. Л. 1–7. Копия].

36. **Даут Асауов (Асавов, Асауов)** (род. 1791) – влиятельный батыр и бий подразделения шомишты рода табын поколения жетыру Младшего жуза, внук

батыра Барака Сатыбалдыулы (1743–1840), сподвижника Сырыма Датулы. Поддерживал тесные связи с Есетом Котибаровым и участвовал вместе с ним 8 июля 1855 г. в нападении на лагерь султана-правителя Средней части оренбургских казахов Араслана Джантюрина. Участник восстания 1869 г. в Тургайской и Уральской областях. В донесении султана-правителя Западной части оренбургских казахов подполковника Мухаммедгали Таукина в Оренбургскую пограничную комиссию от 28 ноября 1856 г. содержатся следующие сведения о нем: «Даут Асаув, бий, 65 лет. Чумичли-табынского рода, карайкуйлиева отделения. Летом кочует по реке Эмба, верховьям рек Уила, Калмак-Кырган, Кунчар, Хобды и Илека, а зимой – в песках Сам и близ города Кунград в хивинских пределах. Состояние имеет посредственное, характера скромного, грамоте не знает. Известен усердием и преданностью правительству. Оказывал ли прежде бий этот какие услуги и был ли чем награжден, сведений в делах канцелярии султана-правителя Западной части орды не найдено. В экспедициях не был» [О почетнейших и влиятельнейших ордынцах: алфавитные, именные, формулярные и послужные списки. 12 ноября 1827 г. – 9 августа 1917 г. / История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. VIII. Ч. 2 / Сост. Б. Т. Жанаев. Алматы, 2006. Док. № 263. С. 258].

37. **Нияз Утаралин** (род. 1813) – бий, зауряд-хорунжий (1855), с 1854 г. – управляющий подразделения кабак рода шекты поколения алимулы Младшего жуза, в 1861 г. уволен от должности и на его место назначен Есет Котибаров. Письмоводитель при султানে-правителе Средней части оренбургских казахов К. Ф. Груздзь в своем рапорте от 15 апреля 1852 г. так описывает его: «Утаралиев Нияз, бий, управляющий кабаковым отделением, сын бия Утаралия, 39 лет. Среднего росту, мужчина с полным смуглым лицом, обыкновенным лбом, продолговатым носом, с черными глазами, с густыми черными бровями и ресницами, с черною небольшою бородою и усами. Чиклинского рода, кабакова отделения, калибекова подотделения. Употребляет именную печать. Место кочевания: летнее – по вершинам реки Орь; зимнее – на месте называемом Улу-Бурсук. Имеет одну жену, четырех сыновей и двух дочерей. Состояния хорошего. Ума, способностей и образования хороших, характера то же. Имеет влияние на своих однородцев и почитается в орде. Предан правительству. Под судом или следствием не состоял, также не был изобличаем в неблагонамеренных и неприличных поступках» [Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771–1867 годы): Сб. документов и материалов / Сост. Ф. Н. Киреев, В. Я. Басин, Т. Ж. Шоинбаев, К. Ж. Жунисбаев, В. С. Мусаева. Алма-Ата, 1964. Док. 332. С. 496–497; О почетнейших и влиятельнейших ордынцах: алфавитные, именные, формулярные и послужные списки. 12 ноября 1827 г. – 9 августа 1917 г. // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. VIII. Ч. 2 / Сост. Б. Т. Жанаев. Алматы, 2006. Док. № 255. С. 201].

38. **Кулат Ураков** (род. 1814) – бий подразделения тобыш рода адай поколения байулы Младшего жуза. Султан-правитель Западной части оренбургских казахов подполковник Мухаммедгали Таукин в донесении в Оренбургскую пограничную комиссию от 28 ноября 1856 г. сообщает следующие сведения о нем: «Кулат Ураков, бий, 42 лет. Адаевского рода, тобышева отделения. Летом кочует при реках Эмбе, Сагызу и Уилу, а зимой – на Мангишлаке, по Усть-Урту и урочи-

шам Кильденем и Чине. Состояние имеет посредственное, характера скромного, грамоте не знает. Известен усердием и преданностью правительству. Оказывал ли прежде бий этот какие услуги и был ли чем награжден, сведений в делах канцелярии султана-правителя Западной части орды не найдено. В экспедициях не был» [О почетнейших и влиятельнейших ордынцах: алфавитные, именные, формулярные и послужные списки. 12 ноября 1827 г. – 9 августа 1917 г. // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. VIII. Ч. 2 / Сост. Б. Т. Жанаев. Алматы, 2006. Док. № 263. С. 255].

39. **Штуцер** – нарезное дульнозарядное ружье, приспособленное для ведения меткого огня на большие дистанции.

40. Копию письма мангышлакского пристава полковника Н. М. Рукина коменданту форта Александровского майору Е. Н. Зеленину от 23 марта 1870 г. см.: РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6825. Л. 149 об. – 150.

41. **Зеленин 1-й Егор (Георгий) Николаевич** (1818–1890/1894) – православного вероисповедания, из солдатских детей. 3 февраля 1834 г. выпущен из Оренбургского батальона военных кантонистов топографом 3-го класса. В офицерском звании с 17 мая 1843 г. В 1839–1840 гг. вместе с братом унтер-офицером Иваном Николаевичем Зелениным 2-м принимал участие в Хивинской экспедиции под командованием оренбургского военного губернатора В. А. Перовского. В 1842 г. снова вместе с братом был в составе посольства подполковника Г. И. Данилевского в Хиву, во время которой с риском для жизни вел топографические съемки не только пути, но и самой Хивы и окружающих ее городов и оазисов. В 1858 г. в чине подпоручика Корпуса топографов состоял в военно-дипломатической миссии полковника Н. П. Игнатьева в Хиву и Бухару, за что награжден орденом св. Станислава 3-й степени и годовым окладом жалованья. Впоследствии воинский начальник (комендант) форта Александровского. Вышел в отставку в чине подполковника, умер в Оренбурге. Оставил после себя воспоминания, которые легли в основу работ дореволюционных авторов П. Л. Юдина и И. Н. Захарьина [Савинова Т. Н. Участники Хивинской экспедиции 1839–1840 гг.: топографы // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 16. № 5 (5). С. 1815–1818; Юдин П. Адаевский бунт на полуострове Мангышлак в 1870 г. // Русская старина. Ежемесячное историческое издание. Год XXV-й. 1894. Июль. С. 135–156; Захарьин И. Посольство в Хиву в 1842 г. (По рассказам и запискам очевидца) // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. 1894. Т. 58. С. 427–447; РГВИА. Ф. 38. Оп. 2. Д. 1220. Л. 64 об.]

42. **Брандскугель** (от нем. Brand – пожар, Kugel – ядро) – зажигательный снаряд корабельной гладкоствольной артиллерии. Состоял из пустотелого чугунного ядра с отверстиями, начиненного зажигательным составом. Применялся с середины XVIII до второй половины XIX века.

43. **Конгревовы ракеты** (англ. Congreve rocket) – пороховая боевая ракета, разработанная Уильямом Конгривом (1772–1828) и состоявшая на вооружении армии Великобритании. После войн с Наполеоном была принята на вооружение в армиях России, Пруссии, Швеции и других государств.

44. **Кутайсов Павел Ипполитович** (1837–1911) – граф, генерал от инфантерии (1900). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разря-

ду. В 1861–1870 гг. участвовал в боевых действиях на Кавказе, занимал должности старшего адъютанта при штабе, затем начальника штаба войск Кутаисской губернии, состоял офицером для особых поручений при главнокомандующем Кавказской армии. С 6 апреля по 10 сентября 1870 г. командовал Мангышлакским отрядом при подавлении восстания казахов-адаевцев. В 1871–1873 гг. – военный агент (атташе) в Лондоне, в 1873–1880 гг. – нижегородский губернатор, в 1882–1884 гг. – управляющий Варшавским жандармским округом, в 1884–1896 гг. – член Совета министра внутренних дел, с 1896 г. – сенатор, с 1904 г. – член Государственного совета, в 1903–1905 гг. – командующий Иркутским военным округом и иркутский военный генерал-губернатор.

45. **Почетный гражданин** – привилегированное звание, введенное в России 10 апреля 1832 г. и присваивавшееся лицам, не принадлежавшим к дворянскому сословию. Звание почетного гражданина давало право на освобождение от рекрутской повинности, подушной подати и телесных наказаний и делилось на два разряда: потомственное и личное. Право получения звания потомственного почетного гражданина приобретали по рождению дети личных дворян, православного духовенства (при условии получения ими высшего или среднего духовного образования с отличием), дети потомственных граждан; купцы, пробывшие 20 лет в 1-й гильдии, коммерц- и мануфактур-советники, ученые, артисты, художники и др. Личное почетное гражданство могли получить дети православного духовенства, не имевшие высшего или среднего духовного образования, чиновники X–XIV классов, лица, имевшие особые заслуги. Почетное гражданство было создано с целью ограничить получение дворянского звания и одновременно распространить ряд привилегий на купцов, чиновников, детей личных дворян и священников.

46. Об этом инциденте упоминается в записках И. В. Чернова: «При введении у киргизов в 1868–1869 гг. нового Положения, недостаточно разъясненного и растолкованного народу, произошло восстание, охватившее всю степь. Для усмирения были посланы отряды из казаков. Один из таких отрядов был вверен чиновнику особых поручений майору Байкову, брату известного афериста, составлявшего различные акционерные компании, которые быстро лопались. Байков со своим отрядом в киргизских аулах производил разного рода насилия. Слух об этом дошел до Крыжановского и для проверки его на месте послан был казачий полковник Карп Ильич Новокрещенов, лично известный Крыжановскому и сопровождавший его при поездках по степи как начальник конвоя. Новокрещенов приехал в стоянку Байкова, нашел там пьянство и всякое безобразие. Байков не только не принял Новокрещенова, как старшего, но приказал казакам раскидать кибитку, в которой остановился Новокрещенов, выбросить его вещи и не исполнять никаких его приказаний. Все было в точности исполнено есаулом Суровым. По возвращении Новокрещенов подал обо всем подробный рапорт, но Крыжановскому не хотелось оглашать этого дела на суде и он просил Новокрещенова написать полегче рапорт. Новокрещенов отвечал, что за ложное донесение он сам будет сильно отвечать, а поступки Байкова сами собой огласятся. Байков был судим и сослан в Сибирь, но через несколько лет даровано ему прощение, и он, кажется, снова поступил на службу» [Записки генерал-майора Ивана Васильевича Чернова / Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. XVIII. Оренбург, 1907. С. 223–224].

47. **Сипайлов Александр Егорович** (род. 1828) – из обер-офицерских детей, православного вероисповедания, получил домашнее воспитание. В службу вступил 26 февраля 1844 г. писцом 2-го разряда в Белебеевский земский суд; 27 сентября 1845 г. переведен письмоводителем в 3-й стан Белебеевского уезда; 2 сентября 1846 г. определен столоначальником следственных дел Белебеевского земского суда; 28 февраля 1847 г. допущен к исправлению должности секретаря того суда; 28 февраля 1848 г. переведен письмоводителем в Бугурусланское окружное управление государственных имуществ; 15 марта 1855 г. перемещен письмоводителем в Бузулукское окружное управление. 18 августа 1859 г. поступил на службу в Областное правление оренбургскими казахами. С октября 1859 г. по ноябрь 1868 г. – чиновник для производства следствий в степи, исправляющий должность секретаря Областного правления оренбургскими казахами по исполнительному и счетному отделениям, судебный следователь 1-го участка Оренбургского уезда, судебный следователь 2-го участка Белебеевского уезда Уфимской губернии, троицкий уездный исправник. 27 ноября 1868 г. назначен председателем организационной комиссии Николаевского уезда Тургайской области, с 1 января 1869 г. – уездный начальник. В первый классный чин коллежского регистратора произведен в 1849 г., в 1852 г. – губернский секретарь, в 1857 г. – коллежский секретарь со старшинством с 17 августа 1856 г., в 1861 г. – титулярный советник со старшинством с 4 декабря 1860 г., в 1864 г. – коллежский ассессор со старшинством 4 декабря 1863 г. Жена Юлия Суворова, сын Александр (род. 25.06.1864) и дочь Варвара (род. 02.10.1866) [Формулярный список за 1869 г. – ЦГА РК. Ф. И-25. Оп. 3. Д. 20. Л. 12–20].

48. **Яковлев Яков Петрович** (1814–1891) – из солдатских детей, православного вероисповедания, полковник (04.07.1869). Воспитывался в 1-й полуроте топографов роты № 4. В службу вступил в марте 1832 г. топографом 2-го класса в Корпус топографов. В первый офицерский чин прапорщика произведен 14 января 1846 г. в возрасте 31 года. В 1832–1860 гг. принимал участие в производстве инструментальных съемок в Казахской степи, неоднократно участвовал в военных экспедициях против отрядов Кенесары Касымова, Есета Котибарова и др.; в 1845 г. сопровождал штабс-капитана К. И. Герна в ставку султана Кенесары Касымова. Участник Хивинской экспедиции 1839–1840 гг., дипломатических миссий в Бухару и Хиву горного инженера подполковника К. Ф. Бутенева 1841 г. и флигель-адъютанта полковника Н. П. Игнатьева 1858 г. В 1861–1868 гг. – начальник Оренбургского укрепления (город Тургай). В 1869–1891 гг. – начальник Тургайского уезда. Умер, состоя на службе. Вдовец, детей не имел. В 1886 г. за нападение на Я. П. Яковлева был сослан в Сибирь Байтурсын Шошакулы, отец выдающегося казахского общественного и государственного деятеля, одного из лидеров партии «Алаш» Ахмета Байтурсынова. Составленные Я. П. Яковлевым топографические описания Наурзумского бора 1849 г. и Восточной части Оренбургского ведомства 1851–1852 гг. были опубликованы нами во втором выпуске альманаха «История Казахстана в документах и материалах» [Формулярный список за 1889 г. – ЦГА РК. Ф. И-25. Оп. 5. Д. 236. Л. 1–11; О почетнейших и влиятельнейших ордынцах: алфавитные, именные, формулярные и послужные списки. 12 ноября 1827 г. – 9 августа 1917 г. // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков.

Т. VIII. Ч. 2 / Сост. Б. Т. Жанаев. Алматы, 2006. Док. №. 350. С. 425; История Казахстана в документах и материалах: Альманах. Вып. 2. Астана, 2012. С. 201–260; О вооруженном сопротивлении, оказанном партией киргизов Тусунской волости тургайскому уездному начальнику при задержании им киргиза Актаса Чучакова. 1885–1887 гг. – ЦГА РК. Ф. И-25. Оп. 1. Д. 2350].

1891–1982 жылдары «Русская мысль» журналында жарияланған «Записки о киргизских беспорядках 1869–1870 гг.» мақаласын және «Из истории волнений в Оренбургском крае (Материалы для истории последнего киргизского восстания). 1869–1870 гг.» еңбегі оқырман назарына ұсынылады. Авторы – Орынбор мен Самара генерал-губернаторы кеңсесінің қызметкері, Орынбор қаласының басшысы болған талантты публицист, өлкетанушы, тарихшы Н. А. Середда (1840–1915). Ол Орынбор облысы мен қазақ даласының XIX ғасырдың екінші жартысындағы тарихын жазған бірқатар мақаланың авторы. «Русская мысль» журналындағы мақала Кіші жүз қазақтарының 1869–1870 жылдардағы жаппай көтерілісі тарихына арналған іргелі еңбек, мұнда автор ресми архив құжаттарына ғана емес, сонымен қатар болған оқиға куәгерлерінің жазбаша және ауызша айғақтарына сүйенген. Н. А. Середаның патша әкімшілігінің көтеріліске себеп болған әрекеттерін сынайды. Н. А. Середаның жұмысы бүгінгі күнге дейін ғылыми маңызын жойған жоқ, XIX ғасырдағы қазақтардың соңғы көтерілісінің құнды дереккөзі дер едік.

The readers are invited to the publication '«Notes on the Kyrgyz riots of 1869–1870» and the work «From the history of unrest in the Orenburg region (Materials for the history of the last Kyrgyz uprising). 1869–1870», published in the journal «Russian Thought» in 1891–1982, an official in the Chancellery of the Orenburg and Samara Governor General, Orenburg mayor, a talented publicist, historian and ethnographer, Nikolai Akimovich Sereda (1840–1915) – the author of a number of publications on the history of the Orenburg region and the Kazakh steppe of the second half of the 19th century. The article in the journal «Russian Thought» is a fundamental work devoted to the history of the mass uprising of the Kazakhs of the Junior' (Kishi) Zhuz in 1869–1870, where the author took into account not only official archival documents, but also a wide range of written and oral testimonies of eyewitnesses of the events.

Nikolai Sereda criticizes the actions of the tsarist administration that had led to the uprising. The work of Nikolai Sereda has not lost its scientific significance today, a valuable source on the history of the last Kazakh uprising in the 19th century.

ҚАБЫШ ИСАҰЛЫ БЕРДАЛИН – АЛАШ АЗАМАТЫ

Халқымызда «Жақсының аты, ғалымның хаты өлмейді» деген жақсы нақыл сөз бар. Осы орайда, халқының мүддесі үшін сара жолын сарп етіп, мұрасын тарихта «тайға таңба басқандай» етіп қалдырған небір зиялылар киелі Кереку өңірінен шықса, солардың қатарында Қазақстан Ғылым Академиясының негізін қалаушы Қаныш Сәтбаев, қылышынан қан тамып тұрған қоғамдық-саяси жағдайда отаршылдықты ойрандата білген Кенесарыны азаттық айбыны етіп танытқан алғашқы тарих ғылымдарының докторы Ермұхан Бекмаханов, әлемдік ғылымның аясына соңғы қола дәуірінің Беғазы-Дәндібай мәдениетін алып шыққан Әлкей Марғұлан, өткен ғасырдың басында ұлтымыздың азаттығын аңсап, тәуелсіздікке талпынған ұлт-азаттық «Алаш» қозғалысының қайраткерлері Кошмұхамбет Кемеңгеров, Жүсіпбек Аймауытов, Сұлтанмахмұт Торайғыров, Қабыш Бердалин, Ахметолла Барлыбаев, Мұқыш Боштаев және тағы басқа азаматтарды тізбектей беруге болады.

«Алаш» демократиялық партиясы мен жергілікті жердегі Алашорда ұйымының қызметі Павлодар уезіндегі Алашорда Кеңесін басқарған көрнекті саяси және қоғам қайраткері Қабыш Исаұлы Бердалин есімімен тікелей байланысты. «Қалың елім, қазағым» деп, ұлтжандылықты жүрегіне ұялата білген ардақты азаматтың саяси сауаттылығымен қатар оның ақындық өнерін қаламынан туындаған өлең-жырлары дәлелдей түседі. Атап айтқанда, «Шүкірлік», «Ғабдылманап (Манап) інісіне жоқтауы», «Мәкпуза бәйбішесіне арналған жоқтауы», «Қара ат», «Иманкүл (Бозғозы найман) досына арналған өлеңі», «Кәмпескеге арналған өлеңі», «Адасқанда», поэмасы (Екібастұз қаласындағы Қазыбек Нұралын деген азаматта сақтаулы). Алаш азаматының арап тілінде жазылған өлеңдер қолжазбасы Ұлттық Ғылым академияның ғылыми кітапханасындағы қолжазбалар және сирек кітаптар бөлімінің № 563 папкасында сақтаулы.

Өкінішке қарай, бүгінгі таңда Қабыш Бердалиннің өмірбаяны мен қоғамдық-саяси қызметі туралы мәлімет аса көп емес, сол себепті тұлға туралы тың деректерді табу, оның тарихи тұлғасын ғылыми-танымдық тұрғыдан зерттеу – жақын маңдағы міндеттің бірі болу керек. Айта кетерлік жайт, Қ. Бердалин аймақтағы атақты адамдардың тікелей ұрпағы болып табылады. Атап айтқанда, Баянауыл сыртқы округінің аға сұлтаны Қазанғап Сатыбалдыұлының немересі және Ертіс өңірінің белгілі кәсіпкері, Алтыбай болыстығының басшысы Иса Бердалиннің баласы. Қабыш Бердалиннің бойындағы азаматтық жақсы қасиеттерді жоғары бағалаған ақсақалдар оны «текті адам болған» деп еске алады. Мысалы, Қабыш Исаұлын 5–6 жасында көзі көрген Қабиден Жұмабеков: «Ол кісі ұзын бойлы, сақалы кеудесіне түскен, мойны екі қарыс, аққұбаша» келген адам еді деп суреттейді. Өткен ғасырдың елді қыспаққа алған 30-жылдардағы аштықтың ықпалынан Қабиден ақсақалдың ата-анасы Омбыға жер аударуға мәжбүр болады. Осы кезде олардың үйіне Кеңес үкіметінен қашып жүрген Қабыш Исаұлы Бердалин келеді. Қазақтың салтымен келген қонақтың қолына су құйған бала Қабиден алаш азаматының батасын алады. «Баталы құл арымас, батасыз құл жарымас» дегендей, алған батаның ықпалы болар, отбасындағы он екі баланың екеуі ғана аштықтан аман-есен қалып, соның бірі батасын алған бала болды. Жалпы, кейінгі кезеңде де соғыстан он екі мүшесінің аман оралуы мен қызмет бабындағы,

отбасындағы жетістіктерге (Қабиден ағаның бір баласы тәуелсіз Қазақстанның ірі кәсіпкері, ТОО «Пульс» негізін қалаушы) әсер еткен «Қабыш ағаның батасы» деп, кетерінде отбасымызға Қабыш Бердалин сағатқа жуық бата берген еді деп Қабиден ақсақал еске алады.

Арғын ішіндегі «бәсентиін-бөрі» Қабыш (азан шақырып қойған аты – Әбдіжапар) Бердалин 1867 жылы (кей деректе 1873 ж.) сол кездегі Семей облысының Павлодар уезіне қарасты № 8 ауылда (ата қонысы осы күнгі Қаныш Қамзин атындағы ауыл, ал жаз жайлауы «Ақкөл-Жайылмаға» жақын «Шұрық», «Сарықамыс» деген өзендерінің бойы екен, бұл жерде көл және Қабыш аралы бар) дүниеге келген [1]. Кеңес үкіметі орнаған 1917 жылға дейін Павлодар уезінің Қараоба болысын басқара отырумен қатар болыстық биге сайланып, би-ақсақалдар сотына төрағалық жасаған. Қариялардың айтуына қарағанда, Исаұлы Қабыш өте білімді адам болған, ағартушылық және діни сауаттылықты қатар меңгеріп, бірнеше тіл білген. Еңбек ардагері Шоры Қамзиннің мәліметі бойынша 1965 жылы Потанин совхозының «Күрең ат» жайлауында көп жылдар бойы Қабыш мырзаның арнаулы ат күтушісі, делбе ұстаушысы болған Шайхы ақсақалмен жолығып, ол кісінің Қабыш Исаұлының адамгершілігін үлкен хикая етіп айтылғаны баяндалады [1]. Сонымен қатар, 1936–37 жылдары Алматыда болған әншілер жиынына қатысқан Әбдіғазиз Әлтайұлы да (1967 жылы 80 жастан асып, дүниеден қайтты) жас кезінде Қабыштың әнші-қосшысы болып, ел аралап, жиын, той, бәйгеге қатысқан уақыттарын Шора ақсақалға ерекше әңгіме еткен [1]. Бұдан басқа қарамағында Файзурахман Тасыбайұлы қажы деген молдасы (7 ауылдікі, қазір Абушахман Бектасов деген тумаған баласы бар) және етікшісі болған.

Павлодар уезі және жалпы Семей облысы аумағындағы тұрғындардың арасында Қабыш Исаұлы Бердалиннің беделі өте жоғары болған. Өз заманында «Алаш» партиясының аймақтағы белді мүшесінің бірі болып, Ә. Бөкейханов, А. Байтұрсынов, М. Дулатов және өзге алаштың азаматтарымен сыйлас, сырлас болған.

«Қабыштың жаратылыс тұлғасы бөлекше еді. Ұзын бойлы, екі шекесі торсықтай, өте көрікті кісі болды. Сабырмен сөйлейтін, әрбір сөзі алтын еді»- деп, әкесінің айтқан сөзін Жұмаш Абдуллин ақсақал (әкесі Абдолла Қ. Бердалиннің жолдасы болып, милициядан қашып жүрген Омбыдағы Қабышқа арнайы барып қайтқан) есіне алады [2]. Кезінде Біржан Сарамен айтысында «Ұл тумас Қазанғаптай ата ұлынан» десе, Құдайберген ақын Қадишамен айтысында Кереку-Ертіс өңірінде Қабыш Бердалиннің беделдігі атап өтіледі:

«Затында Апай-Бөрі Қабыш боп тұр
Қабыштар Керекуді қырына ілген» [2, 3].

Тәркілеу болардан бұрын, Қабыш дүние мен малдан безіп, «Күрең ат» деген атына салт мініп:

«Кетіп барам елімнен,
Туып өскен жерімнен.
Құтқара гөр Алла деп,

Елдегі белсендіден», – деп, Омбы жаққа кетіп қалғанын талай естіген едік дейді Жұмаш ақсақал [3].

Қазақтардың әлеуметтік-экономикалық өміріне қатысты маңызды және қандай да даулы мәселелерді шешуде халықтың атынан делдалдық қызметті де атқарып отырды. Дәлел ретінде архив құжаттарын келтірер болсақ, «...Для подписания плана и заключения нотариального арендного договора с Киргизским Горнопромышленным

Акционерным обществом и для других дел мы единогласно избираем из своей среды Абдулжаббара, он же (Кабыша) Исина-Бердалина и Мухаметамина Темирова и все что они в пределах настоящего договора законно учинят, мы верим, спорить и прекословить не будем. К сему договору подписуемся:...23 января 1916 г. аул № 3 Павлодарской волости. Аульный старшина 3 аула Садвокас Джанпеисов, Народный судья 3 аула Павлодарской волости Абдрахман Молдабаев» [4, 3–4 П.]. Келесі бір құжатта: «...1916 года 25 февраля, мы, нижеподписавшиеся волостные выборные Павлодарской волости и уезда, собравшись на волостном съезде выборных в количестве 12 человек в присутствии волостного управителя Павлодарской волости постановили: Настоящий Приговор № 3 аула нашей волости от 23 января с.г. на отдачу в аренду киргизскому Горнопромышленному Акционерному Обществу земель из зимовых стойбищ и о избрании доверенным киргиза Абдулжаббара Исина-Бердалина утвердить единогласно. В сем подписуемся: ... Абдулжаббар Бердалин, Павлодарский волостной Управитель: Б. Кенжетгаев» [4, 4-5 П.].

Қабыш Бердалиннің Қазақстанның Солтүстік-Шығыс аймағында қоғамдық-саяси қызметінің және беделі жоғары болғанын дәлелдейтін тағы тарихи дерек келтірсек. 1919 жылдың 7 шілдесінде құрамында Р. Марсеков (Семей облыстық Қазақ комитетінің төрағасы), Қ. Бердалин (Павлодар уездік Алашорда Кеңесінің төрағасы) және Т. Құнанбаев бар Семей облыстық делегациясын Уақытша Сібір үкіметі Министрлер Кеңесінің төрағасы қабылдайды. Қазақтың сот ісі, қазақ жерлерінің әкімшілік құрылымы, жер қатынасын реттеу сынды мәселелерімен келіссөз жүргізген делегация мүшелері қазақ зиялыларын қудалауды тоқтату қажеттілігін де назардан тыс қалдырмаған [5].

Қабыш Бердалиннің Бибіханым Оспанқызынан (руы «апай», әкесі Оспан уездегі белгілі адам) туған Исина Нүрән Қабышқызының (1925–1991) айтуына қарағанда, әкесі білімді және діни сауаттылығы терең, құрметті адам болған. Той-думанның құрметті адамы болатын ол кісі тойда қолына домбыра алып, ән салатын. Сондай бір тойда бахадүр палуан Қажымұқан Мұңайтпасов та қатысқан. Исаулы Қабыш елдегі діни мәселеге ден көңіл бөліп, қызу қатысып отырған. Атап айтқанда, білімді және діни көзқарасы бар азамат ретінде Орталық Рухани мұсылман Басқармасының Павлодар округіндегі өкілі Бүкілресейлік мұсылмандар съезіне қатысты.

«Алаш» халықтық-демократиялық партиясының қалыптасқан кезеңінен-ақ Қабыш Бердалин оның жақтасы болды. Орынбор қаласында 1917 жылдың 5–13 желтоқсан аралығында өткен ІІ жалпықазақ съезінің шешімі бойынша «Алаш» ұлттық-аумақтық автономиясы жарияланып, оны басқаратын Уақытша Алашорда Ұлт Кеңесі құрылды. Орынборда өткен съезге Павлодар уезінен Ахметолла Барлыбаев және Қабыш Бердалин сайланды. Міне, осы тарихи оқиғадан кейін Дала өлкесінің барлық облыстары мен уездерінде Алашорданың жергілікті ұйымдары – облыстық және уездік Кеңестері құрыла бастады. Съездің қарарында төмендегі шешімдер нақтыланды:

«...1. Бөкей Ордасы, Орал, Торғай, Ақмола, Семей, Жетісу, Сырдария облыстары, Ферғана, Самарқанның қазақ уездері, Амудария бөлімі, Каспий облысы, Алтай губерниясының қазақ болыстықтарынан ортақ тілі, мәдениеті, тарихы бар тұтастықта ұлттық- аумақтық автономия құру;

Қазақ облыстарының автономиясына «Алаш» атауын енгізу;

Алаш автономиялық облыстарының аумағы барлық байлықтарымен, қазбаларымен Алаш меншігіне тиесілі.

Қазақ ұлтының арасында тұратын жекелеген ұлыстардың құқығы сақталады...

Алаш облыстарын анархия ыдырауынан қорғау үшін құрамы 25 адамнан тұратын Уақытша Алашорда Ұлт Кеңесін құру, оның 10 орны қазақтар арасында тұратын орыс және өзге ұлт өкілдеріне тиелі. Алашорданың орталығы ретінде уақытша Семей қаласын белгілеу. Алашорда шұғыл арада қазақ даласындағы барлық атқарушы билікті алуы керек...» [4, 3–4 П.; 6].

Азда болса (екі жылға жуық) халықтың болашағы үшін қызмет қылған «Алаш» ұлттық-аумақтық автономиясының үкіметі – Уақытша Алашорда Ұлт Кеңесі 1918 жылдың 11–24 маусым аралығында заңдық күші бар бірнеше қаулы қабылдады. Атап айтқанда:

Кеңес үкіметінің заңдары мен қаулыларын жою;

Земство мәселесі;

Әскери Кеңес құру;

Дін, баспасөз, жиналыс, жариялық пен бостандық;

Жер мәселесі;

Темір жол туралы;

Мемлекеттік салық саясаты;

«Алаш» ұлттық-аумақтық автономиясының аумағында жерді пайдаланудың «Уақытша ережесі» (12 бөлімнен құралған).

Шындығында, Алашорда үкіметі өз қызметін қалыптасқан кезеңінен, яғни 1917 жылдың 13 желтоқсанынан бастады. Алайда, 1918 жылдың қаңтарында Семей облысында Кеңес үкіметі орнап, Алашорда үкіметінің Алаш қаласында орналасқан оның Шығыс бөлімі жұмысын уақытша тоқтатуға мәжбүр болды, тек 1918 жылдың маусымында большевиктер билігі құлатылған кезде ғана өз ісін қайта жалғастырды [7].

Семей облысының Павлодар уезінде большевиктердің ықпалы өте зор болды. Сондықтан да, Қабыш Бердалин басқарған уездік Алашорда Кеңесі Семей облыстық (төрағасы – Биахмет Сәрсенов, ал Кеңес мүшелерінің бірі Әбікей Сәтбаев болды) және өзге уездік Кеңестерге қарағанда кеш құрылды [5, 106-б.]. Большевиктерге бүйрегі бұрған Павлодар уезінің 7-ауыл тұрғыны Қарамбаев халықты жинақтап, жасырынған орыс большевиктерін құпияда сақтау керектігі жөнінде нұсқау береді [6, 119-б.]. Сол себепті, 1918 жылдың 15 ақпанында өткен Павлодар уезінің алғашқы қазақ съезі большевиктер қыспағында өтті (1917 жылдың желтоқсанында Павлодар қаласына майдангер әскерилердің келуі тепе-теңдік күшінің басымдылығын жұмысшы және солдат депутаттары Кеңесінің пайдасына шешіп, 1918 жылдың 18 қаңтарында Павлодарда большевиктер билігі орнаған еді [8, 12 П.]). Съезде ұлттық қаржы қорын қалыптастыру мәселесі қарастырылды. Оның жұмысына Тұрағұл Құнанбаев және Міржақып Дулатов қатысып, жиналған қауым алдында сөз сөйледі. Алаш азаматтарының ұлттық қаржы қорын құру жөніндегі шақыру үндеуге жауап ретінде қала халқы 21939 сом жинап, бұл шара өз жалғасын табатынына сенім білдірді. Сонымен қатар, қаланың татар тұрғындары да ұлттық қаржы қорын өзіндік үлес қосу мақсатында қорға 8500 сом өткізген [6, 115–116 б.]. Айта кетерлік жайт, Павлодар қаласының және уездегі қазақ халқы өзге облыстар мен уездер секілді Кеңес үкіметін құшақ жая оңтайлы қабылдай алмады. Онын басты себебі – олардың саяси сипаттағы бағдарламасы болды, яғни бұл уез қазақтарының дені қолдаған «Алаш» партиясының идеологиялық бағдарламасына тіптен қарама-қайшы болды [4, 12, 16 П.]. Қ. Кемеңгеров, Ж. Аймауытов, Қ. Бердалин, С. Торайғыров, М. Боштаев, Әбікей және Қаныш Сәтбаевтар сын-

ды қазақ зиялыларының өкілдері, «Алаш» партиясының жақтастары өз қызметінің алғашқы күнінен-ақ ұлттық автономия құру идеясын жоғары ұстаған болатын. Ал, большевиктер (жұмысшы және әскерилер депутаттарының кеңесі) керісінше бұған қарсы бағыт ұстанып, іс-әрекетінің нәтижесінде Алашорда үкіметін жоя білді. Алашорданың аяқ басқан уақытында қолдау көрсеткен Уақытша үкімет, кейін оның орнына келген Уақытша Сібір үкіметі, Колчакшылдар мен Алашорда жетекшілерінің арасында уақыт өте қазақ жерінің болашақ ұлттық құрылымы жөніндегі мәселелер бойынша түсінбеушілік туындады. Осының нәтижесінде «Алаш» жетекшілерінің бір бөлігі Кеңес үкіметінің жағына шығып, қазақ мемлекетігі үшін күресті жалғастырды. Осы орайда Қабыш Бердалиннің көзқарасына келсек, ол өмірінің соңына дейін өз ұстанымына адал және ұлттық тәуелсіздік жолындағы күрескер ретінде қалып, Кеңес үкіметін қаламады.

Павлодар уезінің II қазақ съезі қалада Кеңес билігі құлаған тұста (1918 жылдың маусым басында қалалық буржуазия, облыстық және уездік қазақ комитеттерінің ықпалымен Кеңес үкіметі құлатылып, қайтадан түпкілікті 1919 жылдың 29 қарашасында орнаған болатын [8, 12, 16 П.]), яғни 1918 жылдың 13-16 маусым аралығында өткен болатын. Съезд қорытындысының маңыздылығы жоғары болды, себебі ресми түрде Павлодар уездік Алашорда Кеңесі құрылып, төрағалыққа Қабыш Бердалин, төраға орынбасары болып Ахметолла Барлыбаев сайланды [9, 12 П.]. 1918 жылдың 9-28 шілде аралығында өтетін Павлодар уездік Земство жиналысына үміткерлерді дайындау туралы шешім қабылдаған уездің Алашорда Кеңесі, бұл міндетті уездік Кеңестің мүшесі А. Барлыбаевқа тапсырады [6, 116-б.].

Қ. Бердалин жетекшілігіндегі Алашорданың уездік Кеңесі жас қазақ мемлекетінің негізін қалыптастыруда айтарлықтай жұмыс жүргізді. Атап айтар болсақ, уездік Алашорда Кеңесінің басшылығымен Павлодар уезінде большевиктерге қарсы күрес үшін 150 жігіттен құралған «Алаш» әскері құрылды (Алаш әскерінің құрылуы қазақ халқының Кеңес билігін қабылдамауын ғана көрсетпей, сонымен қатар большевиктерге қарсы күресте болғанын көрсетеді [5, 106-б.]). 1919 жылдың қараша соңында Павлодар уезінде Кеңес үкіметінің толықтай орнауына байланысты уездік Алашорда Кеңесі өз қызметін тоқтатуға мәжбүр болды.

Кеңес үкіметінің идеологиялық танымын қабылдамаған Алаш азаматтарының кейінгі тағдыры тарс үзілсе, Қабыш Бердалин өмірінің қайғылы кезеңі де большевиктік билікпен байланысты болды. Қазақ ауыл шаруашылығына түпкілікті бетбұрыс жасаған жаппай ұжымдастыруға бет бұрған тұста, яғни 1928 жылдың екінші жартысында Қабыш Исаұлының отбасы 6 адамнан тұрған (жұбайы Бибіханым, ұлдары Фарит 1910 жылы туған және Ғабдұлбәри 1927 жылы туған, қыздары Файза шамамен 1918 жылы туған және Нүрән 1925 жылы туған). 1928 жылдың 27 тамыздағы Қазақ Орталық атқару Комитеті Декретінің 1 және 5 бабтар негізіне сәйкес Павлодар округінің атқару комитетінің Президиумы 1928 жылғы 18 қазанда Қабыш Бердалиннің мал-мүлкін тәркілеп, жанұясын (қосымшадағы фотосуретті қараңыз) Ақтөбе округіне жер аудару жөнінде шешім қабылдайды. Бұл жөнінде мұрағат құжатында төмендегідей дерек келтірілген: «...Постановили: гражданина Павлодарского района Бердалина Кабыша, 55 лет, грамотный, членов семьи – 6 человек. На 01.01.1928 г. в переводе на крупный рогатый скот имел 50 голов КРС. Во время царизма в продолжение нескольких лет бессменно состоял волуправителем. Потомок потомственных граждан. Дед, отец и он имели от царского правительства награды – медали и халаты. Пользовался громадным

влиянием. При колчаковщине состоял членом партии «Алаш» и был избран председателем Павлодарского Совета «Алаш». Организовал добровольные казакские отряды для борьбы с советской властью. Для этой же цели собирал пожертвования деньгами и скотом. При колчаковщине состоял гласным Земской Управы. В 1922 г. во время восстания «черных банд» совместно с Раисовым организовывал террористическую группу, поставившей себе целью уничтожения казакских коммунистов. Представителем Центрального Духовного Управления выдвигался на должность Мухтасиба, как наиболее религиозный и авторитетный человек в округе. В рукописях распространяет стихи антисоветского характера. Руководствуясь ст. 1 и 5 Декрета КазЦИК от 27 августа с. г. постановили: скот и имущество конфисковать и выслать с семьей в Актюбинский округ. Согласно п. 17 инструкции к Декрету предложить Бердалину с семейством в течение 2-х недельного срока со дня объявления окрупномоченного выехать к месту ссылки согласно п. п. 2, 3 и 4...»

Қабыш Исаұлының жұбайы Бибіханым Оспанқызы Қазсовнарком төрағасының атына туған жерден қоныс аудармауын өтініп, оның себебін өзінің және балаларының еш кінәсіз екендігі мен бір жасар баланың болуымен дәйектейді. Алайда, жер аударудан босату туралы өтініш 1928 жылдың 14 қазанында Қызылордадағы Қазақ Орталық атқару Комитетінің Президиумы жанындағы тәркілеу Комиссиясында қаралғанмен, бұл шешім еш өзгермеді. Тіпті, Қабыш Бердалиннің жанұясын Ақтөбе округіне көшіру уақыты нақтыланып, ол 1928 жылдың 1 қарашасы боп белгіленді. Аталмыш жерге қоныс аудару барысындағы ауыртпашылық, соның нәтижесінде жолда жабысқан аурудан Бібіханым Оспанқызы қайтыс болып, Ақтөбе қаласында жерленеді. Осыдан кейін үлкен ұлы Фариттің басшылығымен барлық балалары әкесіне жақын Омбы қаласына көшіріледі (жоғарыда атап өткеніміздей, әкесі Қабыш мал-мүлікті тәркілеу шешімі жарияланғанға дейін Омбы облысына кеткен болатын). Осы кезде, яғни 1930 жылдардың басында елде жалпы аштық басталып, кіші балалары Нүрән мен Ғабдұлбәридi аман сақтау үшін Омбы қаласындағы балалар үйіне тапсырылады (Омбы облысының қазақ ауылына ерте тұрмысқа шыққан үлкен қызы Файза аштықтан келген аурудан қайтыс болған).

Павлодар округтік атқару комитетінің тәркілеу мен айып шешімін тоспай, жергілікті милиция мен ОГПУ ұйымдарының қудалауынан жасырынған Қ. Бердалин алғашқыда Омбы облысының Қызылту ауданында, одан кейін осы облыстың № 4 ауылында тұрады. Осы өңірде өзге атты жамылған Қабыш Исаұлы «Алаш» партиясының жақтастарымен ыңтымақтастықты қызу жалғастыра отырып, Кеңес үкіметінің қуғындау саясатының солақайлығын және жекелеген коммунистердің іс-әрекетін өлең жолдары арқылы халыққа таратып отырды. 1934 жылдың 7 қаңтарда тыңшылардың жеткізуі барысында асыл азаматты ОГПУ ұйымдары тұтқындап, біраз уақыт Омбыдағы қалалық түрмеде ұстайды. 1934 жылдың 15 наурызында Батыс-Сібір өлкесінің ОГПУ ПП «Ерекше үштігінің» қаулысы негізінде РКФСР ҚІ-нің 58-10-11 бабы бойынша революцияға қарсы қызметке қатысы бар деген айыппен 3 жылға бас бостандығынан айрылады. Жазаны өтеу үшін ОГПУ Сібір лагерінің Юрга лагеріне жөнелтіледі. Толық емес мәліметтер бойынша, Қабыш Исаұлы Бердалин 1934 жылдың 3 маусымынан 1935 жылдың 1 қаңтарына дейін Сібір лагерінің Сулов бөлімінде, ал 1935 жылдың 1 қаңтарынан Сібір лагерінің Тайга бөлімінде қамалынып, 1935 жылдың 9 сәуірінде сонда қайтыс болады (қазіргі Кемеров облысының Тайга стансасы, 1943 жылға дейін Новосібір облысына қараған). РКФСР ҚКК-нің 4-бабтың 5-тармағына

сәйкес 1957 жылғы 29 наурызында Сібір әскери округінің Әскери сотының № 260 анықтамасы Қабыш Бердалин іс-әрекетінде қылмыстың еш жоқтығын анықтап, 1934 жылғы 15 наурыздағы ОГПУ Ерекше Үштігінің қаулысының күшін жойды. 1996 жылғы 18 маусымдағы Сібір әскери округінің Әскери сотының № 1360 анықтамасы Қабыш Исаұлы Бердалинді толық ақтап, оның негізсіз сотталуы «үштіктің» айыбы екенін айғақтап берді.

Дегенмен де, сол бір «шаш ал десе, бас алған» заманда қазақтың бетке шығар қаймағы қалқып алынды. Қылышынан қан тамып тұрған тұста халық Қабыш Бердалиннің атын атап, өлеңін айтуға қорықты, кішігірім ортада батыл жандар ғана «...Қайран, асыл азамат!» деп, тек күрсінумен болды. Бұған кінәлі қоғамды «ашса алақаныңда, жұмса жұмыдырығыңда» ұстаған кеңестік-тоталитарлық жүйе болды. Күйе жағылған асыл азаматтарымыздың атын атап, болашаққа мұра етіп қалдырған еңбегін елге таныстыру мен шығармаларымен шаттануға қатал тиым салған коммунистік идеология халық жадынан өшіруге қаншама тырысқанымен, бұл әрекеті жүзеге аспады. Тәуелсіздіктің таңымен келген егемендіктің арқасында «өшкеніміз жанып, өлгеніміз тіріліп жатқан» тұстағы алау отының бір шоғы болған Қабыш Исаұлы Бердалин халық жүрегінде мәңгілік сақталмақ.

Әдебиеттер

1. *Шора Қамзин*. Уақыт озғанмен, асыл тозбайды // Қызыл ту. – 1989. – 23 наурыз.
2. *Жұмаш Абдуллаұлы*. Қабышым Керекуді қарнына ілген // Сарыарқа самалы. – 1996. – 29 қазан.
3. *Жұмаш Абдуллин*. Жіберді алыс жерлерге // Сарыарқа самалы. – 1992. – 16 мамыр.
4. Қазақстан Республикасының орталық мемлекеттік архиві. 15-Қ., 1-Т., 1605-І.
5. *Нұрбек Шаяхметов*. Ел бүгіншіл, менікі ертеңгі үшін. – Алматы: АМУ, 2001. – 119 б.
6. *Ильясова К. М.* Қазақ съездері: қаралған мәселелері, шешімдері және олардың орындалуы (1917–1919 жж.). Тарихи талдау. – Алматы, 1999. – 157 б.
7. *Ерлан Сайлаубай*. Алашорда үкіметінің Шығыс бөлімі. т. ғ. к. дәрежесін алу үшін арналған диссертация. – Алматы, 2001. – 115 б.
8. Павлодар облыстық мемлекеттік архивінің қалалық бөлімі. 7-Қ., 1-Т., 20-І.
9. Павлодар облыстық мемлекеттік архиві. 1466-Қ., 1-Т., 1, 2-І.
10. Звезда Прииртышья. – 1993. – 28 января.

Статья посвящена Кабышу Бердалину. Деятельность этого видного политического и общественного деятеля, возглавлявшего совет Алашорды в Павлодарском уезде, рассматривается на основании архивных документов. Приводятся исторические факты, свидетельствующие об активной общественно-политической деятельности и высоком авторитете Кабыша Бердалина в северо-восточном регионе Казахстана.

The article is dedicated to the figure of «Alash» Kabysh Berdalin. The activities of a prominent political and public figure who headed the «Alashorda» council in Pavlodar district are considered on the basis of archival documents. Historical facts are given, testifying to the high social and political activity and authority of Kabysh Berdalin in the north-eastern region of Kazakhstan.

«ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ МОР» В КАЗАХСКОЙ СТЕПИ

Опустошительные эпидемии инфекционных заболеваний имели место во все периоды истории человечества. Число жертв эпидемий иной раз значительно превышало потери, которые приносили войны. По борьбе с любой болезнью, и тем более с пандемией, принимались самые порой примитивные меры: начиная от изоляции больных вплоть до их истребления. К примеру, такое явление имело место в начале XX века в одной из русских губерний, когда во время эпидемии гриппа «испанка», унесшей до 100 млн. жизней по всему миру, в России подверглась расстрелу одна из славянских семей. Местная власть уличила их в умышленном причинении вреда окружающим. Этот грипп к тому времени стал своего рода пандемией, охватившей практически всю Россию, в том числе и Казахскую степь. В целях защиты населения от недуга и его распространения повсеместно принимались меры карантина. Но, к сожалению, проконтролировать все доступные маршруты «носителей» в те годы было невозможно.

Наиболее распространенными инфекционными заболеваниями в казахских степях были бубонная чума, тиф, лихорадка, цинга, которые пагубно отразились на численности казахского народа в XIX – начале XX веков. Но при этом можно отметить, что по сравнению с оседлыми народами степняки были меньше подвержены губительным эпидемиям. Здесь скорее всего сыграли свою роль образ жизни кочевого и полукочевого общества, традиционная кухня и народные лечебные средства.

На протяжении двух веков, с 1731 по 1991 годы истории двух государств – Казахстана и России – были неразрывно связаны. Всю трагедию тех времен народы переживали вместе. К примеру, сохранилась заметка от 1894 года в европейском издании «The Evening Dispatch» (автор неизвестен) о заразном, но не разрушительном гриппе, хотя, по наблюдениям автора, в самом начале его появления в степи он был очень динамичным и охватывал приличные масштабы [1, с. 77]. Здесь упоминается, что врач из Санкт-Петербурга Ф. Глимоу приводит массу свидетельств с выводами о том, что грипп присутствует постоянно, во многих регионах России «он начал преобладать в форме эпидемии в пределах и вокруг киргизской степи осенью 1889 г.», и причина ее возникновения оставалась для врачей неизвестной.

Исследователь Ф. А. Бюлер в своем этнографическом обзоре писал о частых инфекционных заболеваниях в казахских селениях Внутренней Букеевской орды, учитывая при этом традиционный образ жизни местного населения. Также упоминалось о том, что казахи к тому моменту уже имели представление о вакцинации. Например, от оспы в 1833 году было привито 2123 человека, включая хана и его окружение [2, с. 117]. Судя по описаниям Ф. А. Бюлера, обострение заболеваний наблюдалось в летний период, это были глазные воспаления, чесотка, сифилитические болезни, опухоль брюшной полости, желудочные воспаления,

лихорадка и оспа. Нередко в наблюдениях врачей встречались методы лечения кисломолочными продуктами в казахских селениях. Упоминалась роль кумыса при борьбе с разными заболеваниями.

Несомненно, многие инфекционные заболевания были вызваны нарушением санитарно-гигиенических норм и отсутствием медицинского обслуживания, элементарных мер безопасности. К примеру, это явно наблюдалось среди рабочих промыслов, что впоследствии приводило к большим увечьям и потерям. Именно эти промыслы признавались врачами очагами возникновения эпидемии и инфекционных заболеваний.

Приведу пару примеров из жизнедеятельности казахов на промыслах. Многие казахи шли на Баскунчакский промысел, несмотря на всю тяжесть работы (известно, что ломкой Баскунчакской соли занимались исключительно казахи). Добыча соли включала ряд процессов: выломку соли в озере и ее промывку, вывоз соли на берег в телегах, ссыпку и т. д. Отметим, что труд ломщиков соли был наиболее тяжелым, если учесть, что им приходилось по 14–15 часов в день стоять, по колено, иногда по пояс в ранах. Не зря Баскунчак называли «озером слез». Все они без исключения страдали ранами на ногах и лечились раствором ляписа. Не могли они избежать и таких болезней, как перемежающаяся лихорадка, тиф, воспаление глаз. Однако, что было примечательно, казахи заболевали реже, чем русские. Прежде всего, конечно же, сказывались климатические условия. Медицинская помощь им не оказывалась, об этом сообщалось в «Памятной книжке Астраханской губернии за 1889 год» [3, с. 17].

Также сохранились материалы губернской санитарной исполнительной комиссии по борьбе с чумой в Киргизской степи (1909–1910 гг.), которая ставила перед собой задачу выявить возникновение причины инфекционных заболеваний во Внутренней Орде и определить последующее лечение. Одна из таких экспедиций возглавлялась известным врачом, профессором Мечниковым. Очевидно, что имело место заражение инфекционными заболеваниями в очагах эпидемий и медицинского персонала [4, л. 2]. Естественно, что эти случаи вызывали волнение и протест среди рабочих-промышленников.

Однако, несмотря на протесты рабочих, ежедневно в Баскунчак из прилегающих аулов Букеевской степи съезжались тысячи людей для найма на солепромысел. Государство от этих промыслов получало большую выгоду. Как свидетельствуют, в 1882 году было добыто 26 996 740 пудов соли из Чапчачинского, Баскунчакского, Элтонского, Гайдугских озер [5; 6]. Перевозка соли от озера к пристани, кроме Баскунчака, производилась на верблюдах. Перевозкой занимались русские крестьяне. Деятельность каждого участника этих промыслов была весьма тяжелой: понижение иммунитета и отсутствие отдыха стали благоприятной средой для возникновения и дальнейшего распространения инфекций.

Помимо соляных промыслов Баскунчака, казахи работали на рыбных и тюленевых промыслах. К примеру, на островах Новинском, Пешном, Тюк-Караганской, за Уралом и Жилом было построено несколько акбаров, казарм для зимнего и весеннего местонахождения промышленников. В 1842 году наблюдается упадок тюленевой промышленности, был введен запрет ловли тюленя со стороны начальства

Уральского войска на островах Тюк-Караганском, Пешном, Камышином. В связи с этим лов тюленей осуществлялся на Ново-Александровском. На острове Кулалах также наблюдаются препятствия в зимнее время из-за мелководья. На этих промыслах цинга стала большой головной болью рыбопромышленников [7]. Однако местное население боролось с этой хворью благодаря «родовым кореньям», которые употребляли регулярно в пищу.

Среди выявленных материалов также есть сведения о положении на Эмбинских промыслах во время лихорадки. Например, в статье «Взгляд на состояние Астраханских рыбных промыслов» на страницах периодического издания «Астраханские губернские ведомости» за 1838 год имеется краткое извлечение из отчета капитан-лейтенанта Стодольского о работе отряда в 1837 году, предназначенного для защиты Эмбинской рыбопромышленности. Отчет извещал о том, что данный отряд состоял из девяти судов под командованием обозревателя дистанции, расположенной по восточному берегу Каспийского моря [8, л. 14–23]. Этот документ содержит в себе информацию о ходе эпидемии в Эмбинских водах, о нуждах и бедствиях: «...лазарет для отряда тем более необходим, что в продолжение компании можно было у киргизов купить только три барана, а употребление свежей рыбы было нежелательно в связи с лихорадкой, не имея свежей пищи, в команде распространяется скорбут. ... На острове Кулалах постройка лазарета была бы удобнее, но, начиная от Гурьева до Тюк-Караганской бухты, нигде невозможно было найти свежей питьевой воды» [8, л. 14–23].

В начале XX века Казахскую степь и некоторые российские губернии вслед за нашумевшей «испанкой» накрыла волна эпидемии цинги и тифа. Это было настоящее испытание на выживание. Однако бороться с болезнями при абсолютно пониженном иммунитете практически было невозможно. Впоследствии сельское хозяйство страны дало трещину, что привело к голоду 1902 года в России. Обесиленное от эпидемии население не могло уже заниматься привычной для себя жизнедеятельностью (хлебопашеством и просеиванием зерновых культур). Как раз по этому поводу в апреле 1902 года вышла статья в газете «Bismarck Daily Tribune» под названием «Страдания от голода в России», где говорилось о гибели сотней людей вследствие болезней. Например, приводятся следующие сведения: «...Серьезность ситуации соответствует последней статистике. В Мензелинске (губернии Куфы) зафиксировано свыше 4000 случаев тифа, голода и цинги; в Белебиски – 687 случаев, а в Акмолинске имело место 1900 случаев» [1, с. 126]. Санитарные врачи фиксировали жертв эпидемии ежедневно. В те годы общество «Красного креста» всячески пыталось поддерживать население, обеспечивая бесплатной едой и медикаментами.

В 1904 году Казахская степь столкнулась с бубонной чумой. В европейской прессе «Rock Island Argus» (1904 г.) отмечается вспышка этой болезни, которая повлекла за собой большую смертность [1, с. 126]. Особо остро это проявилось в двух аулах Уральской области. За один только месяц чума унесла здесь жизнь 190 казахов. В 1910 году подобная вспышка «чумной болезни» наблюдается на территории Букеевской орды. Позже один из жителей урочища Чулан-Тау Букеевской орды – Жумат Габдош в своем обращении царскому двору пишет: «в 1910 году

в разных частях Букеевской орды вспыхнула чумная эпидемия, и ты не пожалел своей казны на лекарство и командировку докторов, а также должностных лиц, которые всецело заботились о нашем здравье... благодаря их заботам и средствам, грозная эпидемия прекратилась» [9, л. 1] (илл. 1).

В 1911 году в газете «The Sun» отмечается распространение туберкулеза среди казахов и калмыков Астраханской губернии, которое губительно отразилось на населении Волго-Уральского региона. В степь должен был выехать профессор Мечников с целью вакцинации местного населения. Здесь говорится: «Профессор Мечников из Института Пастера в Париже получил важное задание. Он попытается остановить губительный туберкулез среди калмыков Астрахани и киргизов степных районов...» [1, с. 143]. Эта врачебная деятельность должна была показать, выработают ли местные народы иммунитет на подобные инфекционные заболевания.

И все-таки, несмотря на всю масштабность инфекционных заболеваний, народы Востока имели свой собственный опыт противодействия разрушительным последствиям эпидемий. Народная медицина бережно сохранила и вобрала в себя традиции тысячелетий. По сей день традиционная медицина остается популярной в случае массовых заражений населения, что особенно актуально в наше время. Сравнительно низкая доля массового поражения инфекционными заболеваниями сегодня, по мнению экспертов, тоже следствие наработанных навыков, опыта и, конечно же, иммунитета. Современные инфекции, периодически выявляемые в странах Востока (свиной и птичий грипп, атипичная пневмония и т. д.), так и не вышли за ареалы своего возникновения, во многом благодаря современным методам изоляции. Последний случай с коронавирусом, поразившим всю планету – это наглядное пособие о степени процесса глобализации, и борьба с ним – дело всей планеты.

Литература

1. *Шайморданова З. Дж.* Этнография Казахстана в зарубежной периодике (XIX – первая четверть XX века: Историографический сборник). – Алматы, 2014. – 367 с.
2. Неопубликованные статьи Ф. А. Бюлера о казахах, татарах, туркменах и каракалпаках // История Казахстана в документах и материалах / Под ред. Б. Т. Жанаева. Т. 1. – Алматы, 2011. – С. 96–160.
3. Памятная книжка Астраханской губернии за 1889 г. с приложением. – Астрахань, 1890 г. – 147 с.
4. *Мейер Л.* Материалы для геогр. и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Киргизская степь Оренбургского ведомства. – СПб., 1850. – 96 с.
5. Астраханские губернские ведомости. – 1841. – 16 августа. – № 34. – 5 с.
6. Астраханские губернские ведомости. – 1842. – 15 августа. – № 33. – 6 с.
7. Памятная книжка Астраханской губернии за 1890 г. с приложением. – Астрахань, 1891. – 145 с.
8. Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 271.
9. Редкий фонд Национальной библиотеки РТ. Ф. 1871.

Русский перевод ~~перевод хвалебного стихотворения, написанного~~
~~1-го округа Габдоша Джумата~~ *1811*

Джумата Габдоша

1) Добрые люди, будем твердо помнить, что Богъ одинъ, и пусть невежество не омрачитъ наше сердце.

Люди, вѣрующіе въ Единого Бога и его пророка, будутъ жить въ раю съ гуріями.

Царь всемогущъ, Онъ открылъ въ разныхъ мѣстахъ школы для изученія наукъ и искусствъ.

2) Боже! обрадуй нашего Царя, даруй Ему побѣду и превосходство надъ врагами.

Царь, Ты одинаково просвѣщаешь всѣхъ, и преклонись передъ Твоею справедливостью.

Во время заразныхъ болѣзней Ты, Царь, находишь докторовъ и лѣкарство.

3) За Царя молятся Богу всѣ подвластные народы.

Боже, поставь нашего Царя выше его враговъ, помоги преумноженію его друзей. даруй Ему долгую жизнь и нравственное и умственное совершенство.

Благослови, Боже, и не оставь Твоею милостью потомство нашего Царя Николая.

4) У Бѣлаго Царя умъ, какъ море, великъ, Ему подвластны всѣ народы.

Послѣ Отца будетъ Царемъ Великій Князь Алексѣй.

Боже, даруй долгую добрую жизнь Императрицѣ Маріи, родившей славныхъ дѣтей.

5) Не будемъ престоупить закону Царя.

Не покорный рабъ будетъ грѣшнѣе передъ Богомъ.

Справедливый начальникъ, какъ утверждаетъ Коранъ, будетъ въ раю.

6) Мы молимся, Государь, за Тебя, за Твое благодѣаніе.

Въ 1910 году въ разныхъ частяхъ Букеевской Орды появилась чумная эпидемія, и Ты не пожалѣлъ Твоей казны на лѣкарство и командировку докторовъ и должностныхъ лицъ въ Нашу Орду, которые всецѣло заботились о нашемъ здоровіи.

Губернаторъ, Предсѣдатель и его помощники, 4 совѣтника, разъѣхали по степи и оказывали помощь на мѣстахъ, выдавали пособие отъ казны на пищу и одежду.

Илл. 1. Обращение казаха Джумата Габдоша царю Николаю II с благодарностью по борьбе с чумной болезнью на территории Букеевской орды (1910 г.)

Қазақ халқының тарихы мен мәдениеті туралы жаңа дерек көздерін анықтау – Қазақстан Республикасының Тұңғыш Президенті Н. Назарбаевтың «Ұлы даланың жеті қыры» мақаласында алға қойған міндеттерінің бірі. Ш. Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының ғалымдары Ресейдің мемлекеттік архивтеріндегі мен ғылыми кітапханаларынан сирек кездесетін материалдарды анықтау мақсатында бірнеше археографиялық экспедицияларға шықты. Бұл мақалада Астрахань облысының (РФ) Мемлекеттік архивінен анықталған материалдар туралы баяндалады.

Мақала «Шетелдік архивтердегі археографиялық жұмыстар және Ұлы дала тарихы мен мәдениеті (сәйкестендіру, талдау, цифрландыру)» мақсатты қаржыландыру бағдарламасы аясында жазылған.

Identification of new sources on the history and culture of the Kazakh people is one of the tasks set by the first President of the Republic of Kazakhstan N. Nazarbayev in the article «Seven faces of the Great Steppe». Supporting and realizing the task set for scientists, the Institute of History and Ethnology. Ch. Ch. Valikhanov created several archaeographic expeditions to identify rare materials from the state archives and scientific libraries of Russia. This article will contain materials identified from the State Archives of the Astrakhan Region (RF).

This article was written as part of the implementation of the program of targeted funding «Archaeographic work in foreign archives and funds on the history and culture of the Great Steppe (identification, analysis, digitization)».

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ ВОСТОЧНЫХ И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ ВЕЛИКОЙ СТЕПИ

Б. Д. ДҮЙСЕНОВ

ҚАЗАННАН ТАБЫЛҒАН «ҚАЖЫНАМА» («Архив – 2025» бағдарламасы аясында Қазан қаласына жасалған ғылыми экспедиция материалдары негізінде)

Дініміздің діңгегін жонып, тамырына балта шапқан кеңестік кезеңнің кесапаттары келмеске кеткені анық. Әйтсе де, дәстүрлі дініміздің ұстанымы мен ұстынын қайта қалпына келтіру үшін дәйекті дәлелдерге толы жазба жәдігерліктерімізді зерттеп-зерделеу қажет.

Р. Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институты жанындағы Тарихи материалдарды зерттеу бойынша республикалық ақпараттық орталығының «Ұлы даланың тарихы мен мәдениеті» атты бағдарламасының «Ұлы даланың тарихы мен мәдениеті бойынша шетелдік архивтер мен қорлардағы археографиялық жұмыстар (айқындау, талдау, цифрландыру)» ғылыми зерттеу жобасын іске асыру мақсатында 2019 жылдың 2 қарашасы мен 2019 жылдың 30 қарашасы аралығында Татарстан Республикасының Қазан қаласына ғылыми экспедиция жасалды. Осы ғылыми іссапар барысында Татарстан Республикасының Мемлекеттік архивінде, Татарстан Республикасының Ұлттық кітапханасында, Қазан Федералдық университетінің Н. И. Лобачевский атындағы Ғылыми кітапханасында қыруар жұмыстар атқарылды.

Татарстан Республикасының Мемлекеттік архивінің көптеген қорлары мемлекеттік бағдарлама негізінде құжаттардың көшірмесін жасап жатқандықтан жабық болды. Әйтсе де, біздің өтінішіміз бойынша қажетті құжаттарды әкеп беріп, керекті деректерге көшірме істеуге мүмкіндік жасаған архив мамандарының оң қабақ танытқандықтарын атап өткеніміз жөн. Мемлекеттік архивтің электронды каталогын, түгендеу кітабын (книга описей) мұқият қолданудың нәтижесінде 14 құжатқа қол жеткіздім. Бұл құнды құжаттардың ішінде тәуелсіздік жылдардағы екі ел арасындағы қарым-қатынастарға қатысты материалдардан бөлек, Қазақ даласындағы мектеп-медреселерге қазақ балаларын оқытуға жіберілген татар молдалары туралы құнды құжаттың толық көшірмесі алынды [1]. Сондай-ақ, Н. И. Ильминский ескертпелер жазып, жинақтаған Жәңгір ханның ерліктері туралы аңыз-әңгімелер мен шынайы деректер топтамасы [2], қазақ даласындағы мектептер мен медреселердің хал-ахуалы туралы жазылған мақалалар жинағы [3] және т. б. маңызды материалдарды қанжығамызға байлап қайттық.

Татарстандағы тағы да бір құнды құжаттар жинақталған үлкен ғылыми орда ол – Қазан Федералдық университетінің Н. И. Лобачевский атындағы Ғылыми кітапханасы болып табылады. Мұнда кіші жүз қазақтары туралы Екатерина

патшайымның жазған хаты [4], Кенесары мен Наурызбай туралы жазылған жыр-дастандардың әртүрлі варианттарының көшірмесін алдық.

Татарстан Республикасының Ұлттық кітапханасында да аса көп материалдар кездестірдік. Мұнда көбінесе арабша жазылған ескі қолжазбалар [6] мен арабжазулы кітаптар [7] және түркі дүниесі, қазақ тарихына қатысты мол мағлұматтар [8] көп сақталған.

Біздің бүгінгі ғылыми айналымға енгізу үшін факсимилесі мен аудармасын беріп, жариялауға арналған еңбек – «Саяхатнама» айдары бойынша Татарстан Ұлттық кітапханасы Қолжазбалар және сирек кітаптар бөлімінде сақталып тұрған, бір топ кеңестік азаматтардың 1953 жылы қажылық сапарға барғаны туралы жазылған «Қажынама» қолжазбасы. Кітапхана ұжымының ел арасындағы қолжазбаларды жинауға шыққан экспедициясы бұл қолжазбаны 1993 жылы 14 майда Татарстанның Яр-Чаллы елдімекенінде Хәсәншина Хәниядан алған деп жазылған. Қолжазбаның ішінде нақты авторы жазылмаған. Бірақта қажылыққа барған 18 адамның ішінде өз атын соңғы жазған Аэродром деген жерден Шинабурдин қари Мумиев деп болжаймыз. Қолжазба картотекасында мынадай мәліметтер беріледі: Ш.: 559т Сәяхатнама: 1953 елғы хаж сәфәре. – 1953 ел. 12 × 17.8 кгз.

Бұл еңбек кеңестік кезеңнің қызыл қаны қылышынан тамып тұрған, сталиндік жүйенің шыңырауға шығып, дінді құртып, мешіттерді жауып, имам-ишандарды атып, қажы-қожаларды жер айдаған сұмдық саясаттың өршіген тұсында, совет өкіметі орнағалы бері, сонау сұрапыл 1953 жылы КСРО қарамағындағы мұсылмандардың алғаш рет қажылыққа барғандығымен құнды тарихи жәдігер болып табылады.

Қолжазба мәтіні:

Бисмиллаһир-рахман-ир-рахим

Алла хақ, субхан уа тағала фазыл уа инаяты нәсіп қылды. Өкіметіміз совет властының рахматы менен 1953 жылы 14-ші августе таңда сағат 3-те қажылық сапарына ниет айтып, 18 кісі дағуатпен алған самолетке отырып, қажы сапарына жолға шықтық.

Қажылық сапарындағы жолдастарымыз:

Бірінші, муфти Хазірет Шакир Хиаладдинов, Уфа шаһары

2. Қазі Йаролла Хазірет Юсупов, Пенза аймағы

3. Исмаил Мустемиров, Қазан аймағы

4. Исмаил Рахметуллин, Мәскеу аймағы

5. Ғабдолбари Юнусов, Ишанбай аймағы

6. Ғабдолбари Исаев, Уфа Зийарат Сәжде аймағы

7. Қазі Зияаддин Ишан Бабаханов, Ташкенттен

8. Фазылқожа Садыққожаұлы, Ташкенттен

9. Сакен Ғилманов, Алматыдан

10. Абдолшағзим Исмаилов, Ташкенттен

11. Исмаил Шатаев, Әндіжаннан

12. Минһаджаддин қари Абдоллаұлы, Ташкенттен

13. Абдолрахим Мұхаммедұлы, Түркіменстаннан
 14. Ғабдолбари Сабырұлы, Қостанайдан
 15. Юсуфхан Садыққожаұлы, Фрунзе аймағы
 16. Дакиролла Ходжаев Талиб, Сталинабадтан
 17. Шах-Икрам Исламов, Бұхара аймағы
 18. Шиһабдин қари Мумиев, Аэродромнан
- 18 кісі

14-ші августе сағат 3-те Мәскеу аэродромынан ұшып, Сталинградқа сағат 5-те 30 минутта келіп жеттік.

7 сағат 10 минутта кетіп, 17 сағат 20 минутта Бакуге келіп жеттік. Бакуде имам және ғұламалар һәм Баку мүфтиі Ибраһим Хазірет, мұсылмандар (استقبال) қабыл етіп, аэродромға қарсы алып, көп құрметтер етті. Бакуден 2 сағат 30 минутта кетіп, сағат 10 минутта зағранға (шекараға)келдік. Персия әмірлері салқын қараспен қарсы алды.

Паспорттарымызды (تفتیش) тәптіш қылды (тексерді). Онда екі сағат уақыт өтті. Фердоуси номерінде қондық, дем алдық (истирахат еттік استراحة). Августың 15-інде ертең сағат 45-те 40 минутта зағраннан ұшып, 8 сағат 25 минут Бағдатқа келдік. Бұл арада биік таулар болып, қалушылар болды. Танафис Бердіұлы аэродромда жалғыз (حید) қалып, Бағдат аэродромында самолетымыз 5 километр биіктікке ұшып, ауа жетпей буылып, көгеріп қалушыларымыз болды.

Бағдаттан 10 минут кем сағат 10-нда ұшып, 1 сағат 25 минутта Мисри (Мысыр) аллаһуге келдік. Пасольствоның Мысыр советтері дем алдырды (استقبال). Мысырдың газет хабарларын сұрап алдық. Совет елінің халын сұрастырды. Болған халды тура сөйлеп бердік. Екінші хабарымыз газеттерге басылып шықты және журналдарда басылып шықты. 16-шы августе сағат 9-да 30 минутта Мысырдан ұшып, Арабстан шетіне 12 сағат 30 минутта келіп жеттік. Таһарат алып, намаз оқыдық. Одан ұшып, Алла Қисрастанға, одан ұшып 5 сағат 20 минутта Жидда мұбарак аэродромына келдік.

Самолетіміз Уоз Залил Муса Абдолла ва астасила автобус жалдап тура бір жолмен 17-інші августе таң алды еді Мекке-Муккарамге саламат келіп жеттік. Чемодандарымызды (мутауаф) Ибраһимде қалдырып, тура қағбатоллаға келдік. Қайта-қайта ниетпен әуелі қағбатолланы 7 мәрте тәуап (тауаф) қылдық. Соңыра сол сипатымызбен Маруа тауы арасында 7 мәрте сағи қылдық (күш сап айналдық).

Одан кейін қағбатоллаға келіп, имамға ұйып, фаджр намазын оқыдық. Қайтып шай дем алатын жерде қалған едік. Залилдер келіп бізді бөліп, ташкенттіктер Залил Ибраһимде қалды. Бізді уфалықтар Залил Саруджи алып кетті. Оның тиресіне орналастық. Саруджиде қайтып қағбатоллаға келіп, бек еркін (رہ و شین) тәуап қылдық. Һәм Сафа мен Мәруа арасында бек еркіндеп күш салып жүрдік.

Қағбатоллаға тәуап уақытында Хаджара ас-саудты өптік. Сол уақытта көңіліміз хоштанды. 18-ші августе тағы қағбатоллада бір мәрте болдық. Жиылған қажылар Фаук ал-ада көп еді. «Ахбар әл-жадид» газетасында жер жүзінде болған ислам мемлекеттерінде көбі қажыға келген мағлұмат қылды. 500 мыңнан артық қажылар болғаны басылып шықты.

19-шы августің таңында Арафат тауына келіп, уақфа (Арафа күні бесін уақытынан күн батқанға дейін ихрам киіммен Арафатта болу) қылдық. Ақ тау үстінде отырып, уағыз сөйлеген имамның құтпасын тыңдадық. Көп ғибратты халдарды көрдік.

20-шы августе Танин Муздалифадан Мина тауына келдік. Фауқал-‘ада халық өте көп еді. Ауа қызып алпыс градусқа жетті. Екшир жүз сом хақ беріп біреп кіші (сағир) сатып алып, 7 кісі есімінен (атынан) құрбан шалдық. Тақабал (қабыл етсін) Алла тағала. Міне сол күні Мекке-Мукаррамге қайтып қағбатолла жанында (حوارنده) жұма намазын оқыдық. Кешінде Мина тауына мәрте орынға барып, Рами әл-фасаджир имран тәмам (رامی الفسجر عمران تمام) етіп, августың 21-інде Мекке-Мукаррамге қайтып және қағбатолланы тәуап айлап, ихрамнан шешілдік. Әлхамдулилла қажы әл-харам болдық. Бір бірімізбен құшақтасып көрістік. Алла тәбаракә уә тағала хафар (حفر) тілерінен қабыл ет тілеп, дұға қылдық. 3-ші күн тағы да Мекке-Мукаррамда болдық. Зәмзәм суын іштік. Алып қайту үшін сатып алдық. Басқа да қажылық һидаяларын (сыйлықтарын) алдық. Осылайша әр күні қағбатоллаға барып, шарапаттандық. Уағыздар һәм қарилардың құзырында болдық. 25-ші август әл-уади‘ (الوادي) қоштасар тәуап қылып, жолбастаушымен есептесіп (батықасын) рұқсатын алдық. Өзіне тиісті (мусарифын مصاريفن) ақысын беріп, һидайә (сыйлық) етіп, шапан жаптық.

Ай ішінде болған ‘айаласында (айналасында немесе қожайындығында) бөлектермен тамаша жайладық һәм (бәмшисир بَمَشِير) сыйақысын бердік. Уағдаласып паспорттарымызды қолымызға алып, автобуспен Жидда Мукаррамға кеттік. Онда бір күн тұрып, Мәдина мунуараға сапар қылдық. 29-ші августа Мәдине мунуара мешітінде Амамада жұма оқыдық. Имам айтта құтпа оқыды арап мақамымен. Дәріс етіп құран оқыды. Сол күні екінті намазын Мешіт Харам Руза Мутаһараға (مسجد حرام روضه مطهره) барып оқып, (бағдал-асыр بعد العصر) Руза Мутаһара хуббасына келіп, расулалла сала Аллаһу ‘әлейһа ассаламға сәлем беріп, салауат оқып, құран оқып, дұға қылдық. Қажылар көп болды, себебі тоқтап тұрып болмады. 29-шы август жолбастаушы басшысымен Мәдинадан 10 километр жырақта болған мешіт Қабаға барып, расулымыздың бірінші рет жұма оқыған мешітін көріп, тамашаладық. Ухуд соғысында шаһид болған шаһидтар қабіріне барып, зиярат қылдық. Мешіт Қиблатунда (قِبْلَتُنْدَه) болдық. Онда кітапта оқып қана білген хал оқиғаларын балызын (بالظن) көзімізбен көрдік һәм дәрасат таптық. Мәдина мунуарада қари Хасен хазіретте 18 кісі мейман болдық. Қариымызды тыңдадық. Барака Алла, маша Алла Ресей елінде де мұндай қарилар бар екен деп баян шаттанды. Мәдинада көп тұрып, әр күн Руза Мутаһараға барып, зийарат қылып, әл-хадж әл-харамайин болдық. Сау-саламат Жидда мұбаракаге келіп, өзіміздің келген самолетімізге отырып, қайту сапарына шықтық.

Бірінші Марджулин Турсинада карантинге ұшырап, онда 3 күн жаттық. Одан Мысырға келіп, Мысыр шаһарында тамаша қылдық. Университеттер әр университет Рифағи, университет Мұхаммед Али шаһ, университет Шаһде Хусейндерді көріп, Мысырдың мүфтиі Мухаммед Хусейн Махмудов хазіретте де һәм Совет посолында мейман болдық. 9-шы сентябрде Мысырдан шығып, Бейрут, Бағдад, загран (шекара) Баку арқылы Сталинград арқылы 12-ші сентябрде Мәскеуге сау-саламат қайттық.

Әлхамдулилла шүкір аэродромнан Бабаджанов Мутауалиллар мұсылманша қарсы алды. Соныменен тәмам еттік. Әмин. Ұа раббил-ал-амин һәм үшбу қажылықтан қайтқан кітапты қабыл көріп алып оқушыларға һәм тыңдаушыларға мүмин мұсылман бауырларға Алла тағала күзіреті ұшырауын нәсіп айласын. Әмин.

Әдебиеттер

1. Ф. 1. Оп. 6. Д. 861. Дело по сообщению Начальника Казанского Губернского Жандармского Управления о воспитанниках разных мусульманских медресе, ежегодно отправляющихся в Киргизские степи для обучения детей киргизов грамот.

2. Ф. 968. Оп. 1. Д. 73. Рассказ о подвигах хана Джангира с пометками Ильминского.

3. Ф. 969. Оп. 1. Д. 43. Статьи, выписанные из газет «О мектебе, медресе и других школах». 23 января 1916 г.

4. 1581 т. Екатерина падшаһ ярлығы. Кечек йөз кыргыз, казаклар турында. СПб., 1789. 1 кгз. 44 × 32.

5. 1316 т. Абылайханов Касым. Кысса Наурыз бай түре. 23 б. 21,5 × 17; 4792 – Материалы к изучению казак-киргизского наречия. Вып. 2. «Былина о богатыре Наурызбае, внуке султана Аблайхана» (кир. текст, рус. транскрипция и рус. перевод Н. Н. Пантусова, с родословием султана Аблайхана (предисловие Н. Ф. Катанова). Казань, типо-литогр. ун-та, 1901. 19 л. разн. формата. Напечатано в г. Верном (Алма-Ата); 1379. «Легенды о храбрецах». Запись сделана Резановым (майором, нач. Копальского уезда); «Легенда о храбрецах Наурузбае и Кенисары». № 2. Название русское, текст записан арабским шрифтом по-киргизски, тем же почерком. 15 л.

6. 500 т. Казак балаларын укытучы шәкерт углына атасыннан хат. Қолжазба. 1877. 11 × 18. 2 кгз. Куч: Мулла Мөхәммәтжан. Мулла Хасан углы; 559т Сәяхәтнама: 1953 елгы хаж сәфәре. – 1953 ел. 12 × 17.8 кгз.; 322т Мөхәммәдәмин Гомар углылы сәяхәтнамәсе. (XIX ғ. Соңгы чиреге). 11 × 17.13 кгз.

7. т1484329 Ш. 225.5 ИВО РФ Ислам нигезе: Жаңа укыган казакъ балаларына. Беренче жөзъ / К. Әл-Әләмбәти тәрж. – Казан: Матбагаи Кәримия, 1912. – 16 б.; 15 × 22. – Казакъ телендә. 100 000 с. ББК 86.38. УДК 225.5. Гарап шр.; Ш. 9 (С казакъ) 1. К. 16. Казакъ әхуәленнән. – Казан: Ермолаева тип., 1907. – 61 б.

8. Б87 Бәкер М. Төркестан кыйтгасы тарихи вә жәгрәфи жәһәттән. – Ташкент: Нашире: Бр. Бакировлар вә компаниясе тәжарәтханәсе, 1918 (Союзь Раб. Печ. Дела). – 176 б. – татар тел.: 160, 00; Т95 Togan Zeki Velidi. Turkili haritasi ve ona ait izahlar. – Istanbul: Alaeddin Kiral Basim, 1943. – 33 s. – Из фонда А. В. Менгер б. ц.; 1709104-Т-рф Бәһадер хан, Әбүлғазый. Шәжәрәи төрки / Г. Бәһадер хан. – Казан: әл-Мәдрәсә әл-ғузма әс-Солтания, 1824. – 215 б. – Китап гарәп графикасында.

Данная статья является переводом рукописи «Хаджнама», найденной в Казани (Республика Татарстан). В 1953 году, по окончании сталинских репрессий, мусульмане СССР впервые выполнили свои обязанности паломничества. Рукопись

«Хаджнама» об этих паломниках найдена в Национальной библиотеке Республики Татарстан. Среди этих паломников можно встретить имя Садуакаса Гылмани, который был тогда казией Казахстана.

This article is a translation of the Hajnam manuscript found in Kazan, Republic of Tatarstan. In 1953, after the end of the Stalinist repressions, the Muslims of the USSR for the first time fulfilled their duties of pilgrimage. The manuscript "Hajnam" about these pilgrims was found in the National Library of the Republic of Tatarstan. Among these pilgrims one can find the name of Saduakas Gylmani, who was the Kazi at that time of Kazakhstan.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

М. М. КОЗЫБАЕВА**Международная научно-теоретическая онлайн-конференция
«РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ УЛУСА ДЖУЧИ (ЗОЛОТОЙ ОРДЫ)
В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВЕЛИКОЙ СТЕПИ»,
посвященная 750-летию Золотой Орды***Алматы, 28 мая 2020 г.*

28 мая 2020 года прошла Международная научно-теоретическая онлайн-конференция на тему «Роль и значение Улуса Джучи (Золотой Орды) в историко-культурном пространстве Великой степи», посвященная празднованию 750-летия Золотой Орды. Организаторами мероприятия выступили Институт истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова и Институт востоковедения им. Р. Б. Сулейменова.

Цель мероприятия – научное осмысление истории прямой преемственности и взаимосвязи Золотой Орды и Казахского ханства.

Конференция, в которой приняли активное участие зарубежные и отечественные ученые, проходила по следующим основным направлениям: политическая история и преемственность Улуса Джучи и Казахского ханства; урбанизация и номадизм в истории Алтын Орды; источниковедение и историография истории Алтын Орды; золотоордынская цивилизация: основные подходы к изучению; место золотоордынской цивилизации в истории Евразии. Модератором конференции выступил директор Института истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова, профессор З. Е. Кабульдинов.

Как известно, Улус Джучи являлся колыбелью государственности многих народов Евразии. Его значение обусловлено не только общим историческим прошлым для всех народов Евразии, но и теми интеграционными тенденциями, которые можно наблюдать и в современное время. Празднование 750-летнего юбилея Улуса Джучи является частью государственной задачи по полной реконструкции исторического прошлого нашей страны.

Конференцию открыли Президент Национальной академии наук Республики Казахстан, доктор химических наук, лауреат Государственной премии Республики Казахстан М. Ж. Журинов, общественный деятель, руководитель РГКП «Государственный музей “Центр сближения культур”» О. О. Сулейменов, директор Института востоковедения им. Р. Б. Сулейменова, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент НАН РК А. Дербисали, академик НАН РК, профессор Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева Б. Е. Кумеков, директор Института истории государства КН МОН РК, профессор, доктор исторических наук, профессор Б. Г. Аяган. Осветив основные проблемы и вопросы изучения отечественной истории, спикеры подчеркнули важность и принципиальность изучения всего богатого наследия Алтын Орды и его популяризации.

В ходе конференции с интересными докладами выступили известные ученые, исследователи периода Золотой Орды. Изучению этнической истории Золотой Орды, родоплеменной системе государства были посвящены выступления Ю. Шамиль-оглу – заведующего кафедрой казахского языка и тюркологии Назарбаев Университета, почетного профессора Университета Висконсин-Мэдисон, К. Ш. Хафизовой – доктора исторических наук, профессора, китаеведа, А. Ш. Кадырбаева – доктора исторических наук, профессора, ведущего научного сотрудника отдела Востока Института востоковедения Российской академии наук (Россия, Москва), А. Б. Кушкumbaева – доктора исторических наук, профессора, главного научного сотрудника Института востоковедения им. Р. Б. Сулейменова.

В конференции приняли участие отечественные и зарубежные ученые, исследователи, а также руководители научно-исследовательских организаций. Истории государственности Золотой Орды в зарубежной и отечественной историографии, в мировой ориенталистике посвятили доклады М. Х. Абусейтова – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент НАН РК, директор Республиканского центра по изучению исторических материалов при Институте востоковедения им. Р. Б. Сулейменова, М. Т. Лаумулин – доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК, Б. Б. Карибаев – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Казахстана Казахского национального университета им. аль-Фараби. Спикеры в своих выступлениях уделили особое внимание проблемам генезиса и эволюции государственности кочевников, вопросам правопреемственности и прямой корреляции системы государственного устройства Улуг Улуса и Казахского ханства.

Малоизученным вопросам истории жизнедеятельности Улуг Улуса, проблемам урбанизации и номадизма посвятили свои выступления Д. Мирзаев – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Термезского государственного университета, Международного научно-исследовательского Центра Имама Термези (Узбекистан, Термез), Ж. О. Артыкбаев – доктор исторических наук, профессор Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, М. Н. Сдыков – доктор исторических наук, профессор Западно-Казахстанского государственного университета им. М. Утемисова, А. К. Мухтаров – доктор исторических наук, директор историко-культурного музея «Сарайшык», А. У. Токтабай – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории и этнологии имени Ч. Ч. Валиханова. Докладчики в своих выступлениях говорили о результатах исследований, посвященных оазисам оседло-земледельческой культуры, а также военному аппарату Улуг Улуса.

Теоретико-методологические проблемы исследований, в том числе вопросы о периодизации, генеалогии и происхождении правителей, роли золотоордынской цивилизации в контексте всемирной истории и истории Казахстана в своих докладах поднимали Ю. В. Селезнев – кандидат исторических наук, доцент Воронежского государственного университета, Е. А. Әбіл – доктор исторических наук, профессор, советник ректора Костанайского государственного педагогического университета им. У. Султангазина, А. В. Аксанов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М. А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, Ж. М. Сабитов – доктор PhD, вице-президент АО «Национальный центр государственной научно-технической экспертизы».

С целью подведения некоторых итогов изучения Улуг Улуса исследователями были проанализированы последние научные изыскания. Источниковедческий и историографический анализы были проведены в выступлениях О. Х. Мухатовой – доктора исторических наук, профессора, главного научного сотрудника Института истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова, Е. М. Ужкенова – кандидата исторических наук, заведующего отделом древней и средневековой истории Казахстана и сопредельных стран Института истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова, Ж. Ошана – кандидата исторических наук, заведующего отделом Азиатско-Тихоокеанского региона Института востоковедения им. Р. Б. Сулейменова (Казахстан, Алматы).

По результатам конференции участники пришли к выводу, что единое историко-культурное пространство, сложившееся на базе Улуса Джучи, стало местом распространения передовых для того времени навыков административного управления, модели налогового аппарата, а также градостроительной практики. Изменения, которым подверглось евразийское пространство в период господства Улуса Джучи, отложились в богатом культурном наследии народов Евразии и во многом предвосхитили появление ряда культур – в том числе и казахской. Именно Казахская степь на протяжении веков была хранителем традиций и явлений золотоордынской цивилизации.

По итогам конференции была принята резолюция, в которой обозначены дальнейшие пути исследования данной проблематики и решения научно-практических проблем в этом направлении. Так, на сегодня необходима разработка концепции о роли Золотой Орды в становлении Казахского государства, разработанная с привлечением специалистов из ведущих НИИ и вузов РК, издание научной монографии и сборника документов по Золотой Орде с привлечением отечественных и зарубежных специалистов. Руководителям НИИ гуманитарного профиля и вузов РК необходимо обратить внимание на вопрос о подготовке научных кадров – специалистов по Золотой Орде. С целью апробации и популяризации научных результатов по изучению Золотой Орды предложено рассмотреть возможность открытия специального научного журнала, связанного с исследованием истории и культуры Золотой Орды, для чего обратиться в Комитет науки МОН РК с просьбой оказать содействие в этом вопросе.

2020 ж. 28 мамырда Алтын Орданың 750 жылдық мерейтойына арналған «Ұлы Даланың тарихи-мәдени кеңістігіндегі Жошы Ұлысының (Алтын Орданың) маңыздылығы мен рөлі» тақырыбындағы Халықаралық ғылыми-теориялық онлайн-конференция өтті. Іс-шараның ұйымдастырушылары: Ш. Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты және Р. Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институты.

On May 28, 2020, an international scientific and theoretical online conference was held on the topic «The role and significance of the Ulus Jochi (Golden Horde) in the historical and cultural space of the Great Steppe», dedicated to the celebration of the 750th anniversary of the Golden Horde. The event was organized by Ch. Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology and R. B. Suleimenov Institute of Oriental Studies.

Международная научно-практическая конференция «МНОГОВЕКТОРНОСТЬ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ»

Алматы, 20 августа 2020 г.

20 августа 2020 г. Институт востоковедения им. Р. Б. Сулейменова Комитета науки МОН РК провел Международную научно-практическую конференцию на тему «Многовекторность Центральной Азии: взгляд изнутри» в онлайн-формате.

Целью конференции явилось научное осмысление политики многовекторности, а также новой региональной политики стран Центральной Азии.

Работа конференции включала следующие основные направления:

- многовекторность внешней политики стран Центральной Азии: pro et contra;
- приоритеты и движущие силы внешнеполитической стратегии в Центральной Азии в контексте взаимодействия ключевых геополитических акторов (США, ЕС, Россия и Китай);
- оценка предпосылок экономического развития стран ЦА с учетом тенденций и особенностей функционирования современной мирохозяйственной системы;
- безопасность стран Центральной Азии в контексте многовекторности;
- влияние пандемии COVID-19 на региональную политику стран Центральной Азии.

В работе конференции приняли участие известные ученые и эксперты центрально-азиатских стран: Казахстана, Кыргызстана, России, Таджикистана, Узбекистана, а также Великобритании, Ирана, Испании. По итогам конференции была принята резолюция. Подготовлен к изданию электронный и печатный сборник научных докладов и статей.

ҚР БҒМ Ғылым комитеті Р. Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институты 2020 жылғы 20 тамызында онлайн форматта «Ішкі көзқарас тұрғысындағы Орталық Азияның көпвекторлылығы» тақырыбы бойынша Халықаралық ғылыми-практикалық конференция өткізді.

Конференцияның мақсаты – көпвекторлылық саясатты, сонымен қатар, Орталық Азия елдерінің жаңа аймақтық саясатын ғылыми тұрғыдан ұғыну. Конференция жұмысына Орталық Азия елдерінің: Қазақстан, Қырғызстан, Ресей, Тәжікстан, Өзбекстан, сонымен қатар Ұлыбритания, Иран, Испанияның белгілі ғалымдары мен сарапшылары қатысып, баяндама жасады. Конференция нәтижесі бойынша қарар қабылданды. Ғылыми баяндамалар мен мақалалардың электрондық және баспа жинағы дайындалды.

August 20, 2020 R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies SC MES of the Republic of Kazakhstan held an International Scientific and Practical Conference on the topic «Multi-vector Central Asia: a view from the inside» in the form of an online.

Well-known scientists and experts attended the conference from Central Asian countries: Kazakhstan, Kyrgyzstan, Russia, Tajikistan, Uzbekistan, as well as Great Britain, Iran, Spain. At the end of the conference resolution was adopted. An electronic and printed collection of scientific reports and articles has been prepared for publication.

**«Ұлы Даланың тарихы мен мәдениеті»
ғылыми бағдарламасын жүзеге асыру аясында
«ҚАЗАҚ ХАНДЫҒЫНА ҚАТЫСТЫ РЕСЕЙ ИМПЕРИЯСЫНЫҢ
САЯСАТЫН ЗЕРТТЕУ МӘСЕЛЕЛЕРІ (XVIII – XIX ғ. жартысы)» атты
республикалық дөңгелек үстел**

Алматы қ., 2020 ж. 18 маусым

2020 жылдың 18 маусымында «Ұлы Даланың тарихы мен мәдениеті» бағдарламасын жүзеге асыру аясында Ш. Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтында «Қазақ хандығына қатысты Ресей империясының саясатын зерттеу мәселелері (XVIII – XIX ғ. жартысы)» тақырыбында онлайн-форматта республикалық дөңгелек үстел өткізілді.

Қазіргі заманғы отандық ғалымдар Ресей империясымен тығыз байланыс кезеңінде Қазақ хандығының өзара қарым-қатынасы тарихын қайта құру бойынша үлкен серпіліс жасады, бұл ретте дала дипломатиясының мәселелеріне, билеушілердің қызметіне және Қазақстан тарихының жаңа заман кезеңіндегі басқа да өзекті мәселелеріне көп көңіл бөлді.

Айта кету керек, халықтың Қазақ хандығынан бүгінгі күнге дейінгі тарихи жолын зерттеу қоғамдық маңызға ие. Тарихи шындықты объективті зерттеу және қайта қарау көптеген тарихи фактілердің әр түрлі оқылуын болдырмауға көмектеседі.

Дөңгелек үстел жұмысына қатысушылар – т. ғ. д., профессор, Ш. Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының директоры З. Е. Кабульдинов; т. ғ. д., К. Жұбанов атындағы Ақтөбе аумақтық мемлекеттік университетінің профессоры Г. Б. Избасарова; т. ғ. д., Халықаралық бихнес университетінің профессоры М. Ж. Абдиров; PhD доктор, М. Қозыбаев атындағы Солтүстік-Қазақстан мемлекеттік университетінің доценті З. С. Тайшыбай; т. ғ. к., С. Сейфуллин атындағы Қазақ агротехникалық университетінің қауымдастырылған профессоры Х. А. Аубакирова; т. ғ. д., Х. Досмұхамедов атындағы Атырау мемлекеттік университетінің профессоры, «Мәңгілік Ел» ғылыми-зерттеу орталығының директоры А. К. Ахмет, сондай-ақ Ш. Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының жетекші ғылыми қызметкерлері – Қазақстанның және шектес елдердің ежелгі және ортағасырлық тарихы бөлімінің меңгерушісі Е. М. Ужкенов, PhD доктор М. М. Қозыбаева; Қазақстанның жаңа заман тарихы бөлімінің меңгерушісі Г. А. Шотанова; докторант А. Д. Арпова.

Дөңгелек үстелге қатысушылар Қазақ хандығының Ресей империясымен белсенді қарым-қатынасы кезеңіндегі кейбір тарихи оқиғаларды қайта қарау және қайта құру жөніндегі міндеттерді жүзеге асыру туралы айтты. Мысалы, профессор М. Әбдіров «Алтын Ордадан Ресей империясы: ордадан кейінгі кеңістігіндегі патша саясатының эволюциясы» атты баяндамасында сабақтастық мәселесіне баса назар аударды. Оның пікірінше, Ресей империясының қазақ хандығын басқару әдістері Қасым хандығының басқару принципіне ұқсас болды. Сонымен қатар, даланы басқару әдістері мен Орта жүздің қазақ билеушілерінің

ресейлік шенеуніктермен өзара қарым-қатынасының ерекшеліктері туралы профессор З. Е. Кабульдинов өз сөзінде егжей-тегжейлі баяндады. Осыған байланысты, профессор Г. Б. Избасарова қазақ Даласын басқарудың ресейлік империялық жүйесі дәстүрлі аксүйектер – сұлтандардың әкімшілік саясатын жүргізудің бірінші кезеңінде мемлекеттік биліктің басты әлеуметтік тірегін анықтағанын көрсетті. Бұл тұрғыда атап өткендей, «сұлтан-билеушілер және сұлтан-басқарушылар» арасындағы қызметтер мен міндеттер өз ерекшеліктеріне ие болды.

Қазақ – Ресей қарым-қатынастарының жалпы парадигмасының контекстінде хан билігін жою және саяси жүйені трансформациялау мәселелері көтерілді, бұл даланы соттық, әкімшілік, аумақтық басқарудың өзгеруіне алып келді – бұл Ш. Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының жетекші ғылыми қызметкері Е. М. Ужженовтің сөз сөйлеуінде көрініс тапты; XVIII–XIX ғасырлардағы қазақ даласының этникалық құрамының өзгеруі туралы «Сібір казактары мен Дала өлкесінің қазақтары» атты баяндамасында Х. А. Аубакиров атап өтті; сондай-ақ спикерлер Кіші жүздегі ішкі саяси дағдарыстың себептері (Г. А. Шотанова); Орта жүздегі казактардың жер пайдалану мәселелері туралы (А. Д. Арпова) сынды мәселелерді көтерді. Осыған байланысты, дөңгелек үстелдің жұмысын қорытындылай келе, ғалымдар Ресей империясының қазақ хандығына қатысты саясатын одан әрі тереңірек зерттеуге басты назар аударды (З. Тайшыбай, А. К. Ахмет).

Жалпы алғанда, дөңгелек үстел сол кездегі тарихи оқиғаларды қалпына келтіру бойынша оның алдына қойылған міндеттерге қол жеткізді. Аталған ғылыми іс-шара барысында тыңдалған баяндамалар Қазақстан мен шектес елдер тарихының көптеген аз зерттелген беттеріне жарық түсіруге көмектесті. Дөңгелек үстелге қатысушылар көтерілген ғылыми мәселелер болашақ зерттеулерде одан әрі дами беретініне сенім білдірді.

18 июня 2020 года Институт истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова провел в онлайн-формате Республиканский круглый стол на тему «Проблемы изучения политики Российской империи в отношении Казахского ханства (XVIII – I половины XIX вв.)» в рамках реализации программы «История и культура Великой степи».

June 18, 2020 Ch. Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology conducted an online republican round table on the topic «Problems of studying the policy of the Russian Empire towards the Kazakh Khanate (XVIII – I half of the XIX centuries)» as part of the program «History and Culture of the Great Steppe».

**«Ұлы Даланың тарихы мен мәдениеті» ғылыми бағдарламасын
жүзеге асыру аясында «XVIII ғ. – XX ҒАСЫРДЫҢ БАСЫНДАҒЫ
ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ҰЛТ-АЗАТТЫҚ ҚОЗҒАЛЫСТАР ТАРИХЫНЫҢ
ПІКІРТАЛАС МӘСЕЛЕЛЕРІ» атты дөңгелек үстел**

Алматы қ., 2020 ж. 23 маусым

2020 жылғы 23 маусымда сағат 11.00-де Ш. Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының ұйымдастыруымен «Ұлы Даланың тарихы мен мәдениеті» ғылыми бағдарламасының «Қазақстандағы ұлт-азаттық қозғалыстарды ұлттық бірегейлікті сақтау мен нығайту контексінде зерттеу» тақырыбын жүзеге асыру аясында «XVIII ғ. – XX ғасырдың басындағы Қазақстандағы ұлт-азаттық қозғалыстар тарихының пікірталас мәселелері» атты дөңгелек үстел өтті.

Іс-шара мақсаты – Ұлы Дала Еліндегі XVIII ғ. – XX ғасырдың бас кезіндегі ұлттық бірегейлікті сақтау және нығайту ауқымында азаттық қозғалыстар тарихын зерттеудегі пікірталас мәселелерін анықтау болып табылды. Дөңгелек столды Ш. Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты директорының кеңесшісі, с. ғ. д., профессор С. М. Борбасов құттықтау сөзімен бастап, модератор ретінде іс-шара мақсатын баяндады және Қазақстан тарихындағы қазақ халқының отаршылдық билікке қарсы азаттық жолындағы бас көтерулері мен тағлымының бүгінгі таңдағы өзектілігіне тоқталды.

Дөңгелек үстелде мәселелер: Ұлт-азаттық қозғалыстарды зерттеудің теориялық-методологиялық бағыттары; Қазақ халқының отаршылдыққа қарсы азаттық күресі тарихын зерделеудің терминологиялық негіздеріне жаңа көзқарас; Қазақстандағы ұлт-азаттық қозғалыстар тарихын зерттеудің қазіргі заманғы бағыттары; Тың және аз зерттелген деректерді талдау және ғылыми айналымға енгізу мәселелері бағыттарында қарастырылды.

Сондай-ақ, модератор дөңгелек үстел бағдарламасы аясында республиканың белгілі ғалымдары құрамындағы баяндамашылармен таныстырып, оларға сөз кезегін ұсынды. Баяндамашы ғалымдар С. Ф. Мәжитов, О. Х. Мұхатова, Г. С. Жүгенбаева, З. Ш. Бимаканова, Ш. Б. Тілеубаев, Е. М. Ужкенов, Р. Е. Оразов және докторант А. Ә. Қабыл деректер негізінде Қазақстандағы XVIII ғ. – XX ғасырдың басындағы ұлт-азаттық қозғалыс тарихының пікірталас мәселелерін, азаттық жолындағы баскөтерулер тарихын зерттеудің қазіргі заманғы бағыттарын кеңінен айшықтады.

23 июня 2020 г. в рамках реализации научной программы «История и культура Великой степи» по теме «Национально-освободительное движение в Казахстане в контексте сохранения и укрепления национальной идентичности» в Институте истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова был организован и проведен круглый стол на тему «Дискуссионные проблемы истории национально-освободительного движения в Казахстане в XVIII – начале XX вв.».

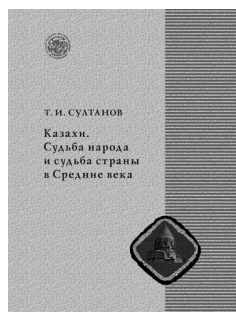
Целью мероприятия было определение дискуссионных проблем изучения истории национально-освободительных движений XVIII–XX вв. в контексте сохранения и укрепления национальной идентичности в Великой степи. Работа круглого стола

проводилась по следующим направлениям: теоретико-методологические подходы к изучению национально-освободительных движений; новые взгляды на исследование терминологических основ национально-освободительной борьбы казахского народа против колониализма; современные направления в изучении истории национально-освободительного движения в Казахстане; проблемы анализа и введения в научный оборот новых и малоизученных источников.

June 23, 2020 within the framework of the scientific program «History and Culture of the Great Steppe» on the topic «National liberation movement in Kazakhstan in the context of preserving and strengthening national identity» at the Ch. Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, a round table was organized and held on the topic «Discussion problems of the history of the national liberation movement in Kazakhstan in the 18th – early 20th centuries».

The purpose of the event was to identify controversial issues of studying the history of national liberation movements in the 18th – 20th centuries. in the context of preserving and strengthening national identity in the Great Steppe. The work of the round table was carried out in the following areas: theoretical and methodological approaches to the study of national liberation movements; new views on the study of the terminological foundations of the national liberation struggle of the Kazakh people against colonialism; modern trends in the study of the history of the national liberation movement in Kazakhstan; problems of analysis and introduction of new and little-studied sources into scientific circulation.

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ

Т. И. Султанов

КАЗАХИ. СУДЬБА НАРОДА И СУДЬБА СТРАНЫ В СРЕДНИЕ ВЕКА

Алматы: Дайк-Пресс, 2020.

В XVI столетии обозначилась новая конфигурация на политической карте Центральной Евразии, ставшая результатом борьбы за преобладание между постмонгольскими улусами и их династиями. В центре этой политической карты оказалось Казахское ханство, непосредственно контактировавшее с новыми государствами на обозначенной территории. Поэтому автор уделяет основное внимание предыстории и обстоятельствам рождения, времени образования и истории Казахского ханства. История собственно казахской национальной государственности рассматривается в тесной связи с историей тогдашних соседей – государств кочевых узбеков в Мавераннахре (Бухарское ханство) и в Хорезме (Хивинское ханство), а также государства моголов в Восточном Туркестане (Яркендское ханство), ойратов-калмаков в Джунгарии (Джунгарское ханство) и Московского царства (Российская империя). На широком фоне обсуждается хозяйство и быт, религия и верования кочевников Восточного Дешт-и Кипчака и Моголистана.

Книга рассчитана на преподавателей и студентов университетов, а также на самый широкий круг читателей, интересующихся проблемами востоковедения и этнографии.

Т. И. Султанов

ҚАЗАҚТАР. ОРТА ҒАСЫРЛАРДАҒЫ ХАЛЫҚ ТАҒДЫРЫ МЕН ЕЛ ТАҒДЫРЫ

Алматы: Дайк-Пресс, 2020.

XVI ғасырда, постмонғол ұлыстары және олардың әулеттері арасында басымдық мақсатындағы күрес нәтижесінде, Орталық Еуразияның саяси картасында жаңа конфигурация пайда болды. Жаңа саяси картаның қақ ортасында, белгіленген аумақта, жаңа мемлекеттермен тікелей байланыста Қазақ хандығы болған. Сол себепті, автор Қазақ хандығының дүниеге келуі, қалыптасу мерзімі мен оның тарихының алдында болған жағдайларға ерекше көңіл бөлген. Қазақтың ұлттық мемлекеттілігінің тарихы, сол кездегі көршілері: Мәуераннаһр (Бұқара хандығы) мен Хорезмдегі (Хиуа хандығы) көшпелі өзбектер хандығы, сондай-ақ, Шығыс Түркістандағы (Жаркент хандығы) моғолдар мемлекеті, Жоңғариядағы (Жоңғар хандығы) ойрат-қалмақтар мен Мәскеу патшалығының (Ресей империясы) тарихымен тығыз байланыста қарастырылады. Шығыс Дешт-і Қыпшақ пен Моғолстан көшпелілерінің шаруашылығы мен тұрмысы, діні мен наным-сенімдері кеңінен талқыланады.

Кітап университеттердің оқытушылары мен студенттеріне, сонымен қатар, шығыстану мен этнография проблемалары қызықтыратын қалың оқырман қауымға арналған.

T. I. Sultanov

KAZAKHS. THE FATE OF THE PEOPLE AND THE FATE OF THE COUNTRY IN THE MIDDLE AGES

Almaty: Daik-Press, 2020.

In the 16th century, a new configuration emerged on the political map of Central Eurasia, resulting from the struggle for dominance between the post-Mongol ulus and their dynasties. In the center of the new political map was the Kazakh Khanate, which was in direct contact with the new states on the designated territory. Therefore, the author focuses on the prehistory and circumstances of birth, the time of formation and the history of the Kazakh Khanate. The history of the Kazakh national statehood itself is considered in close connection with the history of the then neighbors – the states of nomadic Uzbeks in Maverannahr (Bukhara Khanate) and in Khorezm (Khiva Khanate), as well as the Mughal state in East Turkestan (Yarkand Khanate), the Oirats-Kalmaks in Dzungaria (Dzungar Khanate) and Muscovy (Russian Empire). The economy and life, religion and beliefs of the nomads of the Eastern Desht-i Kipchak and Mogolistan are discussed against a broad background.

The book is intended for university professors and students, as well as for the widest circle of readers interested in the problems of oriental studies and ethnography.

А. К. Кушкумбаев

ОРДЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ДЖУЧИЕВА УЛУСА (ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ)

Редакционная коллегия: М. Х. Абусеитова (председатель), А. Дербисали, Б. Д. Дюсенов, Д. Е. Медерова, Г. К. Муканова, Ж. Ошан, З. С. Табынбаева, Анне-Мари Вильмено (Бельгия), Токо Фудзимото (Япония). Алматы: Шығыс пен Батыс, 2020. 160 с.

В книге на основе анализа восточных письменных известий, тюркоязычных устных источников и научной литературы освещаются вопросы политической истории Улуса Джучи XIII–XV веков, связанные с проблемой существования центров власти Джучидской империи – Золотой Орды, Ак Орды, Кок Орды, Боз Орды, а также изложена историографическая традиция их появления.

Книга будет полезна для исследователей истории улусов-государств золотоордынского времени, специалистов по истории средневекового Казахстана, докторантов и магистрантов. Научное издание подготовлено в рамках реализации научной программы «История и культура Великой степи» Комитета науки МОН РК.

А. К. Көшкімбаев

ЖОШЫ ҰЛЫСЫНЫҢ САЯСИ ТАРИХЫНДАҒЫ ОРДАЛАР (ДЕРЕККӨЗДЕР МЕН ТАРИХНАМАСЫ)

Редакция алқасы: М. Қ. Әбусейітова (төрайым), Ә. Дербісәлі, Б. Д. Дүйсенов, Д. Е. Медерова, Г. К. Мұқанова, Ж. Ошан, З. С. Табынбаева, Анне-Мари

Вильмено (Бельгия), Токо Фудзимото (Япония). Алматы: «Шығыс пен Батыс», 2020. – 160 б.

Кітапта шығыстың жазба деректері, түркітілді ауызша дереккөздер мен ғылыми әдебиетті талдау негізінде, Жошы империясының Алтын Орда, Ақ Орда, Көк Орда, Боз Орда тәрізді билік орталықтарының проблемаларымен байланысты XIII–XV ғасырлардағы Жошы Ұлысының саяси тарихының мәселелері, сондай-ақ, олардың пайда болуының тарихнамалық дәстүрі баяндалған.

Кітаптың Алтын Орда заманындағы ұлыс-мемлекеттердің тарихы, ортағасырлық Қазақстан тарихы бойынша мамандар, докторанттар мен магистранттар үшін пайдасы бар. Ғылыми басылым ҚР БҒМ Ғылым комитетінің «Ұлы дала тарихы және мәдениеті» атты ғылыми бағдарламасын іске асыру аясында дайындалған.

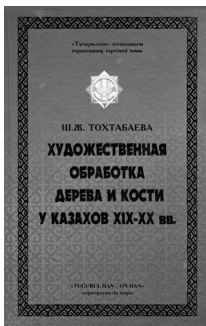
A. K. Kushkumbaev

HORDS IN THE POLITICAL HISTORY OF THE ULUS JOCHI (SOURCES AND HISTORIOGRAPHY)

Editorial board: M. Kh. Abuseitova (chairman), A. Derbisali, B. D. Dyusenov, D. E. Mederova, G. K. Mukanova, J. Oshan, Z. S. Tabynbaeva, Anne Marie Vilmeno (Belgium), Toko Fujimoto (Japan). Almaty: Shygys pen Batys, 2020. 160 p.

The book, based on the analysis of eastern written news, Turkic-speaking oral sources and scientific literature, highlights the political history of the Ulus Jochi of the XIII–XV centuries related to the issues of the centers of power of the Jochid Empire – the Golden Horde, Ak Horde, Kok Horde, Boz Horde, and set out the historiographic tradition of their appearance.

The book will be useful for researchers of the history of the ulus-states of the Golden Horde time, specialists in the history of medieval Kazakhstan, doctoral students and undergraduates. The scientific publication was prepared within the framework of the scientific program «History and Culture of the Great Steppe» of the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan.

Ш. Ж. Тохтабаева

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ОБРАБОТКА ДЕРЕВА И КОСТИ У КАЗАХОВ XIX–XX ВВ.

**Учебное пособие для студентов высших
учебных заведений**

Редактор: З. Е. Кабульдинов, д. и. н., профессор. Редакционная коллегия: А. К. Шашаев, Б. Кудайбергенулы, С. Е. Ажигали, А. У. Токтабай, М. М. Козыбаева, А. С. Маргулан. Алматы: Palitra Press, 2020. 122 с.

Книга посвящена раскрытию генезиса, художественно-образной и семантической сути народных деревянных изделий казахов XIX–XX вв., относящихся к важнейшему виду мужской ремесленности. Рассмотрены материал, инструменты, приемы казахской обработки дерева и кости. Открываемые новые грани и оттенки в данном виде народного искусства дают возможность по-новому осмыслить

историко-культурный феномен коллективного гения талантливых мастеров прошлого. Результаты исследования соответствуют задачам выполнения государственной программы исторических исследований «Семь граней Великой степи», в которой обращено внимание на изучение художественных традиций культурного наследия Казахстана. Книга-альбом будет представлять интерес не только для специалистов гуманитарного направления, но и для всех тех, кто не равнодушен к творческому наследию своего народа.

Ш. Ж. Тоқтабаева

XIX–XX ғғ. ҚАЗАҚТАРДЫҢ АҒАШ ПЕН СҮЙЕКТІ КӨРКЕМДІК ӨНДЕУІ

Жоғары оқу орындары студенттеріне арналған оқу құралы

Редакторы: З. Е. Қабылдинов, т. г. д., профессор. Редакция алқасы: А. К. Шашаев, Б. Құдайбергелұлы, С. Е. Әжіғали, А. У. Тоқтабай, М. М. Қозыбаева, А. С. Марғұлан. Алматы: Palitra Press, 2020. 122 б.

Кітап ерлер қолөнерінің өте маңызды түріне жататын, XIX–XX ғғ. қазақ халқының ағаш бұйымдарының генезисін, көркемдік-бейнелі және семантикалық мәнісін жайып көрсетуге арналған. Ағаш пен сүйекті қазақша өндеуге арналған материалдар, аспаптар мен айла-тәсілдері қарастырылған. Халық өнерінің осы түрінде ашылған жаңа қырлары мен реңктері өткеннің дарынды шеберлерінің ұжымдық кемеңгерлігінің тарихи-мәдени феноменіне жаңаша ойлап қарауға мүмкіндік береді.

Зерттеу нәтижелері Қазақстанның мәдени мұрасындағы көркемдік дәстүрлерін зерделеуге көңіл бөлінген «Ұлы даланың жеті қыры» атты мемлекеттік тарихи зерттеулер бағдарламасын орындайтын міндеттерге сәйкес.

Кітап-альбом тек гуманитарлық бағыттағы мамандарға ғана емес, сондай-ақ, халқының шығармашылық мұрасын жақсы көретін оқырмандардың қызығушылығын тудырады.

Sh. Zh. Tokhtabayeva

ARTISTIC TREATMENT OF WOOD AND BONE IN THE KAZAKHS OF THE XIX–XX CENTURIES

Textbook for students of higher educational institutions

Editor: Z. E. Kabuldinov, Doctor of Historical Sciences, professor. Reviewers: G. U. Orynbaeva, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor; A. T. Abdulina, PhD. Алматы: Palitra Press, 2020. 122 p.

Approved for publication by the Academic Council of the Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology KN MES RK (Protocol No. 7 dated «6» August 2019)

The book is devoted to the disclosure of the genesis, artistic-figurative and semantic essence of folk wooden products of the Kazakhs of the 19th – 20th centuries, belonging to the most important type of male handicraft. The material, tools, techniques of Kazakh wood and bone processing are considered. The new facets and shades being discovered in this form of folk art make it possible to comprehend in a new way the historical and cultural phenomenon of the collective genius of the talented masters of the past. The results of the study correspond

to the tasks of the state program of historical research «Seven Facets of the Great Steppe», in which attention is paid to the study of the artistic traditions of the cultural heritage of Kazakhstan. The book-album will be of interest not only for specialists in the humanitarian field, but also for all those who are not indifferent to the creative heritage of their people.

А. И. Исаева

**КӨРНЕКТІ ҒАЛЫМ М. С. МҰҚАНОВ ЖӘНЕ
XX ҒАСЫРДАҒЫ ОТАНДЫҚ ЭТНОЛОГИЯ**

Редакциялық алқа: З. Е. Қабылдинов, С. Е. Әжіғали, А. У. Тоқтабай, Г. У. Орынбаева, А. Т. Абдулина, Б. Құдайбергенұлы, Б. Қ. Смағұлов. Алматы: Palitra Press, 2019. 296 б.

Монографияда қазақ халқының этникалық тарихына, шежіресі мен материалдық мәдениетінің дамуына елеулі үлес қосқан этнография ғылымының көшбасшысы – Марат Сәбитұлы Мұқановтың ғылыми еңбектері жан-жақты қарастырылған. Бұл кітап ғалымның зерттеуші ретінде қалыптасуы мен осы жолдағы ізденістерін, қазақтардың ұлттық қолөнері, киіз үй, ру-тайпаларының этникалық тарихын, шежіресін, қоныстануын және ұлттық мәдениет тарихын зерделеуге бағытталған.

А. И. Исаева

**ВЫДАЮЩИЙСЯ УЧЕНЫЙ М. С. МУКАНОВ
И ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ЭТНОЛОГИЯ XX ВЕКА**

Редакционная коллегия: З. Е. Кабульдинов, С. Е. Әжіғали, А. У. Тоқтабай, Г. У. Орынбаева, А. Т. Абдулина, Б. Құдайбергенұлы, Б. К. Смағұлов. Алматы: Palitra Press, 2019. 296 б.

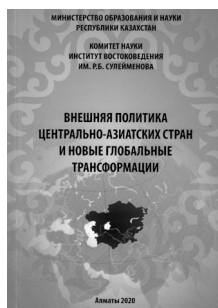
В монографии всесторонне рассматриваются научные труды лидера этнографической науки – Марата Сабитовича Муқанова, который внес значительный вклад в развитие этнической истории, генеалогии и материальной культуры казахского народа. Эта книга направлена на изучение становления ученого как исследователя и его трудов, посвященных казахским народным промыслам, юртам, этнической истории родов и племен, родословной, расселению и истории национальной культуры.

A. I. Isaeva

**OUTSTANDING SCIENTIST M. S. MUKANOV AND DOMESTIC
ETHNOLOGY OF THE XX CENTURY**

Editorial board: Z. E. Kabyldinov, S. E. Ajigali, A. U. Toktabay, G. U. Orynbaeva, A. T. Abdulina, B. Kudaibergenovich, B. Smagulov. Almaty: Palitra Press, 2019. 296 b.

The monographs cover the work of the leader of ethnographic science – Marat Sabitovich Mukanov, who made a significant contribution to the development of ethnic history, genealogy and material culture of the Kazakh people. This book is aimed at studying the status of the scientist as a researcher and his work, dedicated to the Kazakh folk crafts, yurts, tribes, genealogy, settlements and the history of national culture.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКИХ СТРАН И НОВЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

Аналитическое исследование

Г. М. Дүйсен, Д. А. Айтжанова, З. Г. Джалилов. Алматы: Институт востоковедения им. Р. Б. Сулейменова КН МОН РК, 2020. 92 с.

В аналитическом исследовании, выполненном в формате записки, рассмотрены основные проблемы внешнеполитической деятельности Казахстана и пути их решения в условиях реального времени. Авторами исследованы проблемы внешней политики Казахстана и стран Центральной Азии в условиях глобальных трансформаций. Проведен анализ современного состояния развития стран Центральной Азии в контексте геополитических процессов. Обоснованы научно-методологические подходы к формированию многовекторности и безопасности внешних политик в регионе.

ОРТАЛЫҚ АЗИЯ ЕЛДЕРІНІҢ СЫРТҚЫ САЯСАТЫ ЖӘНЕ ЖАҢА ЖАҒАНДЫҚ ӨЗГЕРІСТЕР

Аналитикалық зерттеу

Ғ. М. Дүйсен, Д. А. Айтжанова, З. Г. Джалилов. Алматы: ҚР БҒМ ҒК Р. Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институты, 2020. 92 б.

Жазба түрінде дайындалған аналитикалық зерттеуде Қазақстанның сыртқы саяси қызметіндегі негізгі проблемалар және шынайы уақыт жағдайында оларды шешу жолдары қарастырылған. Авторлар жаһандық өзгерістер жағдайындағы Қазақстан мен ОА елдерінің сыртқы саясатының проблемаларын зерттеген. Геосаяси процестер контексінде ОА елдерінің қазіргі даму жағдайына талдау жасалды. Дағдарыс салдарын еңсеру жағдайында ОА елдерінің тұрақты дамуын шарттайтын аймақтағы сыртқы саясаттың көпвекторлылығы және қауіпсіздігінің негіздерін қалыптастыратын ғылыми-методологиялық тәсілдер негізделген.

FOREIGN POLICY OF THE CENTRAL ASIAN COUNTRIES AND NEW GLOBAL TRANSFORMATIONS

Analytical research

G. M. Duisen, D. A. Aitzhanova, Z. G. Dzhaliylov. Almaty: R. B. Suleimenov Institute of Oriental Studies KN MES RK, 2020. 92 p.

The analytical study, carried out in the format of a note, examines the main problems of Kazakhstan's foreign policy and ways of solving them in real time. The authors investigated the problems of foreign policy of Kazakhstan and Central Asian countries in the context of global transformations. The analysis of the current state of development of the Central Asian countries in the context of geopolitical processes is carried out. The scientific and methodological approaches to the formation of the foundations of the multi-vector and security of foreign policies in the region.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Дюсенов Багдат Даниярович – старший научный сотрудник Института востоковедения им. Р. Б. Сулейменова КН МОН РК, магистр

Жанаев Болат Тажибайұлы – заведующий отделом публикации и использования архивных документов Центрального государственного архива Республики Казахстан

Жугенбаева Гульбану Саламатдиновна – главный научный сотрудник Института истории и этнологии имени Ч. Ч. Валиханова КН МОН РК, доктор исторических наук

Козыбаева Махаббат Маликовна – PhD, ученый секретарь Института истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова КН МОН РК

Кудайбергенов Болат Кудайбергенович – заместитель директора Института истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова КН МОН РК по научной работе, ведущий научный сотрудник, кандидат исторических наук

Оспанов Нурлан Муратович – научный сотрудник Института востоковедения им. Р. Б. Сулейменова КН МОН РК, магистр

Самигулин Ильяс Минсалихович – археограф отдела публикации и использования архивных документов Центрального государственного архива Республики Казахстан, главный научный сотрудник Института востоковедения им. Р. Б. Сулейменова КН МОН РК

Шотанова Галия Айтжановна – ведущий научный сотрудник Института истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова КН МОН РК, кандидат исторических наук

Уважаемые коллеги!

Институт востоковедения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан продолжает издание научного журнала «SHYGYS» («Восток»). В журнале публикуются научные исследования казахстанских и зарубежных ученых по различным направлениям востоковедения.

Журнал выходит на казахском, русском, английском, французском и немецком языках.

Редакция журнала «SHYGYS» принимает к публикации статьи, которые должны соответствовать следующим требованиям:

– статьи следует отпечатать в двух экземплярах, 14-м кеглем, шрифтом Times New Roman через один интервал, с соблюдением полей в 2 см со всех сторон. Статьи заверяются подписью автора (авторов). К рукописи прилагается электронный вариант статьи в формате Microsoft Word, графические материалы необходимо предоставлять отдельными файлами с расширениями jpeg или tif и разрешением не менее 300 dpi. К графическим материалам обязательны подписи;

– сноски даются в следующем виде: в тексте статьи приводится номер по порядку в квадратных скобках, а в конце – автор (Ф. И. О.), название статьи, название источника (книги, журнала), место, месяц и/или год издания;

– графики, диаграммы, иллюстрации и другие графические материалы распечатываются на отдельных листах. В тексте указывается желаемая позиция для размещения графических материалов и приводятся подписи к ним;

– к статье прилагаются резюме на трех языках: русском, казахском и английском, с Ф. И. О. и названием статьи.

– к статье прилагаются следующие сведения об авторе: фамилия, имя, отчество, место работы, ученая степень и должность, служебный и домашний адреса, номера служебного и домашнего телефонов.

Рукописи статей не возвращаются и не рецензируются.

Ответственность за содержание статей несет автор (авторы).

Редакция журнала оставляет за собой право публикации или отклонения рукописи.

Адрес редакции:

Республика Казахстан, 050010

Алматы, ул. Курмангазы, 29

Тел. (727) 261-16-01

Факс (727) 261-46-00

E-mail shighistanu@mail.ru, uly.dala2017@mail.ru

Ссылка при перепечатке на журнал «SHYGYS» обязательна.

Подписаться на журнал «SHYGYS» («Восток»)

можно в любом отделении «Казпочты».

Подписной индекс 75117 (для подписчиков из Казахстана).